

ISSN 2782-3660
eISSN 2782-3679

VERSUS

Наукометрия
Беньямин
Том 2 #2 2022



Вильян ван ден Аккер
Павел Арсеньев
Вальтер Беньямин
Руستم Вахитов
Пол Воутерс
Вячеслав Данилов
Ирина Дуденкова
Ив Жангра
Никита Загвоздкин
Юлиана Каминская
Артем Космарский
Дмитрий Кралечкин
Петр Сафронов
Томас Франссен
Улоф Халлонстен

VERSUS

TOM 2 №2 2022

VERSUS

Издается с 2021 года, выходит 6 раз в год

ISSN 2782-3660, eISSN 2782-3679

Учредители — Илья Калинин, Данила Расков

Издатель — Фонд «Институт экономической
политики имени Е. Т. Гайдара»

Том 2 № 2 2022

Главный редактор *Илья Калинин*

Шеф-редактор *Валерий Анашвили*

Заместители главного редактора *Данила Расков, Артем Смирнов*

Редакторы *Илья Мавринский, Илья Утехин*

Заведующий редакцией *Яков Охонько*

Ответственный секретарь *Анна Лаврик*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Елена Гапова (Каламазу, США), *Артеми Магун* (Санкт-Петербург, Россия), *Кевин Платт* (Филадельфия, США), *Нина Савченкова* (Санкт-Петербург, Россия), *Ирина Сироткина* (Москва, Россия), *Михаил Соколов* (Санкт-Петербург, Россия), *Николай Ссорин-Чайков* (Санкт-Петербург, Россия), *Анна Темкина* (Санкт-Петербург, Россия), *Альмира Усманова* (Вильнюс, Литва), *Игорь Чубаров* (Тюмень, Россия), *Кети Чухров* (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Владимир Автономов (Москва, Россия), *Борис Гройс* (Нью-Йорк, США), *Сергей Дробышевский* (Москва, Россия), *Елена Здравомыслова* (Санкт-Петербург, Россия), *Виктор Мазин* (Санкт-Петербург, Россия), *Михаил Маяцкий* (Лозанна, Швейцария), *Виктор Мизиано* (Москва, Россия), *Юлия Синеокая* (Москва, Россия), *Игорь Смирнов* (Москва, Россия), *Александр Степанов* (Санкт-Петербург, Россия), *Сергей Ушакин* (Принстон, США), *Олег Хархордин* (Санкт-Петербург, Россия), *Михаил Ямпольский* (Нью-Йорк, США)

Выпускающий редактор *Елена Попова*; дизайн *Сергей Зиновьев*;
верстка *Анастасия Меерсон*; обложка *Владимир Вертинский*;
корректор *Ольга Черкасова*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-81050 от 30.04.2021
Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования
и экспертного отбора
Тираж 1000 экз.

E-mail редакции: versusjournal@gmail.com

ВКонтакте: vk.com/versusjournal

125993, Россия, Москва, Газетный пер., д. 3-5, стр. 1

© Фонд «Институт экономической политики
имени Е. Т. Гайдара», 2022

www.iер.ru



Содержание

НАУКОМЕТРИЯ

<i>Ив Жангра.</i> О том, как не надо использовать наукометрию: злоупотребления и негативные эффекты количественной оценки исследований	6
<i>Томас Франссен, Пол Воутерс.</i> Наука и ее значимый другой: представление гуманитарных наук в наукометрических исследованиях	24
<i>Вячеслав Данилов, Ирина Дуденкова, Артем Космарский, Дмитрий Кралечкин, Петр Сафронов.</i> Как перестать беспокоиться и полюбить реферируемые журналы. Дискуссия о наукометрии	70
<i>Рустем Вахитов.</i> Макдональдизация вузовской науки в современной России	87
<i>Улоф Халлонстен.</i> Перестать оценивать науку: историко-социологическое обоснование	104
<i>Вильян ван ден Аккер.</i> Пора взять дело в свои руки: оценка исследований в гуманитарных науках	145

ВАЛЬТЕР БЕНЬЯМИН: РОЖДЕНИЕ ТРАГЕДИИ, ИСТОК ТРАУЕРШПИЛЯ

<i>Вальтер Беньямин.</i> Значение языка в трауершпиле и трагедии	158
<i>Никита Загвоздкин.</i> От философии к литературе	172
<i>Юлиана Каминская.</i> От литературы к философии	182

ОБЗОР

<i>Павел Арсеньев.</i> Эвфемизируя политику, или Литературная история <i>Esprit</i>	209
---	-----

VERSUS

Published since 2021, frequency — six issues per year

ISSN 2782-3660, eISSN 2782-3679

Vol. 2 #2 2022

Establishers — Ilya Kalinin, Danila Raskov

Editor-in-chief *Ilya Kalinin*

Managing editor *Valery Anashvili*

Deputy editors-in-chief *Danila Raskov, Artem Smirnov*

Editors *Ilya Mavrinsky, Ilya Utekhin*

Head of editorial staff *Yakov Okhonko*

Executive secretary *Anna Lavrik*

EDITORIAL COUNCIL

Igor Chubarov (Tyumen, Russia), *Keti Chukhrov* (Moscow, Russia),
Elena Gapova (Kalamazoo, USA), *Artemy Magun* (St. Petersburg, Russia),
Almira Ousmanova (Vilnius, Lithuania), *Kevin Platt* (Philadelphia, USA),
Nina Savchenkova (St. Petersburg, Russia), *Irina Sirotkina* (Moscow,
Russia), *Mikhail Sokolov* (St. Petersburg, Russia), *Nikolai Ssorin-Chaikov*
(St. Petersburg, Russia), *Anna Temkina* (St. Petersburg, Russia)

EDITORIAL BOARD

Vladimir Avtonomov (Moscow, Russia), *Sergey Drobyshvsky* (Moscow,
Russia), *Boris Groys* (New York, USA), *Mikhail Iampolski* (New York, USA),
Oleg Kharkhordin (St. Petersburg, Russia), *Victor Mazin* (St. Petersburg,
Russia), *Michail Maiatsky* (Lausanne, Switzerland), *Viktor Misiano*
(Moscow, Russia), *Serguei Oushakine* (Princeton, USA), *Julia Sineokaya*
(Moscow, Russia), *Igor Smirnov* (Moscow, Russia), *Alexander Stepanov*
(St. Petersburg, Russia), *Elena Zdravomyslova* (St. Petersburg, Russia)

Executive editor *Elena Popova*, design *Sergey Zinoviev*, layout *Anastasia
Meyerson*, cover *Vladimir Vertinskiy*, proofreader *Olga Cherkasova*

E-mail: versusjournal@gmail.com

VK: vk.com/versusjournal

Certificate of registration ПИ № ФС77–81050 от 30.04.2021

All published materials passed review and expert selection procedure

© Gaidar Institute Press, 2022 (www.iep.ru)

Print run 1000 copies

Contents

BIBLIOMETRICS

<i>Yves Gingras</i> . Drifts and Pernicious Effects of the Quantitative Evaluation of Research: The Misuse of Bibliometrics	6
<i>Thomas Franssen, Paul Wouters</i> . Science and Its Significant Other: Representing the Humanities in Bibliometric Scholarship	24
<i>Vyacheslav Danilov, Irina Dudenkova, Artyom Kosmarski, Dmitri Kralechkin, Peter Safronov</i> . How to Stop Worrying and Start Loving Refereed Journals: Bibliometric Debates	70
<i>Rustem Vakhitov</i> . The McDonaldization of University's Science in Contemporary Russia	87
<i>Olof Hallonsten</i> . Stop Evaluating Science: A Historical-Sociological Argument	104
<i>Wiljan van den Akker</i> . Yes We Should: Research Assessment in the Humanities	145

WALTER BENJAMIN: THE BIRTH OF TRAGEDY — THE ORIGIN OF TRAUERSPIEL

<i>Walter Benjamin</i> . The Role of Language in Trauerspiel and Tragedy	158
<i>Nikita Zagvozdkin</i> . From Philosophy to Literature	172
<i>Juliana Kaminskaja</i> . From Literature to Philosophy	182

REVIEW

<i>Pavel Arseniev</i> . Euphemising Politics, or The Literary History of the <i>Esprit</i>	209
--	-----

О том, как не надо использовать наукометрию: злоупотребления и негативные эффекты количественной оценки исследований

Ив Жангра

Эта статья написана по большей части на основе книги: *Gingras Y. Les dérives de l'évaluation de la recherche. Du bon usage de la bibliométrie.* P.: Éditions Raisons d'agir, 2014; *Жэнгра И. Ошибки в оценке науки, или Как правильно использовать библиометрию.* М.: НЛО, 2018. Впервые опубликована в: *Gingras Y. Dérives et effets pervers de l'évaluation quantitative de la recherche: sur les mauvais usages de la bibliométrie*// *Recherche en soins infirmiers.* 2015. № 121. P. 72–78. Перевод с французского Анной Зайцевой.
© 2015 Association de Recherche en Soins Infirmiers.

Ив Жангра. Факультет истории, Университет Квебека в Монреале (UQAM), Канада, gingras.yves@uqam.ca.

В центре внимания данной статьи — механизмы формирования библиометрических показателей (прежде всего, импакт-фактора журналов и h-индекса исследователей), используемых для количественной оценки творческой продуктивности и академической влиятельности ученых и периодических изданий, вовлеченных в производство научного знания. Все возрастающая роль этих показателей в академическом мире связана со все большим доминированием менеджерского подхода к высшему образованию и науке, основанного на неолиберальной логике эффективности и оптимизации затрат. Критический анализ алгоритмов, осуществляющих подсчет этих показателей, демонстрирует целый ряд асимметрий и ложных логических допущений, оказывающих негативное влияние на динамику научных исследований, — особенно в сфере социальных и гуманитарных наук. Так, например, общеизвестное рейтинговое отставание журналов по социогуманитарным наукам от естественно-научных журналов является результатом специфики подсчета импакт-фактора (среднеарифметического показателя количества упоминаний статей того или иного журнала за двухлетний период), не учитывающего различий в темпоральности развития естественно-научного и социогуманитарного знания. При рассмотрении h-индекса и механизма его калькуляции могут быть зафиксированы не менее фундаментальные аксиологические изъяны в самом характере изначально предполагаемой связи между количественным индикатором и реальным значением работ того или иного ученого для области его исследований. Более того, вшитая в саму природу библиометрических показателей возможность манипуляций, с одной стороны, уже породила значительное количество уловок и схем, позволяющих конкретным исследователям и институциям повышать свой рейтинг, а с другой — стала использоваться университетскими и академическими администрациями в качестве инструмента, формально легализующего зачастую дискриминационные решения в распределении ресурсов.

Ключевые слова: оценивание научных исследований; научная публикация; наукометрия; импакт-фактор.

О том, как не надо использовать импакт-фактор

Импакт-фактор (ИФ) журнала, вычисляемый и публикуемый ежегодно с 1975 года компанией *Thomson Reuters* (с 2016 года — *Clarivate Analytics*) в *Journal Citation Reports* на основе данных Индекса научного цитирования (*Science Citation Index, SCI*), представляет собой простой среднеарифметический показатель количества упоминаний статей того или иного журнала за двухлетний период. Иными словами, ИФ характеризует журналы, а не статьи¹. Например, ИФ какого-либо журнала за 2006 год вычисляется так: число упоминаний статей, опубликованных в нем в 2004–2005 годах, на протяжении 2006 года, делится на число самих статей журнала за тот же период (2004–2005). Выбор столь короткого, двухлетнего, периода для вычисления ИФ не случаен. Есть тенденция противопоставлять высокие ИФ научных журналов (таких как *Science* или *Nature*) низким ИФ журналов по социальным наукам. Однако во многом это следствие того, что у социальных наук иная темпоральность, чем у естественных наук. Действительно, достаточно увеличить период подсчета цитирований до десяти лет, чтобы ИФ этих дисциплин достиг вполне сопоставимых величин. Например, средний двухлетний показатель цитируемости статей медицинского журнала *The Lancet* в 1980 году составлял 2,4, а *American Sociological Review* — 1,8. Однако если подсчитать цитирования за десятилетний период, то результаты будут совсем иными: импакт-фактор социологического журнала (20,9) будет гораздо выше, чем медицинского (14)². Так что совершенно очевидно, что ИФ журналов в разных дисциплинах несравнимы между собой и что цифровой показатель имеет смысл не сам по себе, а лишь в сопоставлении с показателями журналов из той же области.

Хотя с середины 1990-х годов разные эксперты по библиометрии постоянно напоминали об абсурдности использования ИФ журналов для оценивания исследователей, это помогло предотвратить вопиющие злоупотребления со стороны властей предрежащих, а также некоторых исследова-

1. Archambault É., Larivière V. History of Journal Impact Factor: Contingencies and Consequences // *Scientometrics*. 2009. Vol. 79. № 3. P. 639–653.

2. Glänzel W., Moed H. F. Journal Impact Measures in Bibliometric Research // *Scientometrics*. 2002. Vol. 53. P. 171–193.

телей³. Последние стали использовать импакт-фактор для оценки исследователей, путая, таким образом, статьи и журналы. Более того, в некоторых странах (Пакистане, Китае, Южной Корее, Японии) министерские чиновники и сотрудники академических организаций даже учредили систему премирования, основанную на показателях импакт-фактора журналов. Как докладывал в 2006 году журнал *Nature*, на основе подсчета суммы импакт-факторов статей за тот или иной год министерство науки Пакистана назначает премии в размере от 1 000 до 20 000 долларов. Пекинский Институт биофизики учредил похожую систему: ИФ от 3 до 5 приносит заработок в размере 2 000 юаней за балл, а если ИФ превышает 10, то за каждый балл добавляется 7 000 юаней. В редакционной статье того же самого номера редколлегия журнала критиковала подобный абсурд. Как бы мы ни относились к самой идее премирования исследователей за производительность, проблема заключается в том, что используемый показатель был крайне превратно понят. Ведь совершенно невозможно, чтобы ИФ какого-нибудь математического журнала, к примеру, когда-либо сравнялся с ИФ медицинского журнала. И ни один здравомыслящий человек не станет утверждать, что все медицинские статьи качественно превосходят статьи по математике и поэтому их авторам нужно начислять более высокие премии.

Продemonстрируем еще на одном примере, какую интеллектуальную недобросовестность порождает безудержная гонка за местом в рейтинге. Некоторые университеты предлагают часто цитируемым исследователям, работающим в других институтах, добавить свой адрес в их публикации в обмен на денежное вознаграждение. Некоторые исследователи охотно добавляют эти искусственные аффилиации, за которыми не стоит никакая преподавательская или исследовательская нагрузка, что позволяет маргинальным учреждениям без усилий повышать свою позицию в рейтинге университетов, не создавая при этом настоящих лабораторий⁴. В академических кругах ходят слухи и о дру-

3. Seglen P.O. Why the Impact Factor of Journals Should Not Be Used for Evaluating Research//British Medical Journal. 1997. № 314. P. 498–502.

4. Bhattacharjee Y. Saudi Universities Offer Cash in Exchange for Academic Prestige//Science. Vol. 334. № 6061. P. 1344–1345. См. также многочисленные реакции в: Science. Vol. 335. № 6072. P. 1040–1042; мною опубликованы результаты наукометрического анализа, разоблачающего эти практики: Gingras Y. How to Boost Your University up the Rankings//University World News. 2014. № 329. URL: <http://universityworldnews.com/article.php?story=20140715142345754>.

гих подобного рода случаях, которые встречаются в Школах коммерции⁵.

Подобных вопиющих примеров уже достаточно, чтобы предостеречь университетских менеджеров или специалистов по пиару от упоминания столь сомнительных рейтингов в СМИ. Чем принимать рейтинги на веру, гораздо резоннее заглянуть внутрь этого «черного ящика».

И наконец, интересно подметить и ложную точность импакт-факторов, которые измеряются в показателях из четырех значимых цифр (то есть учитываются даже тысячные)! В естественных науках редко встречаются феномены, которые можно было бы описать с подобной точностью! И кому есть дело до того, что завтра температура будет... 20,233 градусов? Почему бы не ограничиться первой цифрой после запятой? А потому, что иначе все эти рейтинги во многом, если не полностью, утратили бы свой смысл.

Поскольку экономисты являются особо ярыми сторонниками использования импакт-факторов⁶, рассмотрим список экономических журналов в *Web of Science* (WoS) и их импакт-факторы за 2011 год. Разумеется, среди 256 журналов достаточно небольшое количество имеют показатели *ex æquo* с четырьмя значимыми цифрами (только у трех журналов ИФ достигает 1,000, у двух — 0,757, у трех — 0,743 и т. п.), что позволяет присваивать им какое-нибудь 22-е или 24-е место, как если бы за ними стояли отличные друг от друга показатели. Но поскольку невозможно всерьез считать, что эти дроби имеют какое-либо действительное значение, рассмотрим рейтинг без дробей. Тогда выходит, что лишь два журнала выбиваются в лидеры с ИФ 9 (*Journal of Economic Literature*) и 6 (*Quarterly Journal of Economics*), за ними идут два журнала с ИФ 4, аж 12 с ИФ 3 и... 31 с ИФ 2. И наконец, у 118 журналов ИФ 1. Иными словами, невозможно провести рейтингование внутри каждой из этих больших групп, и прибавление дробей — это попросту произвольный способ конструирования искусственных рейтингов. Может, иной экономист скажет нам, что десятичные дроби полезны, но даже при их учете остается 4 журнала с ИФ, равными 2,7 (11–14 места) и 18 — в почетной

5. По поводу академических злоупотреблений, порождаемых рейтингами Школ коммерции, см.: Chiapello È., Padis M.-O. Écoles de Commerce: La Pression de L'Internationalisation// *Esprit*. 2012. P. 18–25.

6. Gallois N. Les Conséquences Des Nouveaux Critères D'évaluation Des Chercheurs en Science Économique// *L'Économie politique*. 2013. Vol. 59. P. 98–112.

компании *World Bank Economic Review* — с ИФ в 1,1 (70–83 места). Здесь ложная точность скрывает за собой великую приблизительность.

Злоупотребление рейтингами и якобы точными показателями в принципе представляет собой поведение, за которым стоит полное непонимание характеристик используемых показателей. И требуется весь оппортунизм исследователей, пользующихся неправильно рассчитанными премиями, и весь оппортунизм журналов, которым на руку оценочное использование импакт-факторов, чтобы заставить верить (или делать вид), что подобная система справедлива и рациональна.

Эпидемия h-индекса

В последнее время исследователи все чаще указывают в своих резюме или на своих страницах в фейсбуке* свой h-индекс. В середине 2000-х годов, когда научные сообщества стали придумывать библиометрические индексы для придания большей объективности индивидуальным оценкам, американский физик Хорхе Е. Хирш из Калифорнийского университета в Сан-Диего предложил к использованию свой h-индекс. Этот индекс равен числу статей N, опубликованных исследователем и процитированных по меньшей мере N раз каждая с момента их публикации. Например, автор, опубликовавший 20 статей, из которых 10 цитируются как минимум 10 раз каждая, будет обладать h-индексом, равным 10. Произвольность этого индекса просматривается уже в самом названии статьи, опубликованной, однако, в считающемся престижным журнале *Proceedings* государственной Академии наук США: «индекс для квантификации научной продукции (*output*) исследователя»⁷. В действительности этот индекс не является ни мерой количества (*output*), ни мерой качества или импакта, а чем-то вроде микса этих двух мер. Он произвольно комбинирует количество опубликованных статей и количество цитирований. Считается, что благодаря этому индексу можно использовать не толь-

* Компания Meta признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации.

7. Hirsch J.E. An Index to Quantify an Individual's Scientific Research Output//*Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2005. Vol. 102. № 46. P. 16569–16572.

ко показатель числа статей, но и учитывать их «качество». В соответствии с распространенным стереотипом не сложно публиковать огромное количество плохих статей, поэтому число опубликованных статей не считается надежным показателем достоинств исследователя. Но проблема в том, что было быстро доказано: *h*-индекс в значительной степени коррелирует с общим числом опубликованных статей и, таким образом, оказывается излишним⁸.

Более того, у этого индекса нет ни одной базовой характеристики, каковыми должен обладать хороший показатель⁹. Как продемонстрировали Людо Вальтман и Неес Ян ван Эк при сравнении исследователей, количество ссылок на которых возрастает в равной пропорции, *h*-индекс может давать противоречивые результаты. Эти авторы заключают, что *h*-индекс «не может считаться подходящим показателем общего научного импакта исследователя»¹⁰. Этот кое-как сконструированный показатель даже опасен, если его используют в процессе принятия решений, поскольку может вызывать негативные эффекты. Это можно показать на одном простом примере. Сравним два случая: один молодой исследователь опубликовал только пять статей, но каждую из них за фиксированный промежуток времени процитировали 60 раз; второй исследователь того же возраста был в два раза более плодотворен, чем первый, и опубликовал 10 статей, каждая из которых процитирована 11 раз. Индекс *h* последнего, таким образом, равен 10, тогда как первого — всего 5. Свидетельствует ли это о том, что второй исследователь в два раза «лучше» первого и поэтому именно его нужно взять на работу или повысить? Конечно же нет...

Понятно, что *h*-индекс не способен по-настоящему измерить сравнительное качество двух исследователей и поэтому является технически несостоятельным индикатором. Несмотря на эти фатальные технические недостатки, в нескольких научных дисциплинах *h*-индекс получил широкое распространение. Создается впечатление, что он создан для того, чтобы тешить раздутое эго некоторых исследователей. Не стоит забывать и о том, что его быстрому распростране-

8. Van Leeuwen T. N. Testing the Validity of the Hirsch-Index for Research Assessment Purposes//Research Evaluation. 2008. Vol. 17. P. 157–160.

9. Gingras Y. Les dérives de l'évaluation de la recherche. Du bon usage de la bibliométrie. P.: Éditions Raisons d'Agir, 2014. Ch. 4.

10. Waltman L., Van Eck N. J. The Inconsistency of the h-index//Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2012. Vol. 63. № 2. P. 406–415.

нию способствовал тот факт, что он определяется автоматически во всех библиометрических базах данных, то есть его можно получить без каких-либо усилий. Но все-таки горько видеть, как ученые, которые вроде должны быть грамотны в математике, теряют всякую способность к критическому мышлению перед примитивной цифрой. Судя по всему, права старая английская пословица, так похожая на социальный закон: «Any number beats no number». Иными словами, лучше уж плохая цифра, чем вообще никакой...

Если верить Хиршу, его индекс способствует «более демократичному оцениванию научных исследований»¹¹. Но судя по всему, скорее, верно обратное: эта «демократия», не опирающаяся на знания об условиях валидности показателя, быстро трансформируется в оценочный популизм. В конце концов, скажем без обиняков, что фраза «мой h-индекс такой-то», которую часто можно встретить в заявках на финансирование и в резюме исследователей, абсолютно бессмысленна. Поскольку данный показатель зависит от базы данных, в которой он рассчитывается, нужно всегда уточнять: «мой h-индекс такой-то в базе данных такой-то». К тому же, его величина даже в одной базе данных — будь то *Scopus* или *WoS* — может варьироваться в зависимости от того, на какой период у вашего учреждения куплен на нее абонемент, ведь подсчет производится на основании данных только за тот период, на который вы подписаны. А между тем подавляющее большинство исследователей, использующих этот показатель, полностью игнорируют эти пускай и технические, но детали.

Мир из нескольких измерений

В разговорах об оценивании научных исследований больше всего раздражает стремление к попытке все свести к одной цифре. Упрощенчество, заложенное в этом стремлении, становится очевидным, если обратить внимание на тот факт, что это равносильно трансформации многомерного пространства в пространство с нулевым измерением.

Действительно, число, рассматриваемое в данном случае как точка, обладает нулевым измерением и в результа-

11. Rovner S. L. New Types of Journal Metrics Grow More Influential in the Scientific Community // Chemical & Engineering News Archive. 2008. Vol. 86. № 21. P. 39–42. URL: <http://pubs.acs.org/cen/science/86/8621sci.html>.

те комбинации нескольких индикаторов, взвешенных для того, чтобы получить одну-единственную цифру, теряет информация о каждой из осей (показателей) пространства, состоящего из нескольких измерений. В лучшем случае, если считать, что точка находится на линии, все равно все сводится к одному-единственному измерению. А между тем лишь учет сразу нескольких разных показателей позволяет охватить разные измерения того или иного понятия, например понятия качества и влияния (импакта) исследовательской работы. Так, академическую среду интересует прежде всего научное влияние публикаций, но невозможно игнорировать и другие типы влияния, для которых довольно просто было бы подобрать корректные показатели. Например, экономическое, социальное, культурное, экологическое и политическое влияние академических исследований. Так, в случае университетов исследования представляются не более чем производной от институции и качество преподавания не измеряется в свете проводимых в университете исследований, а также никоим образом не принимается во внимание инфраструктура, которой обеспечены студенты (качество зданий, библиотечные ресурсы и т.п.). Чтобы учитывать эти параметры, следует избавляться от «синдрома фонаря», от привычки искать ключи в освещенной зоне, а не точно в том месте (хотя бы и темном), где они были потеряны. В этой связи необходимо отказаться от легкодоступных показателей и, проводя исследования ряда кейсов, оценить наличие некоторых из этих влияний в каждом из основных показателей. Такой качественный подход затратен, но он необходим, если мы стремимся реально оценить влияние академического труда в разных секторах¹². Упрощенчество рейтингов достигает апогея в ежегодно публикуемых рейтингах университетов, которые якобы выявляют «лучшие» университеты на мировом уровне¹³.

12. *Mercure S. et al. Socioéconomiques de la recherche financée par le gouvernement du Québec, via les Fonds subventionnaires québécois. Études de cas. Rapport présenté au ministère du Développement économique, de l'Innovation et de l'Exportation du Québec. 2007.*

13. Я уже показывал несостоятельность этих рейтингов, основанных на упрощенных и случайно комбинируемых между собой показателях, в другой работе: *Gingras Y. Le classement de Shanghai n'est pas scientifique // La Recherche. № 430. P. 46–50. URL: <http://ost.uqam.ca/Portals/0/docs/articles/2009/Evaluation.Recherche.pdf>.*

Квантификация как форма контроля

Напряженные дискуссии об использовании библиометрических показателей в оценивании исследователей чаще всего оставляют за кадром важнейший аспект оценивания, а именно роль экспертной работы самих исследователей в этом процессе. Изначальное стремление взять под более строгий контроль давно устоявшуюся систему оценки коллегами (*peer review*), когда оценивающие обладали непосредственным знанием научной сферы оцениваемого исследователя, постепенно уступает место идее оценки экспертами (*expert review*), которые зачастую имеют лишь отдаленное отношение к данной научной сфере. Нормализация количественной оценки упрощает подобный переход, обеспечивая якобы «объективные» данные, которые может использовать кто угодно. Именно этот процесс происходил при выработке такими институтами, как *European Science Foundation*, *European Research Council* и французский AERES, рейтинга журналов А, В и С для упрощения и даже механизации индивидуального оценивания. Де-факто это является своего рода тэйлоризацией оценивания, деквалификацией необходимого для него экспертного знания. Эти рейтинги журналов уже воспринимаются как данное. А между тем они вызывают легко предсказуемые негативные последствия, которые вовсе не компенсируются их весьма ограниченной потенциальной пользой. Например, некоторые статьи будут предлагаться в неподходящие для них журналы по той причине, что последним присвоен рейтинг А, что будет повышать риск их отклонения редакцией журнала. Другое предсказуемое последствие: новым динамичным журналам станет сложно прокладывать себе дорогу (если только им не удастся быстро занять хорошую позицию в рейтинге) и в результате исследователи будут неохотно предлагать им статьи.

Будучи глухими к этим тонкостям и опасностям таких злоупотреблений, ратующие за «механистическое» количественное оценивание способствуют вытеснению из процесса оценивания считающегося «субъективным» качественно-го измерения. Они опираются исключительно на статистику, которую теперь могут анализировать люди, совершенно внешние по отношению к рассматриваемой научной сфере. Здесь наблюдается определенный парадокс. Для оценки исследователя необходимо собрать комиссию, состоящую из коллег, хорошо разбирающихся в своей области.

Эти специалисты знают, какие журналы хороши в их области, и не нуждаются в списке, установленном сторонней группой экспертов, классифицирующих журналы на А, В и С. В то время как лицам, не обладающим необходимыми знаниями в данной области, такие рейтинги дают основание считать, что их суждения легитимны. Но в действительности таких людей не следует даже допускать до участия в оценочных комиссиях. Все более многочисленные плохо сконструированные показатели, таким образом, дают возможность игнорировать оценку коллегами, оценку, которая должна принимать во внимание показатели продуктивности, но интерпретировать их в специфическом контексте оценивания. И тот факт, что некоторые исследователи участвуют в выработке этих рейтингов и сами используют эти несостоятельные показатели, ничуть не отменяет того, что данные методы минимизируют роль качественного оценивания научной работы, заменяя его механистическими оценками.

За оценивание без рейтингов

Часто путают оценивание и рейтингование. На самом деле это две совершенно разные операции. Если вторая подразумевает первую, то первая вовсе не обязательно приводит ко второй. В отличие от оценивания, которое призвано в определенный момент времени подвести промежуточный итог работе, проделанной индивидом или организацией, и предназначается прежде всего данному человеку или организации, рейтинг всегда связан с публикацией, с публичностью и пиаром. Но донесение до общественности — процесс отнюдь не безобидный, поскольку оно неизбежно вызывает негативные последствия, рискующие нанести вред репутации.

Следует также различать официальный и неофициальный рейтинги. Любой исследователь произвольно рейтингует для себя журналы своей дисциплины. Некоторые журналы более престижны, чем другие. Но эти субъективные и более-менее общепринятые рейтинги подвижны и разнятся от человека к человеку. Однако все кардинально меняется, когда официальная организация публикует официальный список, где во всеуслышание объявляется, что журналу Х присвоена оценка С, а журналу Y — оценка А. Такая официальная оценка неизбежно порождает негатив-

ные эффекты, к которым не приводят спонтанные рейтинги среди самих исследователей. Действительно, журнал Х публикует множество статей и некоторые из них оригинальные, выдающиеся и более значительные, чем статьи, опубликованные в журнале Y. И исследователи, пристально следящие за развитием своей научной сферы, это прекрасно понимают. Благодаря неформальному общению внутри сообщества и различным типам взаимодействий складывается спонтанная, подвижная и нестигматизирующая оценка. Таким образом, негласная иерархия журналов в той или иной научной области ни в коей мере не равнозначна официальному рейтингу.

Однако следует признать, что и в самом научном сообществе нет единодушия в этих вопросах. Некоторые исследователи в некоторых дисциплинах решили принять как данность это деление журналов на категории А, В и С. Другие ученые и другие дисциплины его отвергли, посчитав, что оно произвольно, и предложили попросту очертить некий «периметр научности», позволяющий утверждать, что вошедшие в него журналы — не какие-нибудь сомнительные конторы, а действительно серьезные академические издания. Сила данного подхода в том, что он позволяет не стать заложниками оценки официальных инстанций, ведь известно, насколько произвольны подобные рейтинги, неизменно отражающие борьбу за власть и определенную расстановку сил. А кто те судьи, что устанавливают подобные рейтинги? И кто с готовностью использует деление на А, В и С? Весьма показательно, что все уважаемые журналы по истории и социологии наук сообща отвергли рейтинг, изначально предложенный *European Science Foundation*, и уже в 2009 году опубликовали коллективную редакционную статью по этому вопросу. Иными словами, внутри научного поля ведется борьба, и было бы наивно не принимать ее во внимание¹⁴. Если посмотреть на состав разных комитетов, сформированных для рейтингования журналов в каждой из областей гуманитарных и социальных наук, понятно, что в них отнюдь не всегда заседают самые признанные исследователи, и механизмы кооптации этих комитетов остаются неясными. Создается впечатление, что здесь мы имеем дело с феноменом, который Пьер Бурдьё назвал «законом Жданова».

14. См. в редакционной статье: *Journals Under Threat: A Joint Response From History of Science, Technology and Medicine Editors*//*Medical History*. 2009. Vol. 53. № 1. P. 1–4.

В соответствии с этим законом тот, кто занимает отстающее положение в том или ином поле, более склонен содействовать властям в тех действиях, которые могут пошатнуть позиции доминирующих¹⁵. Попадание в число тех, кто официально решает, что этот журнал достоин оценки А, а другой — только С, кому-то явно может вскружить голову...

Псевдоинтернационализация и упадок локальных исследований

Недооцененным косвенным последствием подобного влияния импакт-факторов и рейтинга журналов является нежелание исследователей заниматься локальными, маргинальными и не модными темами. Такая тенденция особенно опасна для гуманитарных и социальных наук, предметы исследований которых по определению более локальны, чем у естественных наук. Совершенно нормально, что некоторые темы менее «пригодны для экспорта». Учитывая, что самые цитируемые журналы — англо-американские (а вовсе не «интернациональные»), шансы быть там опубликованным зависят от интереса данных журналов к теме исследования. Исследователю, стремящемуся публиковаться в самых известных журналах, лучше изучать экономику США, чем специфику Банка Канады или региональную экономику Квебека, поскольку эти темы мало интересуют американский журнал. Социолог, работающий по «интернациональной», а значит, делокализованной теме или занимающийся теорией, имеет больше шансов экспортировать свои статьи, чем социолог, занимающийся эмпирическим исследованием определенных аспектов своего общества. Например, сопоставление Хабермаса и Лумана скорее найдет спрос на международном рынке, поскольку у него нет того локального эмпирического содержания, которое могло бы уменьшить его привлекательность для американского журнала. Но если кто-то желает проводить сравнительное исследование покупательского поведения на юге Франции и в Бретани, у него могут возникнуть проблемы с «интернационализацией» результатов. Но неужто этот объект исследования менее важен, чем флуктуации Нью-Йоркской фондовой биржи? Локальные, но социологически важные объекты исследований

15. Бурдье П. О телевидении и журналистике. М.: Прагматика культуры, 2002. С. 83.

встанут под реальную угрозу потери ценности и утраты к ним интереса, если показатели цитируемости будут использоваться механически, без учета «индексикальности» (пользуясь термином этнометодологов) объектов исследования гуманитарных и социальных наук¹⁶. Исследователи перестанут изучать некоторые темы из страха, что их не будут публиковать журналы с оценкой А. Любопытно, что такие журналы чаще всего иностранные и на английском языке, тогда как журналы на национальных языках, как правило, получают оценку В или С. Трудно не заметить своеобразную форму колониализма в некоторых первичных рейтингах, предложенных *European Science Foundation*. Действительно, если судить только по общему числу цитирований, то почти неизбежно, что англо-американские журналы будут всегда в приоритете. Их, как правило, больше цитируют в силу простого демографического эффекта, поскольку потенциальное число читателей в той или иной научной области больше для английского, чем, например, для французского языка¹⁷. Однако это число ни в коей мере не указывает на интернациональное или национальное происхождение этих цитат. Это особенно чувствуется в социальных и гуманитарных науках, по причинам, обозначенным выше.

Первый показатель интернационализации можно было бы привязать к географическому происхождению авторов, публикуемых в журнале. По этому принципу оказывается, например, что в 2000–2012 году 81% авторов *American Journal of Sociology* — уроженцы США, тогда как доля британских авторов в *British Journal of Sociology* — всего 61%. Так что первый журнал — в основном американский, а значит, локальный, менее интернациональный по степени своей открытости, чем второй или даже чем канадский аналог *AJS*, в котором только 72% авторов канадцы. Другой полезный способ измерения интернациональной влиятельности этих журналов — посмотреть на географическое происхождение тех, кто их цитирует. И здесь тоже обнаруживается, что 97% цитирований *American Journal of Sociology* — в англоязычных статьях и только 3% — в статьях на других языках. Для сравнения среди цитат, отсылающих, например, к *Actes de la recherche*

16. Этот эффект уже дает о себе знать среди канадских экономистов; см.: Simpson W., Emery J. C. H. Canadian Economics in Decline: Implications for Canada's Economics Journals // Canadian Public Policy. 2012. Vol. 38. P. 445–470.

17. Gingras Y., Mosbah-Natanson S. La question de la traduction en sciences sociales: les revues françaises entre visibilité internationale et ancrage national // Archives européennes de sociologie. 2010. Vol. 51. P. 305–321.

en sciences sociales, только 64% происходят из франкоязычных источников, 26% — из англоязычных и 3% — из немецкоязычных. Географическое происхождение цитат показывает также более сильную локальную концентрацию для Американского социологического журнала, поскольку две трети цитат происходят из США, тогда как только 40% отсылок к *Actes de la recherche*, учтенных в WoS, происходят из Франции¹⁸. Итак, мы видим, что, хотя общий объем цитирований американского журнала в десять раз выше, чем у французского журнала, это вовсе не означает бóльшую влияние на международном рынке.

Заключение: не цифра, а суждение

Распространено убеждение, что от рейтингов никуда не денешься и поэтому с ними «приходится считаться». Это совершенно не так. Благодаря сопротивлению исследователей такие неразумные проекты иногда удается останавливать. Например, в Австралии остро негативная реакция ученых на рейтинги журналов заставила правительство пойти на попятную и отказаться от использования этих рейтингов для оценивания исследовательской работы¹⁹. Также и во Франции протест со стороны многих исследователей привел к тому, что организации, продвигавшие подобные рейтинги, были вынуждены перейти к простому списку журналов, определяющему «периметр научности»²⁰. Этот пример наглядно демонстрирует, что возможно очертить некую совокупность журналов, считающихся научными в той или иной области, не попадая в ловушку рейтингов, которые на самом-то деле как раз и призваны механизировать процесс принятия решений и обойтись без мнения равных.

18. Этот краткий анализ был осуществлен с помощью функции “Analyze results” базы данных WoS.

19. См.: Creagh S. Journal Rankings Ditched // The Conversation. 01.06.2011. URL: <https://theconversation.com/journal-rankings-ditched-the-experts-respond-1598>, а также: Vanclay J. K. An Evaluation of the Australian Research Council's Journal Ranking // Journal of Informetrics. 2011. № 5. P. 265–274.

20. Saada A. L'évaluation et le classement des revues de sciences humaines par l'Agence de l'évaluation de la recherche et de l'enseignement supérieur (AERES) // Connexions. 2010. № 93. P. 199–204; Pontille D., Torny D. Rendre publique l'évaluation des SHS: les controverses sur les listes de revues de l'AERES // Quaderni. 2012. № 77. P. 11–24.

В целом научный мир не должен пасовать перед требованиями, в которых нет ни грамма научности и которые следуют чуждым ему логикам. Тем более что именно франкоязычные журналы и локальные, но очень важные для общества, объекты исследований рискуют пасть первыми жертвами этого порочного оценивания.

Библиография

- Жэнгра И. Ошибки в оценке науки, или Как правильно использовать библиометрию. М.: НЛО, 2018.
- Бурдье П. О телевидении и журналистике. М.: Прагматика культуры, 2002.
- Archambault É., Larivière V. History of Journal Impact Factor: Contingencies and Consequences//*Scientometrics*. 2009. Vol. 79. № 3. P. 639–653.
- Bhattacharjee Y. Saudi Universities Offer Cash in Exchange for Academic Prestige//*Science*. Vol. 334. № 6061. P. 1344–1345.
- Bourdieu P. Sur la télévision. P.: Raisons d'Agir, 1996.
- Chiapello È., Padis M.-O. Écoles de Commerce: La Pression de L'Internationalisation//*Esprit*. 2012. P. 18–25.
- Creagh S. Journal Rankings Ditched//*The Conversation*. 01.06.2011. URL: <https://theconversation.com/journal-rankings-ditched-the-experts-respond-1598>.
- Gallois N. Les Conséquences Des Nouveaux Critères D'évaluation Des Chercheurs en Science Économique//*L'Économie politique*. 2013. Vol. 59. P. 98–112.
- Gingras Y. How to Boost Your University up the Rankings//*University World News*. 2014. № 329. URL: <http://universityworldnews.com/article.php?story=20140715142345754>.
- Gingras Y. Le classement de Shanghai n'est pas scientifique//*La Recherche*. № 430. P. 46–50. URL: <http://ost.uqam.ca/Portals/0/docs/articles/2009/Evaluation.Recherche.pdf>.
- Gingras Y. Les dérives de l'évaluation de la recherche. Du bon usage de la bibliométrie. P.: Éditions Raisons d'Agir, 2014. Ch. 4.
- Gingras Y., Mosbah-Natanson S. La question de la traduction en sciences sociales: les revues françaises entre visibilité internationale et ancrage national//*Archives européennes de sociologie*. 2010. Vol. 51. P. 305–321.
- Glänzel W., Moed H. F. Journal Impact Measures in Bibliometric Research//*Scientometrics*. 2002. Vol. 53. P. 171–193.
- Hirsch J.E. An Index to Quantify an Individual's Scientific Research Output//*Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2005. Vol. 102. № 46. P. 16569–16572.
- Journals Under Threat: A Joint Response From History of Science, Technology and Medicine Editors//*Medical History*. 2009. Vol. 53. № 1. P. 1–4.
- Mercure S. et al. Socioéconomiques de la recherche financée par le gouvernement du Québec, via les Fonds subventionnaires québécois. Études de cas. Rapport présenté au ministère du Développement économique, de l'Innovation et de l'Exportation du Québec. 2007.
- Pontille D., Torny D. Rendre publique l'évaluation des SHS: les controverses sur les listes de revues de l'AERES//*Quaderni*. 2012. № 77. P. 11–24.
- Rovner S.L. New Types of Journal Metrics Grow More Influential in the Scientific Community//*Chemical & Engineering News Archive*. 2008. Vol. 86. № 21. P. 39–42. URL: <http://pubs.acs.org/cen/science/86/8621sc1.html>.
- Saada A. L'évaluation et le classement des revues de sciences humaines par l'Agence de l'évaluation de la recherche et de l'enseignement supérieur (AERES)//*Connexions*. 2010. № 93. P. 199–204.
- Science. Vol. 335. № 6072. P. 1040–1042.

- Seglen P.O. Why the Impact Factor of Journals Should Not Be Used for Evaluating Research//British Medical Journal. 1997. № 314. P. 498–502.
- Simpson W., Emery J.C.H. Canadian Economics in Decline: Implications for Canada's Economics Journals//Canadian Public Policy. 2012. Vol. 38. P. 445–470.
- Van Leeuwen T.N. Testing the Validity of the Hirsch-Index for Research Assessment Purposes//Research Evaluation. 2008. Vol. 17. P. 157–160.
- Vancly J.K. An Evaluation of the Australian Research Council's Journal Ranking//Journal of Informetrics. 2011. № 5. P. 265–274.
- Waltman L., Van Eck N.J. The Inconsistency of the H-Index//Journal of the American Society for Information Science and Technology. February 2012. Vol. 63. № 2. P. 406–415.

Drifts and Pernicious Effects of the Quantitative Evaluation of Research: The Misuse of Bibliometrics

Yves Gingras. Department of history, Université du Québec à Montréal (UQAM), Montréal, Canada, gingras.yves@uqam.ca.

The focus of this article is on the mechanisms behind the bibliometric indicators (principally journal impact factors and researchers' h-indexes) used to quantify the creative productivity and academic influence of scientists and scientific periodicals. The increasing use of these indicators in the academic world is associated with the increasing dominance of the managerial approach to higher education and science based on the neoliberal logic of efficiency and cost optimization. A critical analysis of the algorithms that calculate these indicators demonstrates a number of asymmetries and false logical assumptions that have a negative impact on the dynamics of scientific research, especially in the field of social sciences and humanities. For example, the well-known ratings lag between journals in the hard sciences, social sciences and humanities results from the way "impact factors" (the arithmetic mean of the number of mentions of articles of a particular journal over a two-year period) are calculated without considering the differing tempos at which these disciplines evolve. Considering the "h-index" and the basis of its calculation, a no less fundamental flaw of axiology can be found in the very preconception that a quantitative indicator speaks to the real value of a scientist's work for their particular field of research. Moreover, the possibility of manipulation, sewn into the very nature of bibliometric indicators, has generated a significant number of tricks and schemes that allow for specific researchers and institutions to increase their ratings. It has likewise been used by university and academic administrations as a tool to formally legalize often discriminatory decisions in the allocation of resources.

Keywords: *assessment of scientific research; scientific publication; bibliometrics; impact factor.*

References

- Archambault É., Larivière V. History of Journal Impact Factor: Contingencies and Consequences. *Scientometrics*, 2009, vol. 79, no. 3, pp. 639–653.
- Bhattacharjee Y. Saudi Universities Offer Cash in Exchange for Academic Prestige. *Science*, 2011, vol. 334, no. 6061, pp. 1344–1345.
- Bourdieu P. *Sur la télévision*, Paris, Raisons d'Agir, 1996.
- Chiapello È., Padis M.-O. Écoles de Commerce: La Pression de L'Internationalisation. *Esprit*, 2012, pp. 18–25.

- Creagh S. Journal Rankings Ditched: The Experts Respond. *The Conversation*, 01.06.2011. URL: <http://theconversation.com/journal-rankings-ditched-the-experts-respond-1598>.
- Gallois N. Les Conséquences Des Nouveaux Critères D'évaluation Des Chercheurs en Science Économique. *L'Économie politique*, 2013, vol. 59, pp. 98–112.
- Gingras Y. How to Boost Your University up the Rankings. *University World News*, 2014, no. 329. URL: <http://universityworldnews.com/article.php?story=20140715142345754>.
- Gingras Y. Le classement de Shanghai n'est pas scientifique. *La Recherche*, no. 430, pp. 46–50. URL: <http://ost.uqam.ca/Portals/0/docs/articles/2009/Evaluation.Recherche.pdf>.
- Gingras Y. *Les dérives de l'évaluation de la recherche. Du bon usage de la bibliométrie*, Paris, Éditions Raisons d'Agir, 2014.
- Gingras Y., Mosbah-Natanson S. La question de la traduction en sciences sociales: les revues françaises entre visibilité internationale et ancrage national. *Archives européennes de sociologie*, 2010, vol. 51, pp. 305–321.
- Glänzel W., Moed H.F. Journal Impact Measures in Bibliometric Research. *Scientometrics*, 2002, vol. 53, pp. 171–193.
- Hirsch J.E. An Index to Quantify an Individual's Scientific Research Output. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2005, vol. 102, no. 46, pp. 16569–16572.
- Journals Under Threat: A Joint Response From History of Science, Technology and Medicine Editors. *Medical History*, 2009, vol. 53, no. 1, pp. 1–4.
- Mercure S., Bertrand F., Archambault É., Gingras Y. Socioéconomiques de la recherche financée par le gouvernement du Québec, via les Fonds subventionnaires québécois. Études de cas. Rapport présenté au ministère du Développement économique, de l'Innovation et de l'Exportation du Québec. 2007.
- Pontille D., Torny D. Rendre publique l'évaluation des SHS: les controverses sur les listes de revues de l'AERES. *Quaderni*, 2012, no. 77, pp. 11–24.
- Rovner S.L. New Types of Journal Metrics Grow More Influential in the Scientific Community. *Chemical & Engineering News Archive*, 2008, vol. 86, no. 21, pp. 39–42. URL: <http://pubs.acs.org/cen/science/86/8621sci1.html>.
- Saada A. L'évaluation et le classement des revues de sciences humaines par l'Agence de l'évaluation de la recherche et de l'enseignement supérieur (AERES). *Connexions*, 2010, no. 93, pp. 199–204.
- Seglen P.O. Why the Impact Factor of Journals Should Not Be Used for Evaluating Research. *British Medical Journal*, 1997, no. 314, pp. 498–502.
- Simpson W., Emery J.C.H. Canadian Economics in Decline: Implications for Canada's Economics Journals. *Canadian Public Policy*, 2012, vol. 38, pp. 445–470.
- Van Leeuwen T.N. Testing the Validity of the Hirsch-Index for Research Assessment Purposes. *Research Evaluation*, 2008, vol. 17, pp. 157–160.
- Vanclay J.K. An Evaluation of the Australian Research Council's Journal Ranking. *Journal of Informetrics*, 2011, no. 5, pp. 265–274.
- Waltman L., Van Eck N.J. The Inconsistency of the H-Index // *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. February 2012. Vol. 63. № 2. P. 406–415.
- Zahed A. Saudi University Policy: King Abdulaziz Response. *Science*, 2012, vol. 335, no. 6072, pp. 1040–1042.

Наука и ее значимый другой: представление гуманитарных наук в наукометрических исследованиях

Томас Франссен, Пол Воутерс

Томас Франссен. Центр исследований науки и технологий (CWTS), Лейденский университет, Лейден, Нидерланды, t.p.franssen@cwts.leidenuniv.nl.

Пол Воутерс. Центр исследований науки и технологий (CWTS), Лейденский университет, Лейден, Нидерланды, p.f.wouters@cwts.leidenuniv.nl.

Когнитивные и социальные структуры, а также практики публикации в гуманитарных науках библиометрически измерялись в течение последних пятидесяти лет. В этой статье исследуются концептуальные рамки, методы и источники данных, используемые в библиометрии для изучения природы гуманитарных наук, их отличия от других научных областей и сходства с ними. Мы даем исторический обзор библиометрических исследований, которые были посвящены эмпирическому изучению гуманитарных наук с 1965 по 2018 год, и выделяем два периода, в которых конфигурации библиометрической системы заметно различаются. Первый период, с 1965 по 1980-е годы, характеризуется библиометрическими методами, встроенными в теоретическую социологическую основу, разработкой и использованием индекса Прайса и небольшими выборками журнальных публикаций, ссылки в которых используются в качестве источников данных. Второй период, с 1980-х годов по настоящее время, характеризуется тем, что базируется на новой интеллектуальной основе — научной политике и оценке исследований, — в которые встроены библиометрические методы. Здесь метаданные публикаций становятся тем первичным источником данных, с помощью которых анализируются публикационные профили гуманитарных научных сообществ. Наиболее значительным изменением между этими двумя периодами является изменение стоящего за работой ученых внутреннего концептуального основания, на котором выстраиваются библиометрические исследования. В течение первого периода библиометрические исследования базируются на теоретической основе, выводимой из социологии науки. Ситуация меняется в начале 1980-х годов, когда библиометрические методы все чаще используются в контексте научной политики и оценки исследований.

Ключевые слова: *библиометрические исследования; библиометрические методы; библиометрические показатели; индекс Прайса; метаданные; библиометрия.*

Перевод с английского Алексея Снигирова по изданию: *Franssen T., Wouters P. Science and Its Significant Other: Representing the Humanities in Bibliometric Scholarship*//Journal of the Association for Information Science and Technology. 2019. Vol. 70. № 10. P. 1124–1137.

© 2019 Thomas Franssen, Paul Wouters. Статья распространяется на основе публичной лицензии Creative Commons (CC-BY-NC).

Как мы можем охарактеризовать гуманитарные науки и что отличает их от других научных областей? Этот вопрос тяготил и историков, и социологов наук на протяжении последних десятилетий. Хотя одни, например Ренс Бод¹, прослеживая историю гуманитарных исследований, указывают на сходство между гуманитарными науками и другими научными областями, другие ссылаются на Чарльза Сноу² и объявляют гуманитарные науки совершенно особой формой научных исследований. Если гуманитарные науки во многом схожи с иными формами научного исследования, в чем состоят их различия? Если гуманитарные науки вообще нельзя охарактеризовать как науки, как тогда их следует охарактеризовать?

Эти вопросы важны и для библиометристов. Дерек Прайс³ подробно изучил этот вопрос, разработав методику определения научности и проанализировав, чем гуманитарные науки на самом деле отличаются от прочих форм научных исследований. В других библиометрических исследованиях эмпирическое изучение определенных аспектов гуманитарных наук, их публикационной практики или социальной и когнитивной структуры оказываются побочным продуктом разработки наборов библиометрических данных, методов и показателей, используемых главным образом для оценки исследований и разработки научной политики. Эти исследования прямо не касаются вопроса о том, что характеризует гуманитарные науки, но мы утверждаем, что и для этих ученых ответ на этот вопрос важен.

В настоящее время в гуманитарных кругах зачастую не доверяют библиометрическим методам из-за перформативных эффектов библиометрических показателей. Библиометрические методы предлагают определенное представление науки⁴, а библиометрические представления

1. Bod R. A New History of the Humanities: The Search for Principles and Patterns From Antiquity to the Present. Oxford: Oxford University Press, 2013.

2. Сноу Ч. Две культуры и научная революция // Он же. Портреты и размышления. М.: Прогресс, 1985. С. 195–226.

3. Price D. Citation Measures of Hard Science, Soft Science, Technology and Non-science // Communication Among Scientists and Engineers / C. Nelson, D. Pollock (eds). Lexington: Heath Lexington, 1970. P. 3–22.

4. Nicolaisen J. Citation Analysis // Annual Review of Information Science and Technology. 2007. № 41. P. 609–642; Wouters P. The Citation Culture (Doctoral dissertation). Amsterdam: University of Amsterdam, 1999.

всегда перформативны; потенциально они влияют на самую научную систему⁵. Подобные перформативные эффекты библиометрии были задокументированы, прежде всего, в отношении процессов оценки исследований и того, как распространенные представления (и конкретные библиометрические показатели) могут влиять на исследовательскую практику⁶.

Однако библиометрический анализ также дает представление и о более широких вопросах, касающихся природы гуманитарных наук. Нас особенно интересуют способы изучения социальных и когнитивных структур и публикационной практики гуманитарных наук на протяжении всей истории библиометрии, часто в сравнении с другими научными областями или с общим понятием «науки». И хотя существуют обзоры библиометрической литературы, относящейся к гуманитарным наукам⁷, они в основном касались оценки исследований. В них ставился вопрос о том, какие библиометрические показатели подходят для использования в оценочных целях в гуманитарных (и социальных) науках⁸.

В этой статье мы ставим перед собой две цели: (а) постараться выделить основные концептуальные рамки, методы и источники данных, используемые для изучения гуманитарных наук, и (б) попробовать поразмыслить над аналитической ценностью различных подходов к пониманию природы гуманитарных наук. В свете первой мы рассматриваем три ключевых аспекта библиометрических исследований. Первый — это те теоретические понятия, вокруг которых строится анализ, такие как «научность» или «междуна-

5. См., напр.: Wyatt S. et al. The Intellectual and Practical Contributions of Scientometrics to STS//The Handbook of Science and Technology Studies/U. Felt et al. (eds). Cambridge: MIT Press, 2016. P. 87–112.

6. De Rijcke S. et al. Evaluation Practices and Effects of Indicator Use — A Literature Review//Research Evaluation. 2016. Vol. 25. № 2. P. 161–169.

7. Ardanuy J. Sixty Years of Citation Analysis Studies in the Humanities (1951–2010)//Journal of the American Society for Information Science. 2013. Vol. 6. № 8. P. 1751–1755; Huang M. H., Chang Y. W. Characteristics of Research Output in Social Sciences and Humanities: From a Research Evaluation Perspective//Journal of the Association for Information Science and Technology, 2008. Vol. 59. № 11. P. 1819–1828; Moed H. Citation Analysis in Research Evaluation. Dordrecht: Springer. 2006. Pt. 2.3.

8. Исключениями служат, напр.: Colavizza G. The Structural Role of the Core Literature in History//Scientometrics. 2008. Vol. 113. № 3. P. 1787–1809; Hammarfelt B. Beyond Coverage: Toward a Bibliometrics for the Humanities//Research Assessment in the Humanities. Towards Criteria and Procedures/M. Ochsner et al. (eds). Cham: Springer, 2016. P. 115–131.

родность», а также понимание той части теоретического хинтерланда (внутренней научной «кухни»)⁹, в котором укоренены библиометрические исследования. Второй — библиометрический метод, разработанный для операционализации теоретической концепции. Третий элемент — источник(и) данных, использовавшиеся для эмпирической разработки библиометрического метода. Вдохновленные работой Ханс-Йорга Рейнбергера¹⁰, мы понимаем комбинации концептуальной основы, библиометрического метода и источника данных как конфигурацию библиометрической системы. Мы утверждаем, что можно четко различать два периода, в которых существовали две различные конфигурации библиометрической системы, заметно различающиеся по своему подходу.

Первый период охватывает промежуток с 1965 по 1980-е годы и характеризуется социологическими рамками, разработкой и использованием индекса Прайса, а также работой с небольшими выборками журнальных публикаций, ссылки в которых используются в качестве исходных данных. Мы также различаем два научных сообщества, применяющих библиометрические методы в этот период времени, — ими были социологи и специалисты в области библиотековедения и информатики.

Второй период, начавшийся с середины 1980-х годов, характеризуется новой интеллектуальной основой, в которой укореняются библиометрические методы, базирующейся на научной политике и оценке исследований. В этом новом контексте основным источником данных (за исключением литературы по картографированию науки) становятся не ссылки, а метаданные публикаций (тип издания, язык). Этот фокус на профиле самой публикации, а не на профиле ссылок, имеет важные последствия для того, как формируются характеристики гуманитарных наук. В этот период мы различаем три типа библиометрических исследований, которые проводились частично совпадающими научными сообществами, причем все они относятся к библиотековедению и информатике. Эти три типа исследования включают: библиометрические показатели и оценку исследований

9. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Издательство Института Гайдара, 2015.

10. Rheinberger H.-J. On Historicizing Epistemology: An Essay. Stanford: Stanford University Press, 2010; см. также: Wouters P. What Is the Matter With E-Science: Thinking Aloud About Informatization in Knowledge Creation//Pantaneto Forum. 2006. Vol. 23. URL: <http://pantaneto.co.uk/issue-23/>.

в гуманитарных науках; методы картографирования гуманитарных наук для изучения их когнитивной структуры; использование новых национальных и региональных баз данных для изучения публикационной практики ученых-гуманитариев.

Вторая цель этой статьи — рефлексии об аналитической ценности различных подходов к пониманию природы гуманитарных наук. Мы идентифицируем новые направления в аналитике и ставим вопрос об основах концепции интернациональности и то, как она связана с концепцией научности. Мы хотели бы стимулировать дебаты в библиометрическом сообществе о тех концепциях и эмпирических показателях, которые мы используем в исследованиях, касающихся гуманитарных наук, и выступаем за дополнительные (сравнительные) исследования когнитивной и социальной структуры гуманитарных наук.

Методы

Мы собрали библиометрические публикации, в которых используются библиометрические методы для изучения когнитивных или социальных структур гуманитарных наук и практик публикации научных работ, относящиеся к периоду с 1965 по 2018 год. Наша стратегия поиска таких публикаций сочетала различные методы. Мы взяли кое-что из более ранних попыток собрать все публикации по библиометрии, относящиеся к гуманитарным наукам, в частности у Джорди Ардануй¹¹ и Антона Недерхофа¹². Методики поиска включали использование *Web of Science* (WoS) и *Google Scholar* с *CitNetExplorer*¹³ для изучения сети цитирования отобранных публикаций и выявления важных недостающих ссылок (мы вручную включали библиографическую информацию из тех публикаций, из которых мы не смогли получить доступ к библиографической информации через WoS).

11. Ardanuy J. Sixty Years of Citation Analysis Studies in the Humanities (1951–2010). P. 1751–1755.

12. Nederhof A. Bibliometric Monitoring of Research Performance in the Social Sciences and the Humanities: A Review // *Scientometrics*. 2006. Vol. 66. № 1. P. 81–100.

13. Van Eck N., Waltman L. CitNetExplorer: A New Software Tool for Analyzing and Visualizing Citation Networks // *Journal of Informetrics*. 2014. Vol. 8. № 4. P. 802–823.

В области публикаций, касающихся оценки исследований, мы были очень избирательны. Мы не включили в наше исследование те публикации, в которых разрабатываются новые библиометрические индикаторы, но при этом они не используются для анализа социальных или когнитивных структур и публикационной практики гуманитарных наук. Мы сосредоточили фокус внимания на самых ранних публикациях, в которых понятие интернациональности разрабатывается как концептуально, так и эмпирически. Включены также те публикации из области оценки научных исследований, которые содержат большие эмпирические исследования; в основном это тематические исследования публикаций в области гуманитарных наук в определенных странах.

Мы отбирали публикации, вышедшие в научных журналах и на английском языке. Мы признаем, что не рассматривали публикации на других языках, изучающие когнитивные или социальные структуры гуманитарных наук, представленные в публикациях на определенном языке. Мы, впрочем, не думаем, что упустили таким образом некие другие виды библиометрических исследований. Некоторые важные исследования понятий качества в гуманитарных науках¹⁴ не используют библиометрические методы, поэтому они также исключены из этого исследования.

Всего была отобрана 101 публикация (см. список в конце статьи). Мы прочитали все публикации и провели кодировку на основании использованных в них важных концепций, источников данных и методов. Эти публикации были вручную кластеризованы, чтобы визуализировать их отношения цитирования с помощью *CitNetExplorer* (рис. 1). Визуализация кластеров на рис. 1 показывает читателю развитие использования библиометрии с течением времени. На рис. 2 более детально показана сеть цитирования научных сообществ, преобладавших в первый период исследования. Рис. 3 показывает аналогичную картину для второго периода.

14. См., напр.: Hug S.E. et al. Criteria for Assessing Research Quality in the Humanities: A Delphi Study among Scholars of English Literature, German Literature and Art History // *Research Evaluation*. 2013. Vol. 22. № 5. P. 369–383; Ochsner M. et al. Four Types of Research in the Humanities: Setting the Stage for Research Quality Criteria in the Humanities // *Research Evaluation*. 2012. Vol. 22. № 2. P. 79–92; Idem. *Research Assessment in the Humanities: Towards Criteria and Procedures*. Cham: Springer, 2016.

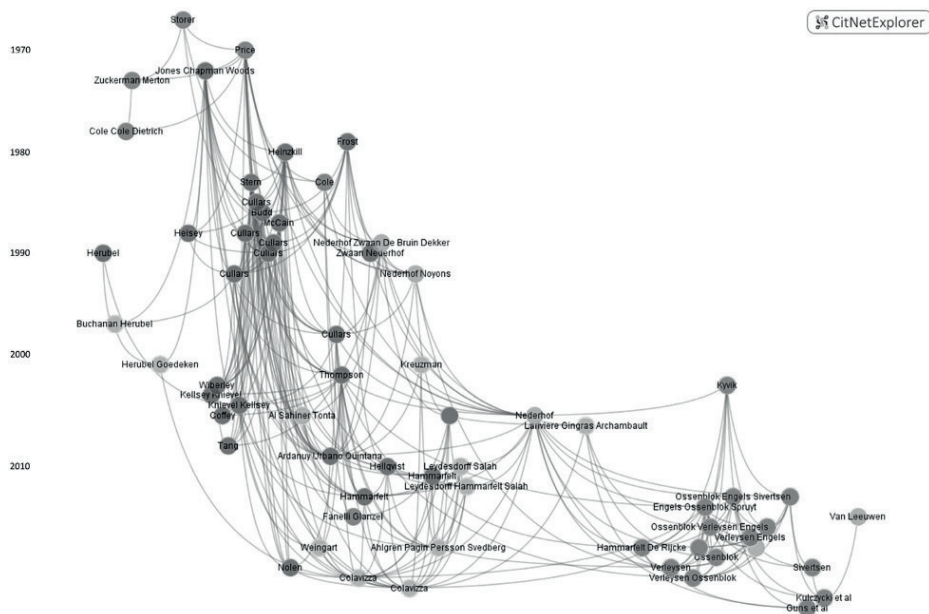


Рис. 1. Визуализация полной сети цитирования 1965–2018 годов. Публикации группируются вручную по пяти типам библиометрических исследований. Сама группировка приведена в списке в конце статьи. Синий = социологические исследования, зеленый = библиотековедение и информатика, фиолетовый = исследования по оценке исследований, желтый = картографирование науки, оранжевый = исследования с использованием национальных и региональных баз данных публикаций. [Цветной рисунок доступен на сайте wileyonlinelibrary.com.]

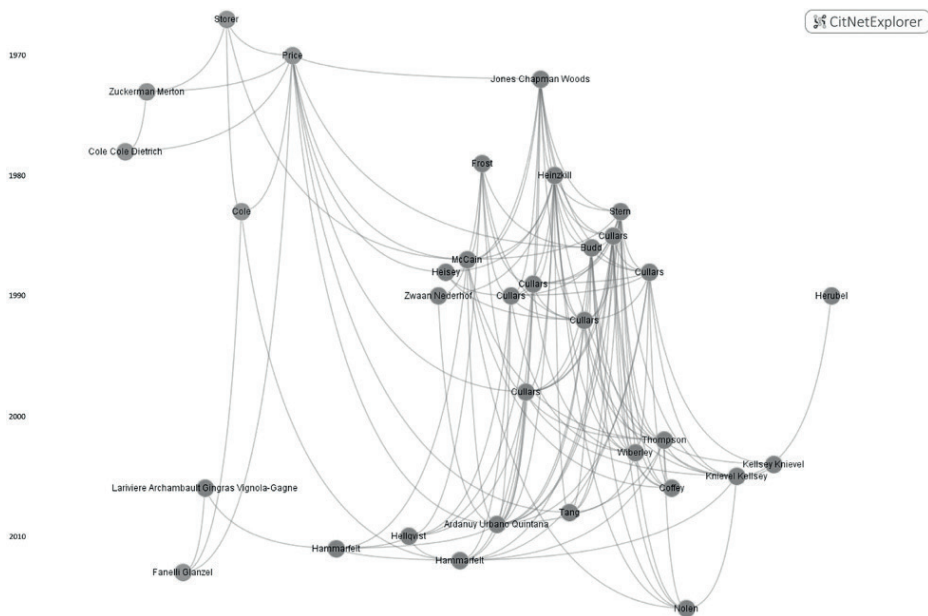


Рис. 2. Визуализация сети цитирования двух научных сообществ, которые преобладали в первый период. Эта визуализация включает работы, которые были опубликованы во время второго периода. Синий = социологические исследования, зеленый = библиотековедение и информатика. [Цветной рисунок доступен на сайте wileyonlinelibrary.com.]

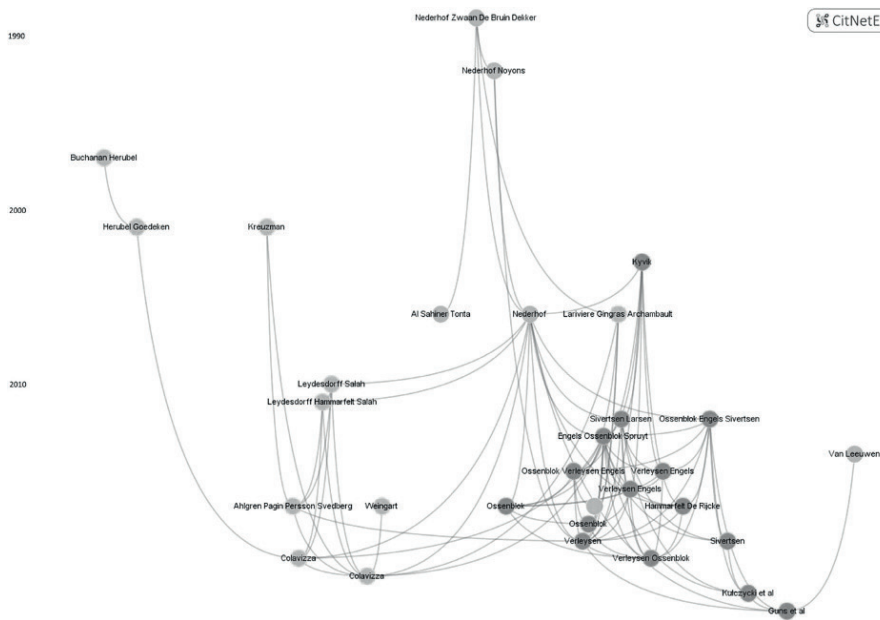


Рис. 3. Визуализация сети цитирования научных сообществ, определяющих второй период. Фиолетовый = исследования по оценке исследований, желтый = картографирование науки, оранжевый = исследования с использованием национальных и региональных баз данных публикаций. [Цветной рисунок доступен на сайте wileyonlinelibrary.com.]

Первый период библиометрической науки

Эмпирическая иерархия наук в социологии. Первые библиометрические исследования были разработаны ранними библиометристами и социологами в 1960-х и 1970-х годах¹⁵. В эти первые два десятилетия библиометрические исследования в целом основывались на данных, извлеченных из индекса научного цитирования (*Science Citation Index, SCI*). Однако, поскольку гуманитарные журналы не входят в *SCI*, за исключением журналов по истории и философии науки, в этот период библиометрические исследования, включающие гуманитарные науки, основывались на небольших выборках библиометрической информации, собранной вручную. В основном в этих ранних библиометрических исследованиях гуманитарным наукам уделялось очень мало внимания. Только четыре публикации того времени включают эмпирические данные по гуманитарным наукам и обсуждают их довольно подробно (исследование по гуманитарным наукам, представленное в 1983 году Стивеном Коулом¹⁶, идентично исследованию 1978 года¹⁷). В них мы находим общую теоретическую основу, библиометрический метод и источники данных, а также общую цель; гуманитарные науки анализируются в связи с конкретным представлением о том, что составляет научность. Четыре эмпирических исследования, которые мы кратко обсудим, — это «Точные науки и неточные науки: некоторые социологические наблюдения» Нормана Сторера¹⁸ (1967), «Квоты цитирования в точных науках, неточных науках, технике и не-науке» Прайса (1970)¹⁹, за которыми следует исследование Харриет Цукерман и Роберта Мертона «Возраст, старение и возрастная структура

15. См.: Cronin B. *The Citation Process: The Role and Significance of Citations in Scientific Communication*. L.: Taylor Graham, 1984; Garfield E. et al. *Citation Data as Science Indicators//Toward a Metric of Science: The Advent of Science Indicators*/Y. Elkana et al. (eds). N.Y.: John Wiley & Sons, 1978. P. 179–208; Godin B. *Measurement and Statistics on Science and Technology: 1920 to the Present*. L.: Routledge, 2005; Narin F. *Evaluative Bibliometrics: The Use of Publication and Citation Analysis in the Evaluation of Scientific Activity*. Washington: National Science Foundation, 1976.

16. Cole S. *The Hierarchy of the Sciences?*//*American Journal of Sociology*. 1983. Vol. 89. № 1. P. 111–139.

17. Cole S. et al. *Measuring the Cognitive State of Disciplines*//*Toward a Metric of Science*. P. 209–251.

18. Storer N.W. *The Hard Sciences and the Soft: Some Sociological Observations*//*Bulletin of the Medical Library Association*. 1967. Vol. 55. № 1. P. 75–84.

19. Price D. *Citation Measures of Hard Science, Soft Science, Technology and Non-science*. P. 3–22.

в науке» (1973)²⁰ и, наконец, «Измерение когнитивного состояния научных дисциплин» Стивена Коула, Джонатана Коула и Лоррейн Дитрих (1978)²¹.

Эти ученые используют исследовательский подход, основанный на данных, который заключается в придании особого статуса определенным переменным, которые отвечают их «интуитивным» идеям или общепринятым представлениям о том, что такое (организация) науки. Социолог Норман Сторер, например, объясняет отбор данных и свой подход в рассматриваемом исследовании следующим образом: он извлек библиометрическую информацию из «двух журналов по каждой из десяти областей науки, от истории до физики <...> взяв по одному выпуску каждого за 1926, 1936, 1946, 1956 и 1966 годы, и [затем] произвел подсчеты»²².

Статья Сторера относительно короткая — девять страниц — и основана на лекции, которую он прочитал сотрудникам медицинских библиотек в 1966 году. Она нацелена на анализ «различий в *качестве* социальных связей в разных науках или, возможно, в “атмосфере” или “отношениях”, которые характеризуют различные области науки»²³. Качество, которое эмпирически используется в этой статье, называется «твердость» [по шкале от «точности» к «неточности» науки]. Сторер начинает со сравнения коннотаций слова «твердый», что подразумевает «жесткий», «непроницаемый» и «безличный». Затем он обсуждает способы оценки вклада в науку и утверждает, что оценка всегда основывается на соотношении между сделанным вкладом и тем, что было известно ранее. Именно это отношение, как утверждает Сторер, различается в «жестких» [«точных»] и «мягких» [«неточных» или гуманитарных] науках. Точные науки имеют более тесно интегрированную совокупность знаний, часто из-за использования [общего] математического аппарата, который, по его словам, может использоваться как мера «строгости». Следовательно, в точных науках легче определить, является ли новый вклад истинным или ложным, чем в неточных. Сторер объясняет:

20. Zuckerman H., Merton R. K. Age Aging and Age Structure in Science//The Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations / R. Merton, N. Storer (eds). Chicago: University of Chicago Press, 1973. P. 497–539.

21. Cole S. et al. Measuring the Cognitive State of Disciplines. P. 209–251.

22. Storer N. W. The Hard Sciences and the Soft: Some Sociological Observations. P. 80.

23. Ibid. P. 75 (курсив оригинала).

Я предполагаю, что использование математики в науке обеспечивает большую степень точности в организации ее совокупности знаний и, таким образом, более «жесткий» набор критериев для оценки новизны вклада. <...> Я предполагаю, что благодаря какой-то способности к здравому смыслу научного сообщества мы нашли способ характеризовать различные отрасли науки с точки зрения континуума, который, по существу, измеряет степень интеграции различных корпусов знаний²⁴.

Интересно, что «твердость» [«точность» наук] не только используется как характеристика когнитивной совокупности знаний, но и предполагает разные критерии оценки и различие социальных отношений между учеными. Сторер утверждает, что, поскольку в точных науках критерии оценки более строгие, легче понять, является ли вклад правильным или неправильным. Следовательно, риски для новаторов здесь выше, потому что их коллегам легче, чем в области неточных наук, «сделать им больно», — что для Сторера предполагает, что социальные отношения будут более обезличенными. Поэтому вместе с использованием математики как меры «точности» использование инициалов вместо полных имен в списках литературы Сторер интерпретирует как меру обезличенности. Затем Сторер проверяет корреляцию между двумя этими характеристиками и демонстрирует, что они действительно согласуются с его интуитивной иерархией научных дисциплин. В исторических журналах использовалось так мало таблиц и было так мало цитат, подписанных только инициалами, что они были исключены из его анализа. Это оставляет нам следующую классификацию наук: социология, политология и психология как неточные науки; ботаника, зоология и экономика как науки средней точности; физика, химия и биохимия как точные науки.

Для Сторера очевидно, что такая классификация наук действительно является иерархией, а не просто дифференциацией. В заключении Сторер надеется, что читатель теперь лучше понимает «стремление менее точных наук к тому, чтобы стать более точными за счет использования математики. Это не просто желание подражать более успешным наукам, а, скорее, стремление к более эффективной ос-

24. Ibid. P. 78–79.

нове для организации коллективных усилий многих ученых»²⁵.

Три года спустя после Сторера Прайс публикует единственную статью²⁶, в которой подробно описывает гуманитарные науки с использованием библиометрических данных. Он пытается провести различие между формами науки — от точных наук до неточных наук и не-науки. Для Прайса статья Сторера является отправной точкой для дискуссии и включена в его собственную работу в качестве основы. Хотя Сторер операционализировал твердость, Прайс стремится операционализировать степень, в которой знание является «кумулятивным». Он объясняет:

В ставшей уже классической статье Дойча довольно подробно изложены следствия предположения Конанта о том, что существенное различие между двумя видами науки заключается в разнице между «кумулятивностью» и «некумулятивностью». Было показано, что кумулятивность в этом смысле подразумевает не просто рост, и конечно не экспоненциальный рост, а, скорее, существование тесно интегрированной структуры наук. Очевидно, что типичные образцы другой стороны, определяемой как «гуманитарные науки», росли (возможно, почти так же быстро) как и точные науки, подразумевали специфические формы экспертизы и тоже следовали собственной [академической] моде, но характеризовались чем-то иным, чем интегрированная структура кумуляции [накопления знаний]²⁷.

Важно отметить, что и для Прайса, и для Сторера существует взаимосвязь между *социальными отношениями* среди ученых в определенной области науки и знаниями, производимыми в этой области. Прайс объясняет:

На этом этапе становится очевидным, что мы не можем и не должны искусственно отделять вопрос предметного содержания от вопроса социального поведения. Чтобы [сообщество могло]

25. Storer N. W. The Hard Sciences and the Soft. P. 83.

26. Этот текст публиковался трижды: как глава в отредактированной книге, как часть материалов международной конференции по социологии и как часть расширенного издания (1986) знаменитой книги Прайса «Маленькая наука, большая наука».

27. Price D. Citation Measures of Hard Science, Soft Science, Technology and Non-science. P. 4.

иметь дело с количественными, строго упорядоченными, уверенно определяемыми данными, требуется особый вид социальных отношений между [его] участниками²⁸.

Таким образом, идея «тесно интегрированной структуры науки» является в равной степени и социальной концептуализацией, и когнитивной, объясняющей различия между формами науки. Эта идея различных уровней структурной интеграции развивается эмпирически путем изучения ссылок в статьях в различных областях (включая гуманитарные науки) с использованием индекса Прайса²⁹. Индекс измеряет долю ссылок, приходящихся в научных статьях на источники, которые не более чем на пять лет старше цитирующей их статьи. Чем выше этот индекс, тем больше у научной дисциплины заметен «научный фронт» и, следовательно, специфический тип структуры цитирования с точки зрения возраста ссылок. Прайс обнаружил, что гуманитарные науки не имеют четкого исследовательского фронта. В этом исследовании он дает наиболее четкую формулировку того, как именно гуманитарные и точные науки и соответствующие процессы отличаются друг от друга. Основываясь на своем эмпирическом анализе различий в своем индексе, он объясняет, что существует два типа метаболизма:

Кажется, что этот индекс является хорошим диагностическим средством, указывающим, в какой степени субъект пытается, так сказать, вырасти из кожи, а не из тела. Низкий индекс указывает на гуманитарный тип метаболизма, при котором ученый усваивает сначала все известное до него по данному вопросу, потом дает усвоенному «созреть» в своем разуме и, наконец, извлекает из него новое решение. В точных науках позитивный характер знания и его кратковременность позволяют [усвоить мудрость прошлого еще в студенческие годы и] тут же обратиться к непосредственным передовым исследованиям, для которых контакт с современниками не менее важен, чем обращение к хранилищу традиционных знаний³⁰.

28. Ibid. P. 5.

29. Этот индекс был предложен в работе Прайса 1965 года, в которой, однако, не было эмпирических исследований междисциплинарных различий.

30. Price D. Citation Measures of Hard Science, Soft Science, Technology and Non-science. P. 15.

И для Сторера, и для Прайса подобное характерное поведение является индикатором социальной и когнитивной структуры научных дисциплин. Только особенным образом и тесно интегрированные социальные структуры могут поддерживать производство знаний с помощью научного фронта, что отличает производство естественно-научных знаний от производства знаний гуманитарных.

После обоснования критериев «твердости» [«точности»] и «кумулятивности» была введена третья концепция, использующая библиометрические данные: концепция «кодификации». Цукерман и Мертон в своей публикации 1973 года «Возраст, старение и возрастная структура в науке» определяют кодификацию как «консолидацию эмпирических знаний в краткие и взаимозависимые теоретические формулировки»³¹. Эта концепция перекликается как с наблюдениями Сторера об использовании математики, так и с идеями Прайса о «тесно интегрированной структуре науки». Оба, конечно, цитируются в этой статье, однако кодификация носит более явно когнитивный характер, чем критерии, предлагаемые Сторером и Прайсом³². Цукерман и Мертон утверждают, что сильно «кодифицированные области науки имеют тенденцию вычеркивать первоначальные версии формулировок предыдущих открытий, инкорпорируя их сущностные характеристики в новые формулировки»³³. Это делает анализ цитирования полезной методикой измерения, поскольку различия в кодификации видны из возраста ссылок. Опираясь на данные Прайса и добавляя свои собственные, Цукерман и Мертон используют индекс Прайса для измерения степени кодификации.

Четвертая публикация этого периода объединяет более ранние работы. Стивен Коул, Джонатан Коул и Лоррейн Дитрих опубликовали свою работу «Измерение когнитивного состояния дисциплин» в 1978 году в виде главы в редакционном сборнике³⁴, ставшем ответом на отчет 1972 года «Индикаторы науки» и включавшем статьи таких специалистов, как Юджин Гарфилд, Дерек Прайс и Джон Зиман. Авторы этого сборника дают более широкий и рефлексивный взгляд на развитие библиометрических методов. Их анализ враща-

31. Zuckerman H., Merton R. K. Age Aging and Age Structure in Science. P. 303.

32. См. также в: Cozzens S. Using the Archive: Derek Price's Theory of Differences among the Sciences//Scientometrics. 1985. Vol. 7. № 3-6. P. 431-441.

33. Zuckerman H., Merton R. K. Op. cit. P. 303.

34. Toward a Metric of Science: The Advent of Science Indicators.

ется вокруг понятия кодификации и ее связи с кумулятивным и прогрессивным характером различных дисциплин. Они объясняют:

В работах Куна, Цукерман и Мертона неявно подразумевается, что быстрая инкорпорация старых работ делает открытие новых идей более вероятным, поскольку работающим в этих областях нет необходимости постоянно возвращаться к первоначальным принципам или выстраивать от них собственную логическую структуру. Быстрая инкорпорация и соответствующая высокая «незамедлительность» цитирования являются индикатором того, в какой степени наука развивается кумулятивным образом. Степень, в которой недавние работы используются в текущих исследованиях, может, таким образом, рассматриваться как индикатор наличия условий, необходимых для быстрого научного прогресса³⁵.

Авторы используют метрику, разработанную Прайсом, но при этом улучшают ее, добавляя контроль общего объема литературы по каждой дисциплине. Их выводы неожиданны. Они не обнаруживают большой разницы в «эффекте незамедлительности» между естественными и социальными науками и, что важно, наблюдают больше различий между разными журналами в одной и той же области науки, чем между разными областями наук. В отдельном анализе двух журналов по англоязычной литературе, единственного эмпирического исследования, касающегося гуманитарных наук, они обнаружили очень низкие значения индекса Прайса. Это приводит их к выводу:

Эффект незамедлительности может позволить нам отличить научную литературу от ненаучной, даже если он не позволит нам провести различие между сильно кодифицированными и слабо кодифицированными научными областями³⁶.

Четыре упомянутых исследования демонстрируют общую аналитическую стратегию. Исследователи создают выборку статей, опубликованных в определенных журналах (отнесенных к научной области), и анализируют отдельные

35. Cole S. *et al.* Measuring the Cognitive State of Disciplines. P. 222.

36. Ibid. P. 226.

элементы этих статей: использование таблиц, использование инициалов вместо полных имен авторов в списках литературы или возраст ссылок. Этим элементам придается некое значение, поскольку предполагается, что они позволяют увидеть фрагмент социальной и/или когнитивной структуры (научного) сообщества. Прайс, например, пишет:

Научная публикация является не столько информацией как таковой, сколько выражением наличного в данный момент в науке положения ученого или группы ученых. <...> уже на основании самих статей можно утверждать нечто об отношениях между этими людьми³⁷.

Таким образом, ссылки используются для операционализации трех тесно связанных понятий — «твердости» [точности], кумулятивности и кодификации, — по шкале которых эти исследователи хотят измерить социальную и/или когнитивную структуру (или метаболизм) научных областей. Эта исследовательская стратегия оказалась отчасти успешной, но проблему внутридисциплинарной изменчивости индекса Прайса нельзя было объяснить интуитивной иерархией дисциплин, которая лежала в основе их теоретической рамки. Однако было установлено общее различие между точными и гуманитарными науками, и современные ученые продолжают использовать индекс Прайса для изучения этого различия. В то же время, к концу 1970-х годов мы стали свидетелями подъема конкурирующих теорий цитирования³⁸ и общего упадка мертоновской школы в социологии науки, к которой принадлежали все эти авторы³⁹.

Библиотекари, изучающие гуманитарные науки. Второе сообщество ученых-библиометристов, существовавшее в этот период, основывалось на работе Прайса. Их работы возникли из исследований в области библиотечного дела, особенно в области управления фондами. В информаци-

37. Price D. Citation Measures of Hard Science, Soft Science, Technology and Non-science. P. 6.

38. См.: Cozzens S. Taking the Measure of Science: A Review of Citation Theories // International Society for the Sociology of Knowledge. 1981. Vol. 7. № 1-2. P. 16-20; Wyatt S. et al. The Intellectual and Practical Contributions of Scientometrics to STS.

39. Luukkonen T. Why Has Latour's Theory of Citations Been Ignored by the Bibliometric Community? // Scientometrics. 1997. Vol. 38. № 1. P. 27-37.

онных работах в помощь библиотекарям, библиотековедам и специалисты по информатике анализируют типы ссылок, включенных в списки литературы в изданиях по различным дисциплинам⁴⁰. Большинство публикаций этого типа представляет собой углубленные описательные тематические исследования характеристик ссылок в конкретной исследовательской области или дисциплине. Многие из этих исследований используют индекс Прайса и включают таблицы с междисциплинарным сравнением процента ссылок, которые старше цитируемых статей не более чем на пять или десять лет. Хотя эмпирически эти исследования предлагают большую глубину, с теоретической точки зрения из них мало что можно извлечь.

Первое из таких исследований, включающее гуманитарные науки, было проведено в 1972 году Клайвом Джонсом, Майклом Чепменом и Памеллой Вудс, проанализировавшими ссылки на статьи по английской истории, проводя различие между историей Средних веков, раннего и позднего Нового времени. Они пишут:

Прайс предположил, что концентрация ссылок на материалы, опубликованные в недавнем прошлом, то есть находящиеся на передовой «научного фронта» рассматриваемого предмета, является характеристикой «точной науки», а «неточные науки» или не-науки имеют высокую долю ссылок на архивную литературу. Если некий предмет имеет примерно 42% ссылок на работы, датированные в течение последних пяти лет, то это точная наука; если от 42% до 21%, то это неточная наука; а если меньше 21%, то это не-наука. Согласно такому стандарту английская история явно не является наукой, что, впрочем, является открытием, которое никого не удивит⁴¹.

Затем авторы представляют таблицу процентных соотношений, найденных в других исследованиях по различным дисциплинам. Подобная схема повторяется в последующих ис-

40. См. самые ранние примеры в: *Gross P.L., Gross E.M. College Libraries and Chemical Education*//*Science*. 1927. Vol. 66. № 1713. P. 385–389; *Gross P.L., Woodford A.O. Serial Literature Used by American Geologists*//*Science*. 1931. Vol. 73. № 1903. P. 660–664.

41. *Jones C. et al. The Characteristics of the Literature Used by Historians*//*Journal of Librarianship and Information Science*. 1972. Vol. 4. № 3. P. 153.

следованиях. Каролина Фрост⁴² в 1979 году изучила функцию цитирования в исследованиях немецкой литературы и сделала сравнение, основанное на более ранних исследованиях, с «научными» дисциплинами. Ричард Хайнцкилл⁴³ в 1980 году изучил большую выборку ссылок в исследованиях английской литературы. Хотя это исследование по большей части носит описательный характер, Хайнцкилл сравнивает возраст ссылок в своей выборке с более ранними исследованиями так же, как Джонс и его соавторы⁴⁴. В исследовании литературоведческих работ по конкретным авторам и литературным течениям Мадлен Стерн⁴⁵ даже воспроизводит таблицу, составленную Джонсом, Чепменом и Вудс, и использует результаты, полученные при ее изучении. Джон Кулларс⁴⁶ в 1985 году анализирует ссылки в американских и британских литературоведческих монографиях и контекстуализирует их, сравнивая с другими гуманитарными дисциплинами, при этом он сопоставляет свои результаты с результатами Хайнцкилла⁴⁷ (1980) и Стерн⁴⁸ (1983). Другие исследования аналогичного плана включают работы Джона Будда, Джона Кулларса, Дженнифер Томпсон и Ронга Танга⁴⁹. Совсем недавно аналогичный подход был использован Ардануй и др.⁵⁰ для изучения каталонского литературоведе-

42. Frost C. The Use of Citations in Literary Research a Preliminary Classification of Citation Functions//The Library Quarterly. 1979. Vol. 49. № 4. P. 399–414.

43. Heinzkill R. Characteristics of References in Selected Scholarly English Literary Journals//The Library Quarterly. 1980. Vol. 50. № 3. P. 352–365.

44. Jones C. et al. Op. cit. P. 137–156.

45. Stern M. Characteristics of the Literature of Literary Scholarship//College & Research Libraries. 1983. Vol. 44. № 4. P. 199–209.

46. Cullars J. Characteristics of the Monographic Literature of British and American Literary Studies//College and Research Libraries. 1985. № 46. P. 511–522.

47. Heinzkill R. Op. cit. P. 352–365.

48. Stern M. Op. cit. P. 199–209.

49. Budd J. Characteristics of Written Scholarship in American Literature: A Citation Study//Library and Information Science Research. 1986. Vol. 8. № 2. P. 189–211; Cullars J. Characteristics of the Monographic Scholarship of Foreign Literary Studies by Native Speakers of English//College and Research Libraries. 1988. Vol. 49. № 2. P. 157–170; *Idem*. Citation Characteristics of Monographs in the Fine Arts//The Library Quarterly. 1992. Vol. 62. № 3. P. 325–342; *Idem*. Citation Characteristics of English-Language Monographs in Philosophy//Library & Information Science Research. 1998. Vol. 20. № 1. P. 41–68; Thompson J. W. The Death of the Scholarly Monograph in the Humanities? Citation Patterns in Literary Scholarship//Libri. 2002. Vol. 52. № 3. P. 121–136; Tang R. Citation Characteristics and Intellectual Acceptance of Scholarly Monographs//College & Research Libraries. 2008. Vol. 69. № 4. P. 356–369.

50. Ardanuy J. et al. A Citation Analysis of Catalan Literary Studies (1974–2003): Towards a Bibliometrics of Humanities Studies in Minority Languages//Scientometrics. 2009. Vol. 81. № 2. P. 347–366.

ния, а также Бьорном Хаммарфельтом⁵¹ для анализа ссылок в шведских литературоведческих работах.

Некоторые исследования, которые можно охарактеризовать как углубленные тематические исследования списков литературы, методологически или теоретически выделяются из вышеупомянутой группы. Исследование Терри Хейзи⁵² предназначено для дедуктивной проверки теории смены научных парадигм Куна и теории метаболизма Прайса. Он изучает публикации в области библейской археологии о свитках Мертвого моря (как пример сциентистской области исследований) и библейской критики (как пример области гуманитарных исследований), чтобы эмпирически проверить разницу между публикацией, ориентированной на естественно-научную рамку, гуманитарной публикацией и эталонными моделями. Его анализ подтверждает, что ссылки в библейской археологии гораздо моложе и чаще представляют собой ссылки на журнальные статьи, как он и ожидал. Более того, он показывает, что концентрация научных археологических статей наблюдается в первые годы после открытия свитков Мертвого моря, чего нельзя сказать о библейской критике. По утверждению Хейзи, это показывает, что Прайс был прав в своем утверждении о двух способах научного роста. В библейской археологии наблюдался научный фронт, который «умер» через несколько лет, когда были решены самые важные исследовательские загадки. В библейской критике, напротив, такого эффекта не наблюдается, поскольку новые перспективы продолжают порождать публикации в этой области. Хотя археология и не рассматривается как негуманитарная дисциплина, разница между двумя областями исследований поразительна.

Рольф Цваан и Антон Недерхоф⁵³ заявили, что предыдущие исследования несправедливо утверждали, что гуманитарным дисциплинам не хватает собственных авторитетных научных журналов (Куллартс⁵⁴ прямо приводит этот аргумент в статье 1985 года). В своем исследовании теорети-

51. Hammarfelt B. Harvesting Footnotes in a Rural Field: Citation Patterns in Swedish Literary Studies // *Journal of Documentation*. 2012. Vol. 68. № 4. P. 536–558.

52. Heisey T. Paradigm Agreement and Literature Obsolescence: A Comparative Study in the Literature of the Dead Sea Scrolls // *Journal of Documentation*. 1988. Vol. 22. № 3. P. 266–268.

53. Zwaan R., Nederhof A. Some Aspects of Scholarly Communication // *Language*. 1990. Vol. 84. № 3. P. 474–496.

54. Cullars J. Characteristics of the Monographic Literature of British and American Literary Studies.

ческой лингвистики Цваан и Недерхоф показывают, что ученые признают определенную группу журналов в качестве авторитетных и что индекс Прайса в теоретической лингвистике намного выше, чем в других гуманитарных дисциплинах. Они приходят к выводу, что по сравнению с другими дисциплинами теоретическая лингвистика не вписывается в «гуманитарный стереотип». Стивен Уйберли⁵⁵ проводит библиометрический анализ пяти типов исследований, показывая, что в литературоведении существуют сильные библиометрические различия между описательными «библиографиями», «редактированием», «историческими исследованиями», «критикой» и «теорией». Исследования Бьорна Хаммарфельта опираются на более широкую аналитическую основу, чем другие, и в сравнении с ними в своем подходе он более социологичен. Он лучше понимает методику ссылок в гуманитарных науках⁵⁶ и использует библиометрические данные для изучения интеллектуальной структуры литературоведения⁵⁷.

Этот второй корпус исследовательских работ разделяет с первым интерес к использованию списков литературы для описания и сравнения дисциплин, а иногда даже для разработки и/или проверки теорий. Их авторы используют индекс Прайса и другие метрики для анализа библиометрических различий и их интерпретации с точки зрения различий между дисциплинами. Как правило, они в большей степени заинтересованы в разнообразных способах описательного анализа этих списков литературы с точки зрения типа цитируемой публикации, возраста, языка и типа источника⁵⁸.

В плане понятийного аппарата во всех этих работах продолжает фигурировать, прежде всего, общее противо-

55. *Wiberley S. E. A Methodological Approach to Developing Bibliometric Models of Types of Humanities Scholarship//The Library Quarterly. 2003. Vol. 73. № 2. P. 121–159.*

56. *Hammarfelt B. Harvesting Footnotes in a Rural Field. P. 536–558; Hellqvist B. Referencing in the Humanities and Its Implications for Citation Analysis//Journal of the Association for Information Science and Technology. 2010. Vol. 61. № 2. P. 310–318.*

57. *Hammarfelt B. Interdisciplinarity and the Intellectual Base of Literature Studies: Citation Analysis of Highly Cited Monographs//Scientometrics. 2011. Vol. 86. № 3. P. 705–725.*

58. См., напр.: *Kellsey C., Knievel J. E. Global English in the Humanities? A Longitudinal Citation Study of Foreign-Language Use by Humanities Scholars//College and Research Libraries. 2004. Vol. 65. № 3. P. 194–204; Idem. Citation Analysis for Collection Development: A Comparative Study of Eight Humanities Fields//The Library Quarterly. 2005. Vol. 75. № 2. P. 142–168.*

поставление точных и гуманитарных наук, включая индекс Прайса как работающий, хотя и грубый показатель, используемый для сравнения дисциплин. Разные исследования работают с этой оппозицией по-разному. Большинство из них, принимая противопоставление точных и гуманитарных наук как данность⁵⁹, пытаются проверить и подтвердить это эмпирически⁶⁰ или опровергнуть для конкретных гуманитарных дисциплин, которые ведут себя более «научно», чем предполагалось ранее⁶¹. Однако помимо этих исследований в рамках общего противопоставления научных областей, практически не существует независимых теоретических разработок, что может быть связано с научным бэкграундом большинства их авторов (прежде всего занимающихся библиотековедением и информатикой).

Второй период библиометрической науки

Библиометрия становится инструментом оценки исследований. К концу 1970-х годов область библиометрии утвердилась как подобласть более широкой сферы библиотековедения и информатики науки и постепенно дистанцировалась от социологии и исследований в области науки и техники. Выход первого номера журнала «Наукометрия» в 1978 году стал важной вехой, поскольку это дало ученым возможность печататься в собственном специализированном издании. В 1970-е годы наряду с SCI появились две новые базы данных: Индекс цитирования социальных наук (SSCI) и, что более важно для этой статьи, Индекс цитирования в области искусства и гуманитарных наук (A&HCI)⁶². Сообщество ученых-библиометристов росло, и в области научной политики все более важным становился библиометрический анализ. Это оказало глубокое влияние на развитие библиометриче-

59. См., напр.: *Cullars J.* Characteristics of the Monographic Literature of British and American Literary Studies P. 511–522; *Heinzkill R.* Characteristics of References in Selected Scholarly English Literary Journals. P. 352–365; *Jones C. et al.* The Characteristics of the Literature Used by Historians. P. 137–156; *Stern M.* Characteristics of the Literature of Literary Scholarship. P. 199–209.

60. *Heisey T.* Paradigm Agreement and Literature Obsolescence: A Comparative Study in the Literature of the Dead Sea Scrolls. P. 266–268; *Hammarfelt B.* Interdisciplinarity and the Intellectual Base of Literature Studies. P. 705–725.

61. *Zwaan R., Nederhof A.* Some Aspects of Scholarly Communication. P. 474–496.

62. В оставшейся части статьи мы используем термин «базы данных WoS» для обозначения всех трех индексов вместе.

ской науки. Оценка результативности исследований⁶³ становилась все более важным контекстом, ради которого разрабатывались и использовались библиометрические методы; сегодня именно в этом контексте они и понимаются в первую очередь.

Библиометрические исследования стали в этом новом контексте более техническими и больше сфокусированными на управлении. Этот сдвиг подразумевал задействование определенного интеллектуального хинтерланда, — типов используемых библиометрических методов и источников данных. Во-первых, эти концепции больше не были явным образом основаны на социологическом понимании науки (например, в рамках мертонианства, интерпретативизма или конструктивизма), а основывались на дискурсе научной политики, в котором библиометрические методы использовались для операционализации политически важных аспектов, таких как понятия «академического качества» или «международности». Во-вторых, анализ профилей публикаций отдельных сообществ (университетов, стран) стал важнейшим библиометрическим методом анализа для гуманитарных наук. В-третьих, дифференциация между гуманитарными науками и другими научными областями теперь происходила посредством анализа типов публикаций и предполагаемого характера их аудитории, а не характеристик ссылочной активности.

Сначала мы обсудим самые ранние библиометрические исследования, изучающие использование библиометрии в гуманитарных науках с целью оценки исследований, и проанализируем происхождение нового понятия «международности» в библиометрических исследованиях гуманитарных наук, а также его связь с «научностью». В этом параграфе мы рассмотрим первые исследования библиометристов, занимавшихся оценкой исследований, которые опирались на базы данных *WoS* в 1980-х и 1990-х годах.

Затем мы обсудим более поздние библиометрические работы. Сообщество ученых использует методы картографирования науки для изучения когнитивной структуры гуманитарных наук посредством анализа отношений цитирования. Они в основном опираются на более раннюю социологическую основу. После этого мы обсудим новые аналитические возможности, которые появились недавно

63. См., напр., в: *Moed H. et al. The Use of Bibliometric Data for the Measurement of University Research Performance // Research Policy. 1985. Vol. 14. № 3. P. 131-149.*

благодаря развитию региональных или национальных баз данных, в частности (но, конечно же, не исключительно) во Фландрии и Норвегии. Такие базы данных обеспечивают более полный охват публикаций по гуманитарным наукам, позволяя проведение более тщательного анализа профилей публикаций. Хотя эти работы делаются в рамках оценки исследований, они задают более широкий круг исследовательских вопросов, касающихся социальной структуры и издательской практики гуманитарных наук.

Международность вместо научности. В ранней библиометрической литературе использовались две концепции использования библиометрии для оценки исследований в гуманитарных науках. Первой была научность. Эта концепция оставалась важной; однако она больше не являлась характеристикой когнитивной и социальной структуры научной дисциплины (как это было во время рассмотренного нами первого периода в отношении «точности», «кумулятивности» и «кодификации»). Скорее, научность определялась как характеристика, прежде всего, предполагаемой аудитории публикаций. Публикации, ориентированные на научную аудиторию, противопоставлялись публикациям, ориентированным на широкую или местную аудиторию. Второй концепцией, возникшей в это время, стала международность. Как мы покажем, степень «международности» публикаций стала новой разделительной линией между гуманитарными науками и другими областями знания, а также внутри самих гуманитарных наук. Более того, международность и научность часто пересекались. Предполагалось, что ориентация на местную аудиторию также означает ориентацию на аудиторию ненаучную, в то время как международная ориентация всегда связана с научной аудиторией.

Самым ранним примером такого сдвига концепций является исследовательская программа Недерхофа и его нидерландских коллег второй половины 1980-х годов. В LISBON (который стал CWTS в 1989 году) Недерхоф, Цван, де Брюин и Деккер⁶⁴ изучали применимость библиометрических показателей для оценки исследований в области

64. *Nederhof A. et al. Productiviteit en Kwaliteit in Alfa-en Gammawetenschappen; Een Haalbaarheidsonderzoek.* Den Haag: Staatsuitgeverij, 1988; *Nederhof A. et al. Assessing the Usefulness of Bibliometric Indicators for the Humanities and the Social and Behavioural Sciences: A Comparative Study // Scientometrics.* 1989. Vol. 15. № 5–6. P. 423–435.

гуманитарных и социальных наук. В своем исследовании 1989 года Недерхоф с коллегами обсуждают работы Прайса⁶⁵ 1970 года и Коула⁶⁶ 1983 года и утверждают, что в работах этих ученых продемонстрировано, что скорость научного развития в гуманитарных науках ниже, чем в точных. Затем они объясняют, что существует два механизма, ответственных за более низкую скорость развития в гуманитарных науках. Во-первых, утверждают они, исследователи в области гуманитарных (и социальных) наук в большей степени вовлечены в «просвещение» ненаучной общественности. Во-вторых, эти исследователи публикуют больше работ, предназначенных для локального научного сообщества, что также «приводит к более медленному росту знаний».

Работа Недерхофа и др., таким образом, опирается на исследования Прайса и Коула и на их идеи о научности. Однако они указывают на целевую аудиторию публикаций как на основное различие между естественными и гуманитарными науками, понятие, отсутствующее в работе Прайса и Коула. Согласно Недерхофу и его коллегам, для признания исследовательской культуры гуманитарных наук при оценке исследований необходимо не исключать из рассмотрения публикации, вышедшие не в научных журналах, и публикации не на английском языке. Это можно рассматривать как ответ на критическое отношение к использованию библиометрии для оценки научных исследований в гуманитарных науках⁶⁷. Однако связь дифференциации между международной и местной аудиторией с научностью, которую они предлагают, проблематична.

В исследовании⁶⁸ 1989 года Недерхоф и его соавторы изучали профили публикаций по восьми дисциплинам социальных и гуманитарных наук. Данные извлекались из годовых отчетов университетов, в которых определенные факультеты (или кафедры факультетов) могли идентифицироваться с определенными дисциплинами, а также из A&HCI. «Локальность» публикации могла определяться двумя критериями. Публикации могли быть локальными,

65. Price D. Citation Measures of Hard Science, Soft Science, Technology and Non-science.

66. Cole S. The Hierarchy of the Sciences?

67. См., напр.: Petrey S. The Whole Mirth Catalogue//The French Review. 1980. Vol. 54. № 1. P. 117-121.

68. Nederhof A. et al. Assessing the Usefulness of Bibliometric Indicators for the Humanities and the Social and Behavioural Sciences.

поскольку предназначались для широкой публики (так называемые просветительские публикации), или они могли быть «ориентированы на местную аудиторию», потому что несмотря на то, что они были предназначены для научной публики, они выходили на ее родном, а не английском языке. Противоположностью этим двум формам локальности является общая форма международной. Недерхоф и его коллеги использовали язык публикации, национальную локализацию издания, где появилась публикация, и охват статей в базах данных WoS как переменные в операционализации понятия «международный».

Недерхоф и др. проводят в этой работе различие, во-первых, между дисциплинами или факультетами, которые публикуют больше материалов для широкой аудитории, и теми, которые в основном делают научные публикации, и, во-вторых, уже в рамках научных публикаций — между их местной и международной ориентацией. Они связывают это со степенью, в которой дисциплина является «точной» или «неточной». Таким образом, локальность, независимо от научности содержания издания, связывается с идеей не-научности и, наоборот, международность связывается с научностью. В заключении они пишут:

Что касается [различных] дисциплин, то мы обнаружили, что монографии и популяризирующие статьи были важнее как средство коммуникации в «более неточных» областях, чем в «более точных». Просветительская функция была особенно очевидна для таких дисциплин, как голландская литература, голландский язык и государственное управление⁶⁹.

Мы видим аналогичный интерес к различию между местным и международным в работе Антона Недерхофа и Эда Нойонса⁷⁰, но там он реализован совершенно по-другому. Опираясь на A&HCI, Недерхоф и Нойонс сравнивают влияние цитируемости различных факультетов общей лингвистики и общей литературы, а также степень цитирования публикаций (в A&HCI) международными или местными авторами. Здесь «международный» означает цитирование вне

69. Ibid. P. 433.

70. *Nederhof A. J., Noyons E. C. International Comparison of Departments' Research Performance in the Humanities // Journal of the American Society for Information Science. 1992. Vol. 43. № 3. P. 249–256.*

пределов страны нахождения (или даже континента) факультета.

В работе⁷¹ 2006 года Недерхоф дает наиболее четкое объяснение связи между международностью и более ранними исследованиями научности, когда он объясняет различия между естественными, социальными и гуманитарными науками:

В первую очередь, многие науки обслуживают международную общественность ученых. Фундаментальные исследования в таких областях, как физика или химия, имеют международный научный фронт⁷². Научный фронт представляет собой всю научную работу, ведущуюся в настоящее время всеми активными исследователями в данной дисциплине⁷³. Напротив, во многих социальных и гуманитарных областях значительная часть результатов ориентирована в первую очередь на национальные или региональные темы и местную общественность, и они часто появляются в региональных или национальных периодических изданиях, монографиях и отчетах⁷⁴.

Как становится ясно из приведенной выше цитаты, Недерхоф отождествляет международность с научным фронтом, утверждая, что этот фронт является не локальным, а международным и что его лишены гуманитарные науки. Вместо двух метаболизм, которые Прайс концептуализировал как две различные формы производства знаний, в этой библиометрической литературе производство гуманитарных знаний в первую очередь понимается как обслуживание предполагаемой ненаучной и/или местной аудитории и, следовательно, влечет за собой использование в целом более разнообразного набора медиа для публикаций. В более ранней социологической литературе, конечно, природа аудитории никогда не играла особой роли в том, как концептуализировались и операционализировались определения понятий «точности», «кумулятивности» и «кодифика-

71. *Nederhof A. Bibliometric Monitoring of Research Performance in the Social Sciences and the Humanities. P. 81–100.*

72. *Price D. Little Science, Big Science... and Beyond. N.Y.: Columbia University Press, 1986.*

73. *Cole S. The Hierarchy of the Sciences?*

74. *Nederhof A. Bibliometric Monitoring of Research Performance in the Social Sciences and the Humanities. P. 83.*

ции». Вместо этого эти термины относили к определенной когнитивной (и социальной) структуре производства знаний. Подобно исследованиям, использующим индекс Прайса для анализа степени «похожести на науку» гуманитарных дисциплин, исследования, основанные на профилях публикаций, имеют схожую тенденцию сравнивать, является ли профиль публикаций более или менее «научным». Конечно, остается под вопросом, насколько коррелируют типы публикаций и когнитивные свойства описываемого в них исследования. Неужели индекс Прайса для книги ниже, чем для журнальной статьи? Отличаются ли качественно знания, содержащиеся в книгах, написанных на «местном» языке, от книг, написанных на английском?

Гуннар Сивертсен и Биргер Ларсен⁷⁵ утверждают, что с научной точки зрения имеет смысл публиковаться на определенном языке, чтобы охватить определенную научную аудиторию. Тенденция библиометристов рассматривать каждую публикацию как отдельную единицу анализа препятствует более глубокому пониманию публикационной практики ученых-гуманитариев. Например, вполне возможно, что публикация, специально написанная на языке, известном небольшой аудитории, недостижимой иным образом, содержит те же идеи, что и публикации, написанные на английском языке для столь же ученой аудитории. Сивертсен⁷⁶ недавно показал, что авторы стремятся одновременно разнообразить медиа, в которых они публикуются⁷⁷. Его выводы предполагают, таким образом, что очень проблематично судить о каждой отдельной публикации независимо от всех остальных. Джованни Колавицца⁷⁸ утверждал, как мы покажем далее, что монографии играют особую роль в когнитивной сети исторических публикаций и что эта роль отличается от журнальных публикаций. Таким образом, появляются свидетельства того, что разнообразие типов публикаций выполняет определенную функцию в ко-

75. *Sivertsen G., Larsen B. Comprehensive Bibliographic Coverage of the Social Sciences and Humanities in a Citation Index: An Empirical Analysis of the Potential*//*Scientometrics*. 2012. Vol. 91. № 2. P. 567–575.

76. *Sivertsen G. Patterns of Internationalization and Criteria for Research Assessment in the Social Sciences and Humanities*//*Scientometrics*. 2016. Vol. 107. № 2. P. 357–368.

77. См. также: *Verleyesen F. T., Weeren A. Clustering by Publication Patterns of Senior Authors in the Social Sciences and Humanities*//*Journal of Informetrics*. 2016. Vol. 10. № 1. P. 254–272.

78. *Colavizza G. The Core Literature of the Historians of Venice*//*Frontiers in Digital Humanities*. 2017. Vol. 4. № 3. P. 14.

гнитивной структуре гуманитарных наук, которая поэтому будет качественно отличаться от когнитивной структуры других научных областей.

Картографирование науки: новая область библиометрии гуманитарных наук. 1980-е и 1990-е годы были временем, когда исследовательская программа библиометрии все больше сосредоточивалась на оценке исследований. И в процессе разработки методов библиометрии для оценки исследований появились методы картографирования науки⁷⁹, которые предлагают новое понимание гуманитарных наук, используя ссылки и отношения цитирования в качестве основных источников данных.

Большинство этих картографических исследований носит обзорный характер в формате проверки концепции; они показывают, что библиометрия может определенным образом использоваться в гуманитарных науках. Эти исследования направлены на выявление социальных или когнитивных сообществ и (междисциплинарных) отношений между такими сообществами. Одни делают это путем картографирования авторов, публикующихся в конкретном журнале⁸⁰, тогда как другие исследуют междисциплинарное пространство между сложившимися научными сообществами⁸¹, а третьи⁸² наносят на карту отношения между институтами через соавторство, чтобы исследовать гуманитарные науки в более макросоциологической перспективе.

Некоторые ученые стремятся дополнить наше теоретическое понимание когнитивной структуры гуманитарных наук и опираются на более раннюю социологическую

79. Chen C. Science Mapping: A Systematic Review of the Literature//Journal of Data and Information Science. 2017. Vol. 2. № 2. P. 1-40.

80. Buchanan A., Herubel J.-P. Disciplinary Culture, Bibliometrics and Historical Studies//Behavioral and Social Sciences Librarian. 1997. Vol. 15. № 2. P. 37-53; Herubel J.-P., Goedeken E. Using the Arts and Humanities Citation Index to Identify a Community of Interdisciplinary Historians//The Serials Librarian. 1997. Vol. 41. № 1. P. 85-98.

81. Ahlgren P. et al. Bibliometric Analysis of Two Subdomains in Philosophy: Free Will and Sorites//Scientometrics. 2015. Vol. 103. № 1. P. 47-73; Kreuzman H. A Co-Citation Analysis of Representative Authors in Philosophy: Examining the Relationship Between Epistemologists and Philosophers of Science//Scientometrics. 2001. Vol. 51. № 3. P. 525-539; Weingart S.B. Finding the History and Philosophy of Science//Erkenntnis. 2005. Vol. 80. № 1. P. 201-213.

82. Larivière V. et al. The Place of Serials in Referencing Practices: Comparing Natural Sciences and Engineering With Social Sciences and Humanities//Journal of the Association for Information Science and Technology. 2006. Vol. 57. № 8. P. 997-1004.

литературу. Лоет Лейдесдорф и Алким Салах⁸³ картографируют когнитивную структуру небольшого сегмента гуманитарных наук — двух журналов — и показывают, что роль этих журналов не состоит в обеспечении такой же социально-когнитивной структуры, как у журналов в других областях науки. В более крупном исследовании Лейдесдорф, Хаммарфельт и Салах⁸⁴ провели предварительный анализ когнитивной структуры всего A&HCI и сравнили ее с различными другими предложенными структурами гуманитарных наук (например, структурой факультетов института⁸⁵).

Наконец, недавние работы Колавиццы⁸⁶ были направлены на изучение роли основных источников в когнитивных сетях в исторической науке. Он показывает, используя недавно разработанную базу данных публикаций, включая монографии по истории Венеции, что различные типы основных источников играют разные роли в когнитивной структуре истории. Монографии, например, в первую очередь создают глобальные связи, в то время как журнальные статьи чаще используются для небольших локальных кластеров.

С помощью методов картографирования науки мы по-новому понимаем когнитивную структуру гуманитарных наук. До начала этого десятилетия подобная литература была в основном описательной, без явного теоретизирования или явных сравнений с другими научными областями. Эти методы, однако, предоставляют захватывающие возможности для сравнительного междисциплинарного подхода для сопоставления и противопоставления различных когнитивных структур. Это позволило бы нам понять, например, различие роли научных журналов в разных областях, различия в когнитивной и социальной интеграции на-

83. *Leydesdorff L., Salah A. Maps on the Basis of the Arts & Humanities Citation Index: The Journals Leonardo and Art Journal Versus "Digital Humanities" as a Topic*//*Journal of the American Society for Information Science and Technology*. 2010. Vol. 61. № 4. P. 787–801.

84. *Leydesdorff L. et al. The Structure of the Arts & Humanities Citation Index: A Mapping on the Basis of Aggregated Citations Among 1,157 Journals*//*Journal of the American Society for Information Science*. 2011. Vol. 62. № 12. P. 2414–2426.

85. См. также: *Guns R. et al. A Comparison of Cognitive and Organizational Classification of Publications in the Social Sciences and Humanities*//*Scientometrics*. 2018. Vol. 116. № 2. P. 1093–1111.

86. *Colavizza G. The Structural Role of the Core Literature in History; Idem. The Core Literature of the Historians of Venice*.

учных областей⁸⁷ и изменения во времени в когнитивной и социальной структуре самих гуманитарных наук. Это будет иметь решающее значение для более глубокого понимания экологии тех медиа, которые используют для публикаций ученые-гуманитарии.

Новые базы данных, новые исследовательские вопросы? С появлением региональных и национальных баз данных публикаций в Дании, Норвегии и Фландрии исследователям стали доступны новые источники для изучения практик и профилей публикаций в гуманитарных науках. Эти базы данных и связанные с ними университетские репозитории, содержащие более или менее полные тексты публикаций, открывают новые возможности для исследовательского сообщества библиометристов. Происхождение этих баз данных описано в нескольких работах⁸⁸. Нас интересуют типы библиометрических исследований, которые стали возможны благодаря этим базам данных.

Новые базы данных позволяют изучать профили публикаций в существенно больших масштабах (сравнения между институтами, дисциплинами и странами) и получать преимущества от гораздо большего охвата, чем позволяли предыдущие исследования, что означает, что они также предполагают более детальное понимание практики публикаций. Это привело к появлению ряда новых работ, в которых эти данные используются для анализа различных аспектов практики публикаций в гуманитарных (и социальных) науках.

Эти исследования носят преимущественно описательный характер. Некоторые изучают саму научную систему и перформативное влияние, которое могут оказывать на практику публикаций механизмы финансирования, ориентированного на результаты⁸⁹. В других исследованиях анализируется роль сборников статей и коллективных

87. См., напр.: Whitley R. *The Social and Intellectual Organization of the Sciences*. Oxford: Oxford University Press, 1984.

88. Engels T. C. et al. *Changing Publication Patterns in the Social Sciences and Humanities, 2000–2009*//*Scientometrics*. 2012. Vol. 93. № 2. P. 373–390; Sile L. et al. *European Databases and Repositories for Social Sciences and Humanities Research Output*. Antwerp: ECOOM & ENRESSH, 2017; Sivertsen G. *Data Integration in Scandinavia*//*Scientometrics*. 2006. Vol. 106. № 2. P. 849–855.

89. См., напр.: Hammarfelt B., De Rijcke S. *Accountability in Context: Effects of Research Evaluation Systems on Publication Practices, Disciplinary Norms, and Individual Working Routines in the Faculty of Arts at Uppsala University*//*Research Evaluation*. 2015. Vol. 24. № 1. P. 63–77; Ossenblok T. L. et al. *The Representation of the Social Sciences and Humanities in the Web of Science – A Comparison*

монографий, характеристики книжных редакторов и авторов монографий⁹⁰, интернационализация издательской практики с точки зрения географии изданных книг⁹¹ и стилей публикации⁹². В последней перспективе Фредерик Верлейсен и Ари Веерен показывают, что как в гуманитарных, так и в социальных науках существуют два различающихся стиля публикаций (основанных на различиях в языке и типе публикации), они также прослеживаются и в других дисциплинах. Однако авторы не могут оценить различия в содержании этих публикаций или различия в базе знаний, например посредством сравнений с использованием индекса Прайса, поскольку отсутствуют стандартизованные данные для сравнения.

Эти новые исследования обрабатывают библиометрические данные с помощью новых методов, таких как метод главных компонент⁹³ и барицентрический метод⁹⁴. Они также гораздо более обширны эмпирически и при этом менее ориентированы на разработку библиометрических показателей. И в то время как этот новый корпус публикаций демонстрирует растущее разнообразие источников данных и методов их обработки, концептуальное развитие идет медленно. Отсутствие новых исследовательских вопросов может быть связано с описательным характером этих ис-

of Publication Patterns and Incentive Structures in Flanders and Norway (2005–2009) // *Research Evaluation*. 2012. Vol. 21. № 4. P. 280–290.

90. Ossenblok T. L., Engels T. C. Edited Books in the Social Sciences and Humanities: Characteristics and Collaboration Analysis // *Scientometrics*. 2015. Vol. 104. № 1. P. 219–237; Ossenblok T. L. et al. Coauthorship of Journal Articles and Book Chapters in the Social Sciences and Humanities (2000–2010) // *Journal of the Association for Information Science and Technology*. 2014. Vol. 65. № 5. P. 882–897; Verleysen F. T., Ossenblok T. L. Profiles of Monograph Authors in the Social Sciences and Humanities: An Analysis of Productivity, Career Stage, Co-Authorship, Disciplinary Affiliation and Gender, Based on a Regional Bibliographic Database // *Scientometrics*. 2017. Vol. 111. № 3. P. 1673–1686.

91. Verleysen F. T., Engels T. C. Barycenter Representation of Book Publishing Internationalization in the Social Sciences and Humanities // *Journal of Informetrics*. Vol. 8. № 1. P. 234–240; *Idem*. Internationalization of Peer Reviewed and Non-Peer Reviewed Book Publications in the Social Sciences and Humanities // *Scientometrics*. 2014. Vol. 101. № 2. P. 1431–1444.

92. Verleysen F. T., Weeren A. Clustering by Publication Patterns of Senior Authors in the Social Sciences and Humanities // *Journal of Informetrics*. 2016. Vol. 10. № 1. P. 254–272.

93. *Ibidem*.

94. Verleysen F. T., Engels T. C. Barycenter Representation of Book Publishing Internationalization in the Social Sciences and Humanities; *Idem*. Internationalization of Peer Reviewed and Non-Peer Reviewed Book Publications in the Social Sciences and Humanities.

следований, а также с отсутствием референтных данных. По сравнению с публикациями по картографированию науки эти исследования дают представление о практике и профилях публикаций, а также о социальной, но не о когнитивной структуре гуманитарных наук.

Тем не менее две недавние статьи могут открыть новые захватывающие аналитические направления, в том числе касающиеся когнитивных структур гуманитарных наук. В исследовании, проведенном Иммануилом Кульчицким с соавторами⁹⁵ в 2018 году, сравнивается практика публикаций в восьми странах. Характеристики как научных систем, так и стран обсуждаются с целью объяснить различия в профилях публикаций в разных локациях и различных дисциплинах. Учет характеристик научной системы в библиометрических исследованиях на макроуровне позволяет гораздо более подробно изучить связь между управлением исследованиями и практикой публикаций в гуманитарных науках⁹⁶.

В другой статье 2018 года, написанной Рафом Гунсом с соавторами⁹⁷, представлен новый способ сравнения когнитивной и социальной структуры гуманитарных наук. Сопоставляя когнитивную и организационную категоризацию публикаций фламандских авторов по социальным и гуманитарным наукам, Гунс и его коллеги показывают, что между социальной и когнитивной структурой гуманитарных наук имеется несоответствие. Эти результаты подтверждают более раннюю работу Лейдесдорфа, Хаммарфельта и Салаха⁹⁸ в области картографирования науки и открывают новое направление исследований. Опираясь на доступные данные, Гунс с коллегами⁹⁹ нашли способ изучить когнитивную структуру гуманитарных наук и связать ее с ее социальной структурой без опоры на стандартизированные данные для сравнения.

95. Kulczycki E. et al. Publication Patterns in the Social Sciences and Humanities: Evidence From Eight European Countries//Scientometrics. 2018. Vol. 116. № 1. P. 463–486.

96. См. также: Gläser J., Laudel G. Governing Science. European Journal of Sociology. 2016. Vol. 57. № 1. P. 117–168.

97. Guns R. et al. A Comparison of Cognitive and Organizational Classification of Publications in the Social Sciences and Humanities. P. 1093–1111.

98. Leydesdorff L. et al. The Structure of the Arts & Humanities Citation Index. P. 2414–2426.

99. Guns R. et al. Op. cit.

Необходимость обновить теоретизацию гуманитарных наук

В этой статье мы проанализировали, как библиометрические методы использовались для изучения когнитивных и социальных структур и публикационной практики гуманитарных наук. Мы выделяем два периода библиометрической науки, в которых мы насчитали пять типов библиометрических исследований. В первый период, с 1965 по 1980-е годы, социологи разработали библиометрические методы для проверки социологических теорий. Библиотековеды и специалисты по информатике использовали наработки этих ранних социологических попыток, но используют библиометрические методы для гораздо более подробного изучения природы референтного поведения в гуманитарных науках.

Во второй период, охватывающий период с 1980-х годов по настоящее время, библиометрия внедряется в библиотечные и информационные науки и все больше отдаляется от социологии науки. Именно в этот второй период мы видим три типа исследований, проводимых частично совпадающими научными сообществами: оценка исследований, картографирование науки и исследования с использованием новых национальных или региональных баз данных публикаций.

Наиболее значительным изменением между этими двумя периодами является изменение концептуального хинтерланда, на котором выстраиваются библиометрические исследования. В течение первого периода библиометрические исследования базируются на теоретической основе, выводимой из социологии науки. Ситуация меняется в начале 1980-х годов, когда библиометрические методы все чаще используются в контексте научной политики и оценки исследований.

Прайс в 1970 году утверждал, что у гуманитарных наук иной метаболизм роста знаний, чем у естественных наук. Это послужило основой для многих изученных нами библиометрических исследований 1960-х и 1970-х годов и продолжало играть важную роль в более поздних библиометрических исследованиях. В контексте библиометрии для оценки исследований и изучения профилей публикаций было показано, что гуманитарные науки порождают самые различные типы публикаций. Однако это разнообразие было концептуализировано в очень ограниченном масштабе. Библиометристы сравнили эти практики с идеально-типичным пони-

манием практик естественно-научных публикаций (то есть с публикациями в англоязычных журналах). Им еще предстоит изучить когнитивные различия между различными типами публикаций¹⁰⁰ или их роль¹⁰¹. Из того, что срочно требует исследования и надлежащей концептуализации, это вопрос о том, как практика публикаций соотносится с когнитивными и социальными структурами, которые мы находим в гуманитарных науках.

Решение этих более фундаментальных вопросов, касающихся когнитивных и социальных структур гуманитарных наук, а также практики публикаций, потребует разработки новых наборов данных и сочетания библиометрии с другими (качественными) методами. Это обещает новые интересные ответы на исследовательские вопросы, стоящие в области социологии науки, истории науки и исследований в области научной политики.

Благодарности

Мы благодарим участников семинара CWTS, аудиторию конференции RESSH и конференции *Making of the Humanities*, а также Людо Уолтмана, Бьорна Хаммарфельта, Теда ван Леувена, Джованни Колавиццу и Сару де Рийке за их комментарии. Мы благодарим Мэнди Де Уайлд за редактирование. Эта статья вышла при поддержке Шведского фонда социальных и гуманитарных исследований, номер гранта FSK15-0881:1 (KNOWSCIENCE) и Исследовательского совета Норвегии, номер гранта 256223 (R-QUEST).

Библиография. Публикации, отобранные для исследования

Кластер 1: Социологические исследования

- Cole S. The Hierarchy of the Sciences? // *American Journal of Sociology*. 1983. Vol. 89. № 1. P. 111–139.
- Cole S. et al. Measuring the Cognitive State of Disciplines // *Toward a Metric of Science: The advent of Science Indicators* / Y. Elkana et al. (eds). N.Y.: John Wiley & Sons, 1978. P. 209–251.
- Fanelli D., Glänzel W. Bibliometric Evidence for a Hierarchy of the Sciences // *PLoS One*. 2013. № 8(6).

100. См.: Colavizza G. The Core Literature of the Historians of Venice. P. 14.

101. Sivertsen G. Patterns of Internationalization and Criteria for Research Assessment in the Social Sciences and Humanities. P. 357–368.

- Price D. Citation Measures of Hard Science, Soft Science, Technology and Non-Science//Communication Among Scientists and Engineers/C. Nelson, D. Pollock (eds). Lexington, KY: Heath Lexington, 1970. P. 3–22.
- Storer N.W. The Hard Sciences and the Soft: Some Sociological Observations//Bulletin of the Medical Library Association. 1967. Vol. 55. № 1. P. 75–84.
- Zuckerman H., Merton R.K. Age Aging and Age Structure in Science//The Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations/R. Merton, N. Storer (eds). Chicago: University of Chicago Press, 1973. P. 497–539.
- Zwaan R., Nederhof A. Some Aspects of Scholarly Communication//Language. 1990. Vol. 84. № 3. P. 474–496.

Кластер 2: Библиотечковедение и информатика

- Ardanuy J. et al. A Citation Analysis of Catalan Literary Studies (1974–2003): Towards a Bibliometrics of Humanities Studies in Minority Languages//Scientometrics. 2009. Vol. 81. № 2. P. 347–366.
- Budd J. Characteristics of Written Scholarship in American Literature: A Citation Study//Library and Information Science Research. 1986. № 8(2). P. 189–211.
- Coffey D.P. A Discipline's Composition: A Citation Analysis of Composition Studies//The Journal of Academic Librarianship. 2006. № 32. P. 155–165.
- Cullars J. Characteristics of the Monographic Literature of British and American Literary Studies//College and Research Libraries. 1985. Vol. 46. № 2. P. 511–522.
- Cullars J. Characteristics of the Monographic Scholarship of Foreign Literary Studies by Native Speakers of English//College and Research Libraries. 1988. Vol. 49. № 2. P. 157–170.
- Cullars J. Citation Characteristics of French and German Literary Monographs//The Library Quarterly. 1989. Vol. 59. № 4. P. 305–325.
- Cullars J. Citation Characteristics of Italian and Spanish Literary Monographs//The Library Quarterly. 1990. Vol. 60. № 4. P. 337–356.
- Cullars J. Citation Characteristics of Monographs in the Fine Arts//The Library Quarterly. 1992. Vol. 62. № 3. P. 325–342.
- Cullars J. Citation Characteristics of English-Language Monographs in Philosophy//Library & Information Science Research. 1998. № 20(1). P. 41–68.
- Frost C. The Use of Citations in Literary Research a Preliminary Classification of Citation Functions//The Library Quarterly. 1979. Vol. 49. № 4. P. 399–414.
- Hammarfelt B. Harvesting Footnotes in a Rural Field: Citation Patterns in Swedish Literary Studies//Journal of Documentation. 2012. Vol. 68. № 4. P. 536–558.
- Hammarfelt B. Interdisciplinarity and the Intellectual Base of Literature Studies: Citation Analysis of Highly Cited Monographs//Scientometrics. 2011. Vol. 86. № 3. P. 705–725.
- Heinzkill R. Characteristics of References in Selected Scholarly English Literary Journals//The Library Quarterly. 1980. Vol. 50. № 3. P. 352–365.
- Heisey T. Paradigm Agreement and Literature Obsolescence: A Comparative Study in the Literature of the Dead Sea Scrolls//Journal of Documentation. 1988. Vol. 22. № 3. P. 266–268.
- Hellqvist B. Referencing in the Humanities and Its Implications for Citation Analysis//Journal of the Association for Information Science and Technology. 2010. Vol. 61. № 2. P. 310–318.
- Herubel J.-P. The Nature of Three History Journals: A Citation Experiment//Collection Management. 1990. Vol. 12. № 3/4. P. 37–41.
- Jones C. et al. The Characteristics of the Literature Used by Historians//Journal of Librarianship and Information Science. 1972. Vol. 4. № 3. P. 137–156.
- Kellsey C., Knievel J.E. Citation Analysis for Collection Development: A Comparative Study of Eight Humanities Fields the Characteristics of the Literature Used by Historians//The Library Quarterly. 2005. Vol. 75. № 2. P. 142–168.

- Kellsey C., Knievel J.E. Global English in the Humanities? A Longitudinal Citation Study of Foreign-Language Use by Humanities Scholars//College and Research Libraries. 2004. Vol. 65. № 3. P. 194–204.
- Larivière V. et al. The Place of Serials in Referencing Practices: Comparing Natural Sciences and Engineering With Social Sciences and Humanities//Journal of the Association for Information Science and Technology. 2006. Vol. 57. № 8. P. 997–1004.
- McCain K.W. Citation Patterns in the History of Technology//Library and Information Science Research. 1987. Vol. 9. № 1. P. 41–59.
- Nolen D.S., Richardson H.A.H. The Search for Landmark Works in English Literary Studies: A Citation Analysis//Journal of Academic Librarianship. 2016. Vol. 42. № 4. P. 453–458.
- Stern M. Characteristics of the Literature of Literary Scholarship//College & Research Libraries. 1983. Vol. 44. № 4. P. 199–209.
- Tang R. Citation Characteristics and Intellectual Acceptance of Scholarly Monographs//College & Research Libraries. 2008. Vol. 69. № 4. P. 356–369.
- Thompson J.W. The Death of the Scholarly Monograph in the Humanities? Citation Patterns in Literary Scholarship//Libri. 2002. Vol. 52. № 3. P. 121–136.
- Wiberley S.E. A Methodological Approach to Developing Bibliometric Models of Types of Humanities Scholarship//The Library Quarterly. 2003. Vol. 73. № 2. P. 121–159.
- Zwaan R., Nederhof A. Some Aspects of Scholarly Communication//Language. 1990. Vol. 84. № 3. P. 474–496.

Кластер 3: Работы в области оценки исследований

- Al U. et al. Arts and Humanities Literature: Bibliometric Characteristics of Contributions by Turkish Authors//Journal of the Association for Information Science and Technology. 2006. Vol. 57. № 8. P. 1011–1022.
- Chinchilla-Rodríguez Z. et al. What Factors Affect the Visibility of Argentinean Publications in Humanities and Social Sciences in Scopus? Some Evidence Beyond the Geographic Realm of Research//Scientometrics. 2015. Vol. 102. № 1. P. 789–810.
- Nederhof A. Bibliometric Monitoring of Research Performance in the Social Sciences and the Humanities: A Review//Scientometrics. 2006. Vol. 66. № 1. P. 81–100.
- Nederhof A.J., Noyons, E.C. International Comparison of Departments' Research Performance in the Humanities//Journal of the American Society for Information Science. 1992. Vol. 43. № 3. P. 249–256.
- Nederhof A. et al. Assessing the Usefulness of Bibliometric Indicators for the Humanities and the Social and Behavioral Sciences: A Comparative Study//Scientometrics. 1989. Vol. 15. № 5–6. P. 423–435.
- Van Leeuwen T. Bibliometric Research Evaluations, Web of Science and the Social Sciences and Humanities: A Problematic Relationship?//Bibliometrie-Praxis und Forschung. 2013. № 2. P. 1–18.

Кластер 4: Картографирование науки

- Ahlgren P. et al. Bibliometric Analysis of Two Subdomains in Philosophy: Free Will and Sorites//Scientometrics. 2015. Vol. 103. № 1. P. 47–73.
- Buchanan A., Herubel J.-P. Disciplinary Culture, Bibliometrics and Historical Studies//Behavioral and Social Sciences Librarian. 1997. Vol. 15. № 2. P. 37–53.
- Colavizza G. The Core Literature of the Historians of Venice//Frontiers in Digital Humanities. 2017. Vol. 4. № 3. P. 14.

- Colavizza G. The Structural Role of the Core Literature in History//*Scientometrics*. 2008. Vol. 113. № 3. P. 1787–1809.
- Herubel J.-P., Goedeken E. Using the Arts and Humanities Citation Index to Identify a Community of Interdisciplinary Historians//*The Serials Librarian*. 2001. Vol. 41. № 1. P. 85–98.
- Kreuzman H. A Co-citation Analysis of Representative Authors in Philosophy: Examining the Relationship Between Epistemologists and Philosophers of Science//*Scientometrics*. 2001. Vol. 51. № 3. P. 525–539.
- Larivière V., Gingras Y. and Archambault É. The Place of Serials in Referencing Practices: Comparing Natural Sciences and Engineering With Social Sciences and Humanities//*Journal of the Association for Information Science and Technology*. 2006. Vol. 57. № 8. P. 997–1004.
- Leydesdorff L. et al. The Structure of the Arts & Humanities Citation Index: A Mapping on the Basis of Aggregated Citations Among 1157 Journals//*Journal of the American Society for Information Science*. 2011. Vol. 62. № 12. P. 2414–2426.
- Leydesdorff L., Salah A. Maps on the Basis of the Arts & Humanities Citation Index: The Journals Leonardo and Art Journal Versus “Digital Humanities” as a Topic//*Journal of the American Society for Information Science and Technology*. 2010. Vol. 61. № 4. P. 787–801.
- Weingart S.B. Finding the History and Philosophy of Science//*Erkenntnis*. 2005. Vol. 80. № 1. P. 201–213.

Кластер 5: Исследования с использованием национальных и региональных баз данных публикаций

- Engels T.C. et al. Changing Publication Patterns in the Social Sciences and Humanities, 2000–2009//*Scientometrics*. 2012. Vol. 93. № 2. P. 373–390.
- Guns R. et al. A Comparison of Cognitive and Organizational Classification of Publications in the Social Sciences and Humanities//*Scientometrics*. 2018. Vol. 116. № 2. P. 1093–1111.
- Hammarfelt B., De Rijcke S. Accountability in Context: Effects of Research Evaluation Systems on Publication Practices, Disciplinary Norms, and Individual Working Routines in the Faculty of Arts at Uppsala University//*Research Evaluation*. 2015. Vol. 24. № 1. P. 63–77.
- Kulczycki E. et al. Publication Patterns in the Social Sciences and Humanities: Evidence From Eight European Countries//*Scientometrics*. 2018. Vol. 116. № 1. P. 463–486.
- Kyvik S. Changing Trends in Publishing Behaviour Among University Faculty, 1980–2000//*Scientometrics*. 2003. Vol. 58. № 1. P. 35–48.
- Ossenblok T.L., Engels T.C. Edited Books in the Social Sciences and Humanities: Characteristics and Collaboration Analysis//*Scientometrics*. 2015. Vol. 104. № 1. P. 219–237.
- Ossenblok T.L. et al. Book Editors in the Social Sciences and Humanities: An Analysis of Publication and Collaboration Patterns of Established Researchers in Flanders//*Learned Publishing*. 2015. Vol. 28. № 4. P. 261–273.
- Ossenblok T.L. et al. Coauthorship of Journal Articles and Book Chapters in the Social Sciences and Humanities (2000–2010)//*Journal of the Association for Information Science and Technology*. 2014. Vol. 65. № 5. P. 882–897.
- Ossenblok T.L. et al. The Representation of the Social Sciences and Humanities in the Web of Science – A Comparison of Publication Patterns and Incentive Structures in Flanders and Norway (2005–2009)//*Research Evaluation*. 2012. Vol. 21. № 4. P. 280–290.
- Sivertsen G. Patterns of Internationalization and Criteria for Research Assessment in the Social Sciences and Humanities//*Scientometrics*. 2016. Vol. 107. № 2. P. 357–368.

- Sivertsen G., Larsen B. Comprehensive Bibliographic Coverage of the Social Sciences and Humanities in a Citation Index: An Empirical Analysis of the Potential//*Scientometrics*. 2012. Vol. 91. № 2. 567–575.
- Verleysen F.T., Engels T.C. Barycenter Representation of Book Publishing Internationalization in the Social Sciences and Humanities//*Journal of Informetrics*. Vol. 8. № 1. P. 234–240.
- Verleysen F.T., Engels T.C. Internationalization of Peer Reviewed and Non-peer Reviewed Book Publications in the Social Sciences and Humanities//*Scientometrics*. 2014. Vol. 101. № 2. P. 1431–1444.
- Verleysen F.T., Ossenblok T.L. Profiles of Monograph Authors in the Social Sciences and Humanities: An Analysis of Productivity, Career Stage, Co-authorship, Disciplinary Affiliation and Gender, Based on a Regional Bibliographic Database//*Scientometrics*. 2017. Vol. 111. № 3. P. 1673–1686.
- Verleysen F.T., Weeren A. Clustering by Publication Patterns of Senior Authors in the Social Sciences and Humanities//*Journal of Informetrics*. 2016. Vol. 10. № 1. P. 254–272.

Дополнительная литература

- Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Издательство Института Гайдара, 2015.
- Сноу Ч. Две культуры и научная революция//Он же. Портреты и размышления. М.: Прогресс, 1985. С. 195–226.
- Ardanuy J. Sixty Years of Citation Analysis Studies in the Humanities (1951–2010)//*Journal of the American Society for Information Science*. 2013. Vol. 6. № 8. P. 1751–1755.
- Bod R. A New History of the Humanities: The Search for Principles and Patterns From Antiquity to the Present. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Chen C. Science Mapping: A Systematic Review of the Literature//*Journal of Data and Information Science*. 2017. Vol. 2. № 2. P. 1–40.
- Cozzens S. Taking the Measure of Science: A Review of Citation Theories//*International Society for the Sociology of Knowledge*. 1981. Vol. 7. № 1–2. P. 16–20.
- Cozzens S. Using the Archive: Derek Price's Theory of Differences among the Sciences//*Scientometrics*. 1985. Vol. 7. № 3–6. P. 431–441.
- Cronin B. The Citation Process: The Role and Significance of Citations in Scientific Communication. L.: Taylor Graham, 1984.
- De Rijcke S. et al. Evaluation Practices and Effects of Indicator Use—A Literature Review//*Research Evaluation*. 2016. Vol. 25. № 2. P. 161–169.
- Garfield E. et al. Citation Data as Science Indicators//Toward a Metric of Science/Y. Elkana et al. (eds). N.Y.: John Wiley & Sons, 1978. P. 179–208.
- Gläser J., Laudel G. Governing Science//*European Journal of Sociology*. 2016. Vol. 57. № 1. P. 117–168.
- Godin B. Measurement and Statistics on Science and Technology: 1920 to the Present. L.: Routledge, 2005.
- Gross P.L., Gross E.M. College Libraries and Chemical Education//*Science*. 1927. Vol. 66. № 1713. P. 385–389.
- Gross P.L., Woodford A.O. Serial Literature Used by American Geologists//*Science*. 1931. Vol. 73. № 1903. P. 660–664.
- Hammarfelt B. Beyond Coverage: Toward a Bibliometrics for the Humanities//Research Assessment in the Humanities. Towards Criteria and Procedures/M. Ochsner et al. (eds). Cham: Springer, 2016. P. 115–131.
- Huang M.H., Chang Y.W. Characteristics of Research Output in Social Sciences and Humanities: From a Research Evaluation Perspective//*Journal of the Association for Information Science and Technology*, 2008. Vol. 59. № 11. P. 1819–1828.

- Hug S.E. et al. Criteria for Assessing Research Quality in the Humanities: A Delphi Study among Scholars of English Literature, German Literature and Art History//Research Evaluation. 2013. Vol. 22. № 5. P. 369–383.
- Luukkonen T. Why Has Latour's Theory of Citations Been Ignored by the Bibliometric Community?//Scientometrics. 1997. Vol. 38. № 1. P. 27–37.
- Moed H. Citation Analysis in Research Evaluation. Dordrecht: Springer, 2006. Pt. 2.3.
- Moed H. et al. The Use of Bibliometric Data for the Measurement of University Research Performance//Research Policy. 1985. Vol. 14. № 3. P. 131–149.
- Narin F. Evaluative Bibliometrics: The Use of Publication and Citation Analysis in the Evaluation of Scientific Activity. Washington: National Science Foundation, 1976.
- Nederhof A. et al. Productiviteit en Kwaliteit in Alfa-en Gammawetenschappen; Een Haalbaarheidsonderzoek. Den Haag: Staatsuitgeverij, 1988.
- Nicolaisen J. Citation Analysis//Annual Review of Information Science and Technology. 2007. № 41. P. 609–642.
- Ochsner M. et al. Research Assessment in the Humanities: Towards Criteria and Procedures. Cham: Springer, 2016.
- Ochsner M. et al. Four Types of Research in the Humanities: Setting the Stage for Research Quality Criteria in the Humanities//Research Evaluation. 2012. Vol. 22. № 2. P. 79–92.
- Petrey S. The Whole Mirth Catalogue//The French Review. 1980. Vol. 54. № 1. P. 117–121.
- Price D. Little Science, Big Science... and Beyond. N.Y.: Columbia University Press, 1986.
- Price D. Citation Measures of Hard Science, Soft Science, Technology and Non-Science//Communication Among Scientists and Engineers/C. Nelson, D. Pollock (eds). Lexington, KY: Heath Lexington, 1970. P. 3–22.
- Rheinberger H.-J. On Historicizing Epistemology: An Essay. Stanford: Stanford University Press, 2010.
- Sile L. et al. European Databases and Repositories for Social Sciences and Humanities Research Output. Antwerp: ECOOM & ENRESSH, 2017.
- Sivertsen G. Data Integration in Scandinavia//Scientometrics. 2006. Vol. 106. № 2. P. 849–855.
- Van Eck N., Waltman L. Citnetexplorer: A New Software Tool for Analyzing and Visualizing Citation Networks//Journal of Informetrics. 2014. Vol. 8. № 4. P. 802–823.
- Whitley R. The Social and Intellectual Organization of the Sciences. Oxford: Oxford University Press, 1984.
- Wouters P. The Citation Culture (Doctoral dissertation). Amsterdam: University of Amsterdam, 1999.
- Wouters P. What Is the Matter With E-Science: Thinking Aloud about Informatization in Knowledge Creation//Pantaneto Forum. 2006. Vol. 23. URL: <http://pantaneto.co.uk/issue-23/>.
- Wyatt S. et al. The Intellectual and Practical Contributions of Scientometrics to STS//The Handbook of Science and Technology Studies/U. Felt et al. (eds). Cambridge: MIT Press, 2016. P. 87–112.

Science and Its Significant Other: Representing the Humanities in Bibliometric Scholarship

Thomas Franssen. Centre for Science and Technology Studies (CWTS), Leiden University, Leiden, Netherlands, t.p.franssen@cwts.leidenuniv.nl.

Paul Wouters. Centre for Science and Technology Studies (CWTS), Leiden University, Leiden, Netherlands, p.f.wouters@cwts.leidenuniv.nl.

The cognitive and social structures, and publication practices, of the humanities have been studied bibliometrically for the past 50 years. This article explores the

conceptual frameworks, methods, and data sources used in bibliometrics to study the nature of the humanities, and their differences and similarities in comparison to other scientific domains. We give an historical overview of bibliometric scholarship between 1965 and 2018 that studies the humanities empirically and distinguishes between two periods in which the configuration of the bibliometric system differed remarkably. The first period, from 1965 to the 1980s, is characterized by bibliometric methods embedded in a sociological theoretical framework, the development and use of the Price Index, and small samples of journal publications from which references were used as data sources. The second period, the 1980s to the present day, is characterized by a new intellectual hinterland—that of science policy and research evaluation—in which bibliometric methods become embedded. Here the metadata of publications becomes the primary data source with which publication profiles of humanistic scholarly communities are analysed. We unpack the differences between these two periods and critically discuss the analytical avenues that different approaches offer.

Keywords: *bibliometric studies; bibliometric methods; bibliometric indicators; Price Index; metadata; bibliometrics.*

References

- Ahlgren P., Pagin P., Persson O., Svedberg M. Bibliometric Analysis of Two Subdomains in Philosophy: Free Will and Sorites. *Scientometrics*, vol. 103, no. 1, pp. 47–73.
- Ardanuy J. Sixty Years of Citation Analysis Studies in the Humanities (1951–2010). *Journal of the American Society for Information Science*, 2013, vol. 6, no. 8, pp. 1751–1755.
- Ardanuy J., Urbano C., Quintana L. A. Citation Analysis of Catalan Literary Studies (1974–2003): Towards a Bibliometrics of Humanities Studies in Minority Languages. *Scientometrics*, 2009, vol. 81, no. 2, pp. 347–366.
- Bod R. *A New History of the Humanities: The Search for Principles and Patterns From Antiquity to the Present*, Oxford, Oxford University Press, 2013.
- Buchanan A., Herubel J.-P. Disciplinary Culture, Bibliometrics and Historical Studies. *Behavioral and Social Sciences Librarian*, 1997, vol. 15, no. 2, pp. 37–53.
- Buchanan A., Herubel J.-P. Using the Arts and Humanities Citation Index to Identify a Community of Interdisciplinary Historians. *The Serials Librarian*, 1997, vol. 41, no. 1, pp. 85–98.
- Budd J. Characteristics of Written Scholarship in American Literature: A Citation Study. *Library and Information Science Research*, 1986, vol. 8, no. 2, pp. 189–211.
- Chen C. Science Mapping: A Systematic Review of the Literature. *Journal of Data and Information Science*, 2017, vol. 2, no. 2, pp. 1–40.
- Colavizza G. The Core Literature of the Historians of Venice. *Frontiers in Digital Humanities*, 2017, vol. 4, no. 3, pp. 14.
- Colavizza G. The Structural Role of the Core Literature in History. *Scientometrics*, 2008, vol. 113, no. 3, pp. 1787–1809.
- Cole S. The Hierarchy of the Sciences? *American Journal of Sociology*, 1983, vol. 89, no. 1, pp. 111–139.
- Cole S., Cole J., Dietrich L. Measuring the Cognitive State of Disciplines. *Toward a Metric of Science: The Advent of Science Indicators* (eds Y. Elkana, J. Lederberg, R. Merton, A. Thackray, H. Zuckerman), New York, John Wiley & Sons, 1978, pp. 209–251.
- Cozzens S. Taking the Measure of Science: A Review of Citation Theories. *International Society for the Sociology of Knowledge*, 1981, vol. 7, no. 1–2, pp. 16–20.
- Cozzens S. Using the Archive: Derek Price's Theory of Differences Among the Sciences. *Scientometrics*, 1985, vol. 7, no. 3–6, pp. 431–441.
- Cronin B. *The Citation Process: The Role and Significance of Citations in Scientific Communication*, London, Taylor Graham, 1984.

- Cullars J. Characteristics of the Monographic Scholarship of Foreign Literary Studies by Native Speakers of English. *College and Research Libraries*, 1988, vol. 49, no. 2, pp. 157–170.
- Cullars J. Citation Characteristics of English-Language Monographs in Philosophy. *Library & Information Science Research*, 1998, vol. 20, no. 1, pp. 41–68.
- Cullars J. Citation Characteristics of Monographs in the Fine Arts. *The Library Quarterly*, 1992, vol. 62, no. 3, pp. 325–342.
- De Rijcke S., Wouters P., Rushforth A., Franssen T., Hammarfelt B. Evaluation Practices and Effects of Indicator Use – A Literature Review. *Research Evaluation*, 2016, vol. 25, no. 2, pp. 161–169.
- Engels T.C., Ossenblok T.L., Spruyt E.H. Changing Publication Patterns in the Social Sciences and Humanities, 2000–2009. *Scientometrics*, 2012, vol. 93, no. 2, pp. 373–390.
- Frost C. The Use of Citations in Literary Research a Preliminary Classification of Citation Functions. *The Library Quarterly*, 1979, vol. 49, no. 4, pp. 399–414.
- Garfield E., Malin M., Small H. Citation Data as Science Indicators. *Toward a Metric of Science* (eds Y. Elkana, J. Lederberg, R. Merton, A. Thackray, H. Zuckerman), New York, John Wiley & Sons, 1978, pp. 179–208.
- Gläser J., Laudel G. Governing Science. *European Journal of Sociology*, 2016, vol. 57, no. 1, pp. 117–168.
- Godin B. *Measurement and Statistics on Science and Technology: 1920 to the Present*, London, Routledge, 2005.
- Gross P.L., Gross E.M. College Libraries and Chemical Education. *Science*, 1927, vol. 66, no. 1713, pp. 385–389.
- Gross P.L., Woodford A.O. Serial Literature Used by American Geologists. *Science*, 1931, vol. 73, no. 1903, pp. 660–664.
- Guns R. et al. A Comparison of Cognitive and Organizational Classification of Publications in the Social Sciences and Humanities. *Scientometrics*, 2018, vol. 116, no. 2, pp. 1093–1111.
- Hammarfelt B. Beyond Coverage: Toward a Bibliometrics for the Humanities. Research Assessment in the Humanities. Towards Criteria and Procedures (eds M. Ochsner, S.E. Hug and H.D. Daniel), Cham, Springer, 2016, pp. 115–131.
- Hammarfelt B. Harvesting Footnotes in a Rural Field: Citation Patterns in Swedish Literary Studies. *Journal of Documentation*, 2012, vol. 68, no. 4, pp. 536–558.
- Hammarfelt B. Interdisciplinarity and the Intellectual Base of Literature Studies: Citation Analysis of Highly Cited Monographs. *Scientometrics*, 2011, vol. 86, no. 3, pp. 705–725.
- Hammarfelt B., De Rijcke S. Accountability in Context: Effects of Research Evaluation Systems on Publication Practices, Disciplinary Norms, and Individual Working Routines in the Faculty of Arts at Uppsala University. *Research Evaluation*, 2015, vol. 24, no. 1, pp. 63–77.
- Heinzkill R. Characteristics of References in Selected Scholarly English Literary Journals. *The Library Quarterly*, 1980, vol. 50, no. 3, pp. 352–365.
- Heisey T. Paradigm Agreement and Literature Obsolescence: A Comparative Study in the Literature of the Dead Sea Scrolls. *Journal of Documentation*, 1988, vol. 22, no. 3, pp. 285–301.
- Hellqvist B. Referencing in the Humanities and Its Implications for Citation Analysis. *Journal of the Association for Information Science and Technology*, 2010, vol. 61, no. 2, pp. 310–318.
- Huang M.H., Chang Y.W. Characteristics of Research Output in Social Sciences and Humanities: From a Research Evaluation Perspective. *Journal of the Association for Information Science and Technology*, 2008, vol. 59, no. 11, pp. 1819–1828.
- Hug S.E., Ochsner M., Daniel H.D. Criteria for Assessing Research Quality in the Humanities: A Delphi Study among Scholars of English Literature, German Literature and Art History. *Research Evaluation*, 2013, vol. 22, no. 5, pp. 369–383.

- Jones C., Chapman M., Woods P.C. The Characteristics of the Literature Used by Historians. *Journal of Librarianship and Information Science*, 1972, vol. 4, no. 3, pp. 137–156.
- Kellsey C., Knievel J.E. Citation Analysis for Collection Development: A Comparative Study of Eight Humanities Fields. *The Library Quarterly*, 2005, vol. 75, no. 2, pp. 142–168.
- Kellsey C., Knievel J.E. Global English in the Humanities? A Longitudinal Citation Study of Foreign-Language Use by Humanities Scholars. *College and Research Libraries*, 2004, vol. 65, no. 3, pp. 194–204.
- Kreuzman H. A Co-Citation Analysis of Representative Authors in Philosophy: Examining the Relationship Between Epistemologists and Philosophers of Science. *Scientometrics*, 2001, vol. 51, no. 3, pp. 525–539.
- Kulczycki E., Engels T.C., Pölönen J., Bruun K., Dušková M., Guns R., Nowotniak R., Petr M., Sivertsen G., Starčíč A.J., Zuccala A. Publication Patterns in the Social Sciences and Humanities: Evidence From Eight European Countries. *Scientometrics*, 2018, vol. 116, no. 1, pp. 463–486.
- Larivière V., Archambault É., Gingras Y., Vignola-Gagné É. The Place of Serials in Referencing Practices: Comparing Natural Sciences and Engineering With Social Sciences and Humanities. *Journal of the Association for Information Science and Technology*, 2006, vol. 57, no. 8, pp. 997–1004.
- Leydesdorff L., Hammarfelt B., Salah A. The Structure of the Arts & Humanities Citation Index: A Mapping on the Basis of Aggregated Citations Among 1,157 Journals. *Journal of the American Society for Information Science*, 2011, vol. 62, no. 12, pp. 2414–2426.
- Leydesdorff L., Salah A. Maps on the Basis of the Arts & Humanities Citation Index: The Journals Leonardo and Art Journal Versus “Digital Humanities” as a Topic. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, 2010, vol. 61, no. 4, pp. 787–801.
- John Law. *Posle metoda. Beporyadok i sotsial'naya nauka* [After Method. Mess in Social Science Research], Moscow, Gaidar Institute Press, 2015.
- Luukkonen T. Why Has Latour's Theory of Citations Been Ignored by the Bibliometric Community? *Scientometrics*, 1997, vol. 38, no. 1, pp. 27–37.
- Moed H. *Citation Analysis in Research Evaluation*, Dordrecht, Springer, 2006.
- Moed H., Burger W., Frankfort J., Van Raan A. The Use of Bibliometric Data for the Measurement of University Research Performance. *Research Policy*, 1985, vol. 14, no. 3, pp. 131–149.
- Narin F. *Evaluative Bibliometrics: The Use of Publication and Citation Analysis in the Evaluation of Scientific Activity*, Washington, National Science Foundation, 1976.
- Nederhof A. Bibliometric Monitoring of Research Performance in the Social Sciences and the Humanities: A Review. *Scientometrics*, 2006, vol. 66, no. 1, pp. 81–100.
- Nederhof A.J., Noyons E.C. International Comparison of Departments' Research Performance in the Humanities. *Journal of the American Society for Information Science*, 1992, vol. 43, no. 3, pp. 249–256.
- Nederhof A., Zwaan R., De Bruin R., Dekker P. Assessing the Usefulness of Bibliometric Indicators for the Humanities and the Social and Behavioural Sciences: A Comparative Study. *Scientometrics*, 1989, vol. 15, no. 5–6, pp. 423–435.
- Nederhof A., Zwaan R., De Bruin R., Dekker P. *Productiviteit en Kwaliteit in Alfa-en Gammawetenschappen; Een Haalbaarheidsonderzoek*, Den Haag, Staatsuitgeverij, 1988.
- Nicolaisen J. Citation Analysis. *Annual Review of Information Science and Technology*, 2007, no. 41, pp. 609–642.
- Ochsner M., Hug S.E., Daniel H.D. Four Types of Research in the Humanities: Setting the Stage for Research Quality Criteria in the Humanities. *Research Evaluation*, 2012, vol. 22, no. 2, pp. 79–92.

- Ochsner M., Hug S.E., Daniel H.D. *Research Assessment in the Humanities: Towards Criteria and Procedures*, Cham, Springer, 2016.
- Ossenblok T.L., Engels T.C. Edited Books in the Social Sciences and Humanities: Characteristics and Collaboration Analysis. *Scientometrics*, 2015, vol. 104, no. 1, pp. 219–237.
- Ossenblok T.L., Engels T.C., Sivertsen G. The Representation of the Social Sciences and Humanities in the Web of Science – A Comparison of Publication Patterns and Incentive Structures in Flanders and Norway (2005–2009). *Research Evaluation*, 2012, vol. 21, no. 4, pp. 280–290.
- Ossenblok T.L., Verleysen F.T., Engels T.C. Coauthorship of Journal Articles and Book Chapters in the Social Sciences and Humanities (2000–2010). *Journal of the Association for Information Science and Technology*, 2014, vol. 65, no. 5, pp. 882–897.
- Petrey S. The Whole Mirth Catalogue. *The French Review*, 1980, vol. 54, no. 1, pp. 117–121.
- Price D. Citation Measures of Hard Science, Soft Science, Technology and Non-science. *Communication Among Scientists and Engineers* (eds C. Nelson, D. Pollock), Lexington, Heath Lexington, 1970, pp. 3–22.
- Price D. *Little Science, Big Science... and Beyond*, New York, Columbia University Press, 1986.
- Rheinberger H.-J. *On Historicizing Epistemology: An Essay*, Stanford, Stanford University Press, 2010.
- Sile L., Guns R., Sivertsen G., Engels T. *European Databases and Repositories for Social Sciences and Humanities Research Output*, Antwerp, ECOOM & ENRESSH, 2017.
- Sivertsen G. Data Integration in Scandinavia. *Scientometrics*, 2006, vol. 106, no. 2, pp. 849–855.
- Sivertsen G. Patterns of Internationalization and Criteria for Research Assessment in the Social Sciences and Humanities. *Scientometrics*, 2016, vol. 107, no. 2, pp. 357–368.
- Sivertsen G., Larsen B. Comprehensive Bibliographic Coverage of the Social Sciences and Humanities in a Citation Index: An Empirical Analysis of the Potential. *Scientometrics*, 2012, vol. 91, no. 2, pp. 567–575.
- Snow Ch. Dve kul'tury i nauchnaya revolyutsiya [The Two Cultures and the Scientific Revolution]. *Portrety i razmyshleniya* [Portraits And Reflections], Moscow, Progress, 1985, pp. 195–226.
- Stern M. Characteristics of the Literature of Literary Scholarship. *College & Research Libraries*, 1983, vol. 44, no. 4, pp. 199–209.
- Storer N.W. The Hard Sciences and the Soft: Some Sociological Observations. *Bulletin of the Medical Library Association*, 1967, vol. 55, no. 1, pp. 75–84.
- Tang R. Citation Characteristics and Intellectual Acceptance of Scholarly Monographs. *College & Research Libraries*, 2008, vol. 69, no. 4, pp. 356–369.
- Thompson J.W. The Death of the Scholarly Monograph in the Humanities? Citation Patterns in Literary Scholarship. *Libri*, 2002, vol. 52, no. 3, pp. 121–136.
- Van Eck N., Waltman L. CitNetExplorer: A New Software Tool for Analyzing and Visualizing Citation Networks. *Journal of Informetrics*, 2014, vol. 8, no. 4, pp. 802–823.
- Verleysen F.T., Engels T.C. Barycenter Representation of Book Publishing Internationalization in the Social Sciences and Humanities. *Journal of Informetrics*, vol. 8, no. 1, pp. 234–240.
- Verleysen F.T., Engels T.C. Internationalization of Peer Reviewed and Non-Peer Reviewed Book Publications in the Social Sciences and Humanities. *Scientometrics*, 2014, vol. 101, no. 2, pp. 1431–1444.
- Verleysen F.T., Ossenblok T.L. Profiles of Monograph Authors in the Social Sciences and Humanities: An Analysis of Productivity, Career Stage, Co-Authorship, Disciplinary Affiliation and Gender, Based on a Regional Bibliographic Database. *Scientometrics*, 2017, vol. 111, no. 3, pp. 1673–1686.

- Verleysen F.T., Weeren A. Clustering by Publication Patterns of Senior Authors in the Social Sciences and Humanities. *Journal of Informetrics*, 2016, vol. 10, no. 1, pp. 254-272.
- Weingart S.B. Finding the History and Philosophy of Science. *Erkenntnis*, 2005, vol. 80, no. 1, pp. 201-213.
- Whitley R. *The Social and Intellectual Organization of the Sciences*, Oxford, Oxford University Press, 1984.
- Wiberley S.E. A Methodological Approach to Developing Bibliometric Models of Types of Humanities Scholarship. *The Library Quarterly*, 2003, vol. 73, no. 2, pp. 121-159.
- Wouters P. The Citation Culture. PhD thesis. Amsterdam, University of Amsterdam, 1999.
- Wouters P. What Is the Matter With E-Science: Thinking Aloud about Informatization in Knowledge Creation. *Pantaneto Forum*, 2006, vol. 23. URL: <http://pantaneto.co.uk/issue-23/>.
- Wyatt S., Milojevic S., Park H., Leydesdorff L. The Intellectual and Practical Contributions of Scientometrics to STS. *The Handbook of Science and Technology Studies* (eds U. Felt, R. Fouché, C. Miller, L. Smith-Doerr), Cambridge, MIT Press, 2016, pp. 87-112.
- Zuckerman H., Merton R.K. Age Aging and Age Structure in Science. *The Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations* (eds R. Merton, N. Storer), Chicago, University of Chicago Press, 1973, pp. 497-539.
- Zwaan R., Nederhof A. Some Aspects of Scholarly Communication. *Language*, 1990, vol. 84, no. 3, pp. 474-496.

Как перестать беспокоиться и полюбить реферируемые журналы. Дискуссия о наукометрии

Вячеслав Данилов, Ирина Дуденкова,
Артем Космарский, Дмитрий Кралечкин,
Петр Сафронов

Вячеслав Данилов. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Россия, ivangog@mail.ru.

Ирина Дуденкова. Московская высшая школа социальных и экономических наук (МВШСЭН), Москва, Россия, irinafil@bk.ru.

Артем Космарский. Институт востоковедения, Российская академия наук (РАН), Москва, Россия, artyom.kosmarski@gmail.com.

Дмитрий Кралечкин. Независимый исследователь, Москва, Россия, kralechkin@gmail.com.

Петр Сафронов. Независимый исследователь, Москва, Россия, peter.safronov@gmail.com.

Дискуссия Московского философского кружка посвящена вопросам наукометрии в отечественных гуманитарных науках. В ней рассматриваются стратегии внеакадемической власти по поиску наиболее эффективных инструментов финансирования научных исследований и ответная реакция академических властей, ориентированная на сохранение статус-кво. Несмотря на декларируемый статус наукометрии как социологического инструмента адекватной оценки научной эффективности, представители отечественной гуманитарной академии полагают, что де-факто формальное следование наукометрическим показателям не только не соответствует идее отделения науки качественной от некачественной, но, наоборот, плодит исследования невысокого научного значения, которые выполняются исключительно для роста наукометрического потенциала. В дискуссии обсуждаются вопросы: несет ли наукометрия смерть научной традиции, в том числе национальной? Является ли практика наукометрии инструментом для уничтожения национального научного языка и стилей мышления? Как возможно сегодня, в эпоху научной глобализации, говорить о науке в терминах традиции, школы и т. п. и не скрывает ли такая практика гораздо более серьезные проблемы, — с которыми сталкивается гуманитарное знание, — нежели наукометрия?

Ключевые слова: *наукометрия; результативность научных исследований; цитируемость; реферируемые журналы; библиографические базы данных; индексы цитирования.*

«Мы сегодня оцениваем научную деятельность по наукометрии, как бы ни было печально... Люди, которые заняты важнейшими государственными делами, у которых нет индекса цитирования, но у которых плавают, летают, ездят... они не попадают», — жаловался президенту на заседании Совета по науке и образованию глава Курчатовского института Михаил Ковальчук. Схожий порядок аргументации — конфликт между государственным интересом и правилами подсчета научной эффективности Министерством образования — использовали и гуманитарии: философы (решение Ученого совета ИФ РАН), историки (письмо академика РАН Валерия Тишкова), литературоведы и филологи (заявление Ученого совета ИМЛИ им. А. М. Горького РАН). Протест против наукометрии превратился в политическую платформу, которая объединила физиков, лириков и даже часть администраторов от науки.

Наукометрия задумывалась как социологический инструмент, который позволит гармонично совместить *raison d'être* научного производства и национальных научных школ или даже соперничающих геополитических блоков. Но оказывается, что в России наукометрия противна и тому, и другому: чужда государственному интересу и не защищает национальные научные школы. Дело не в глобализации академии и использовании английского языка в качестве новой латыни: китайская наука более чем успешно справляется и с глобализацией, и с английским. Дело в чем-то другом. Недостатка в версиях нет: идеологический конфликт отечественной мысли с западной, несовпадение национальных интересов, то есть, грубо говоря, заговор западной академии против российских ученых, наконец, пожалуй, наиболее осмысленное — опасения потерять навыки академического мышления, интеллектуальной работы на русском языке.

Оставив за скобками вопросы бюджетной политики, идеологии, национальной безопасности и заговоров, участники дискуссии обсудили, несет ли наукометрия смерть научной традиции, в том числе национальной, идет ли речь о смерти языка мышления или о смерти источников, создавших этот язык. Или, напротив, именно переупаковка национального наследия для глобального потребления окажется наиболее успешной стратегией в рамках матрицы *publish or perish*? Наконец, имеет ли вообще смысл говорить о наблюдаемых процессах в таких «молярных» категориях, как «традиция», «школа» и т. д., и не подменяют ли они собой более серьезных проблем?

ПЕТР САФРОНОВ: Отмечу два момента. Количественная оценка результатов научной деятельности предполагает две вещи: первая — нет никакой науки, которая бы не доходила до определенным образом измеримого результата; вторая — использование точки зрения «внешнего» наблюдателя, который нуждается в наукометрических показаниях для навигации в незнакомом поле. Увлечение результативностью может принимать форму одержимости успехом и на уровне институциональной политики академических организаций, и на уровне финансово-административных решений спонсорских инстанций, и на уровне дисциплинарных альянсов. Как быть в ситуации, если исследование не добивается быстрого успеха? Как определить горизонты быстроты? Могут ли полноправно сосуществовать в современной науке «разные скорости»? В ситуации, когда научные исследования поддерживает в основном один донор — государство, скорость академических процессов определяется движением ресурсных потоков в бюрократической машине. Характер накопления государством ресурсов становится тогда матрицей, по которой организуются контролируемые им процессы. Если государство, скажем, собирает дань, извлекает спрятанные излишки, то и академический процесс устраивается по экстрактивной модели сбора дани. Если государство выступает как диспетчер переговорных процессов, то и академическая наука приобретает соответствующие черты. Там, где науку финансирует прежде всего государство, наукометрия проверяет способность академической системы отвечать запросам определенного типа бюрократии.

Бытует мнение, что наукометрия менее распространена в США. Это, разумеется, не означает, что академическая система в Америке свободна от мимикрии под государственную бюрократию. Просто наличие частных спонсоров создает больший простор для шизофренического расщепления внутри академических организаций, которые могут одновременно следовать нескольким, в том числе противоречащим друг другу, траекториям. Это хорошо показывает, например, конфликт вокруг использования стандартизированных тестов при приеме в Калифорнийском университете, который закончился отказом от них¹, хотя внутри универси-

1. См.: Nieto del Rio M. G. University of California Will End Use of SAT and ACT in Admissions// The New York Times. 15.05.2021. URL: <https://www.nytimes.com/2021/05/15/us/SAT-scores-uc-university-of-california.html>.

тета были диаметрально противоположные позиции по этому поводу. Этот пример демонстрирует, что внешняя по отношению к академии точка зрения не гомогенна, она может расщепляться в зависимости от имеющейся в обществе поляризации, которая неизбежно отражается и на институтах науки и образования. Применение единых наукометрических инструментов здесь оказывается связано с тем, насколько научные исследования затронуты теми же конфликтами, которые окружают, скажем, процесс набора студентов в университеты. Грубо говоря, может ли наукометрия способствовать закреплению различных форм дискриминации?

АРТЕМ КОСМАРСКИЙ: Мне кажется, что все немножко сложнее. Наукометрия соединяет два диспозитива. Это не только бюрократический диспозитив государства, которое хочет знать, что происходит, и нуждается в прозрачных метриках, механизмах измерения того, что делается, — в особенности теми, кто получает бюджетное финансирование. Это своего рода прозрачность, исчисляемость для государства. Но есть и научный диспозитив, связанный с самоизучением науки. Парадокс в том, что в России наукометрия остается практически исключительно частью государственного диспозитива.

Если быть точным, то наукометрия была изначально придумана как внутренний научный инструмент, и все это знают. Мы изучаем науку через чтение текстов или через изучение биографий, как это делал Роберт Мертон, через анализ профессиональных траекторий, как это делал Бурдье, через изучение того, как меняются научные картины мира, парадигмы, некие базовые для науки вещи: «А теперь давайте посмотрим через существующие “большие данные” на условный 1960 год, что нам даст научное цитирование?» То есть наукометрия изначально появляется как внутренний инструмент познания самой науки. А в 1980-е, в контексте распространения неолиберального управления, *New Public Management*, введения KPI, критериев результативности и прочего она стала именно внешним инструментом оценки научной эффективности. В этом и ее сила, и ее слабость. *New Public Management* тех сфер, которые раньше были внекорпоративными, — науки, образования, здравоохранения — затаскивает их в бизнес-модель KPI. В бизнесе KPI простой — это доход, определенным образом измеренный уровень прибыли: фирма зарабатывает или не зарабатывает деньги, выходит в ноль, несет убытки или получает прибыль, вот четкие критерии. В науке подобный подход породил своего

рода квазивалюту, денег нет, но есть какие-то квазиденьги, будь это индекс Хирша, будь это число статей, будь это цитатные метрики. Своего рода попытка изобрести внутреннюю валюту и переложить в бизнесовый бенчмаркинг — растет доходность или не растет? Есть масса исследований, которые показывают, как подобный подход разъедает науку, поскольку (и это много раз обсуждалось), согласно закону Кэмпбелла, как только вводятся качественные индикаторы, люди начинают искать способы их накручивания и показатели перестают что бы то ни было показывать. Такова бизнес (неолиберальная, корпоративная) модель наукометрии. Она совпадает с государственным диспозитивом в требовании прозрачных и наукообразных, единых и счетных, квантифицируемых, методик. Но отчасти она с ним не совпадает.

Но это не все. На фоне проблемы результативности научных исследований, которые должны быть измерены, встает вопрос доверия. В науке сейчас, — а я говорю в основном про естественные науки, — идет большая и жесткая дискуссия о том, как бороться с *positive results bias*, когда все стараются не мытьем, так катаньем накрутить себе статистически значимые положительные результаты. Это делают сами ученые, это делают начальники, которые ими руководят, это делают авторы статей, это делают редакторы. Статья имеет высокие шансы быть опубликованной и процитированной, если содержит положительный результат. Например, если есть подтвержденная гипотеза, что если ты, грубо говоря, левша — значит, скорее всего, проголосуешь за демократов. И подобных исследований множество. Многие осознают, что *positive results bias* — вещь опасная, поскольку ведет к подгонке. Допустим, мы провели *no-results*-исследование: мы что-то попробовали, но гипотеза не подтвердилась. Эти результаты не менее достойны того, чтобы быть опубликованными. Дело не в требовании результативности, а в понимании того, что требовать этого не очень хорошо. Для науки в равной степени важны ситуации, когда гипотеза не подтвердилась или результаты не соответствуют ожидаемым. Сегодня это пытаются внедрить на всех уровнях: и журналы меняют редакционную политику, и базы, и от рецензентов тоже специально требуют, если есть хороший результат, сильная корреляция, не надо этому аплодировать, нужны разные результаты и т.д. Есть некая тонкая грань между неочевидными результатами деятельности ученого и кризисом результативности как стремления показать четкий, яркий, продаваемый, сенсационный результат. Но здесь

возникает уже другая проблема: будут ли цитировать эти работы или не будут? Потому что цитирование — это тоже метрика, которая сама по себе *biased*: цитируются самые провокативные работы, самые сенсационные, вызывающие споры, то есть самые заметные. У хороших средних работ меньше шансов стать цитируемыми.

Цитируемость как метрика — это отдельная интересная проблема, поскольку именно цитируемость с ее психологическими и экзистенциальными свойствами выступает субстратом для главной метрики по оценке качества, и это очень любопытный сюжет. Идея, что нам не нужны только положительные результаты, а нужны только яркие, уже утвердилась. А вот тезис Петра, что в работе ученого вообще не нужны результаты... я не думаю, что где-то в мире он имеет шансы на одобрение со стороны тех, кто выдает финансирование. Здесь слышится идея своего рода безусловного базового дохода, чего хотят многие отечественные исследователи: я ученый, делаю что хочу, а вы мне платите некий базовый оклад. Возможно, что это неплохая идея, но почему только ученым? Допустим, есть привилегированные группы людей, типа ученых или художников, как в Норвегии, которым платит государственный фонд. А как насчет всех остальных? Возможно, что это разумно — платить некие деньги ученым в виде кредита доверия, что они что-то делают. Но как давать деньги за то, что ты что-то делаешь без ощутимых результатов? Для гуманитариев это еще может выглядеть нормально, но как насчет физиков?

Мировая наука совсем недавно, во второй половине XX века, пережила золотой век, когда финансирование кратко, в десятки раз возрастало, когда тысячи, десятки тысяч ученых получали места в университетах, которых не было еще поколение назад. Денег было все больше, а требований к практическим результатам в рамках почти неограниченного времени — все меньше. Золотой век кончился вместе с 1970-ми годами, в 1980–1990-е все стало рассыпаться. И поскольку этот золотой век был недавно и все его помнят, он воспроизводится как норма жизни науки, к которой часто апеллируют. Это особенно заметно в России, где брежневская наука, в отличие от сталинской, по большому счету представляла собой «удовлетворение собственного любопытства за государственный счет» (Лев Арцимович), помноженное на знаменитое «вы делаете вид, что платите, мы делаем вид, что работаем». Все это действовало, и возможность ученых заниматься тем, чем они хотят, были огромны.

Постсоветское государство 1990-х вместе с требованиями сняло с себя обязательства по оплате труда ученых. Переход на другую модель работы науки, когда тебе платят и с тебя что-то требуют, оказался очень болезненным.

ИРИНА ДУДЕНКОВА: Насколько я поняла Петра, он говорит не о том, что никакие критерии результативности не могут применяться, а скорее, о том, что цитирование не может быть критерием результативности, что цитирование — плохой инструмент измерения качества научной работы. То есть речь идет о соотношении понятий результата и успеха. Может ли результатом стать неудача? Можно ли в принципе придумать удовлетворительные критерии результативности, кроме цитирования? В любом случае, мне кажется, нужно обсуждать, что мы понимаем под результатами научного труда.

АРТЕМ КОСМАРСКИЙ: А нужно ли вообще от ученых требовать результата? Это вызывает те возражения, которые я уже озвучил: почему мы требуем результата от полицейского, от работника турфирмы, который должен продать столько-то путевок, от СММ-менеджера, который должен написать столько-то постов в соцсети. Почему ученый похож на древнегреческого философа, от которого, в отличие от рабов-трудящихся, не требуют ничего? Почему от всех мы требуем результаты, а от ученых не требуем? Выход может быть разве что в радикально левой повестке: от каждого по способностям, каждому по потребностям.

ПЕТР САФРОНОВ: Поясню свою позицию, воспользовавшись различием телических и ателических видов деятельности, то есть имеющих некую результативность и не имеющих таковой. Вот, например, работа сиделки: никакого позитивного результата у нее нет, в том смысле, что сиделка не может принципиально улучшить состояние смертельно больного, хотя, разумеется, может смягчить его страдания. Это ателическая деятельность. Или, если взять другой пример, — игра с маленьким ребенком: она может выглядеть как бесконечное и утомительное повторение определенных действий, не имеющих конкретного результата. А что, если науку тоже мыслить как ателическую деятельность? На мой взгляд, ученые напрасно пытаются удержать рамку цели. Признание, что у науки есть цель (допустим, разыскание истины), не гарантирует особого достоинства этому занятию, поскольку слишком многое в научной практике

противоречит этой претензии. Достоинство ученых могло бы быть утверждено признанием ателического, бесцельного характера науки. Это не означает, что ученые не нужны, просто их «нужность» приобрела, так сказать, инфраструктурный характер, то есть больше не предполагает некой субъектной позиции.

Ученые сегодня стоят в ряду тех профессий, где тела работают как приводы цифровой экономики, обеспечивая сопряжение виртуального мира с действительностью. В этом отношении виртуальность наукометрии сегодня фактически предшествует реальности науки и применение неких КРІ к ученым выглядит уже довольно анахроничным, поскольку виртуальная научная инфраструктура полагает свои цели каким-то иным, виральным, внеаучным способом. С другой стороны, именно в некоторой архаичности локальных практик заложен, возможно, некий потенциал движения в других, менее репрессивных по отношению к автономии науки направлениях.

АРТЕМ КОСМАРСКИЙ: В каком-то смысле цели у науки и так нет никакой. У нас есть требование повысить количество публикаций в *Web of Science* и *Scopus*, и это единственная цель, которую государство отчетливо формулирует. Исследователи говорят, что если бы государство сказало: «Давайте, летим на Марс» или «Давайте открывать новое лекарство от рака» — это было бы совсем другое дело. Но это архаика, причем не сталинская, а уже безыдеологическая.

Вы предлагаете очень радикальную идею, и многим гуманитариям она, наверное, близка. Но мы упираемся в то, что наука последние лет восемьдесят продавала другую идею — идею результата: есть некие ученые в белых халатах, вы дадите им много денег, и они сделают вам ядерную бомбу, новые лекарства и т. д. Существует также модель власти/знания, когда ученых кормят за экспертизу. Допустим, мы заключаем договор с Албанией, и пусть специалист по Албании напишет нам докладную аналитическую записку, исходя из которой мы будем как-то определять нашу политику. Но это еще более устаревшая модель, она слабо работает и не приносит денег, тогда как модель «деньги в обмен на результат» — это фундамент корпоративной науки. Или результат, или надежда на результаты. Просто горделиво сказать, что мы работаем ателически, — это серьезным образом подорвать доверие финансирующих организаций, *funding agencies*, и перейти к благородному нищему суще-

ствованию в рамках неких квазипатронатных систем, меценатства. *Patreon* — это и есть *Uber* для творческих профессий.

ДМИТРИЙ КРАЛЕЧКИН: Интересно, что *Patreon* — удобная платформа и для воровства интеллектуального контента, которая подает себя в том числе как модель идеальной востребованности, абсолютно прозрачного цитирования. Но спонсор получает доступ и может слить весь контент куда угодно. С этим уже столкнулись производители графики, различных цифровых продуктов. В качестве спонсора я получаю, с одной стороны, право доступа к продукту, с другой — физическую возможность использовать этот контент как угодно, размыкая ситуацию. Да, люди получают какие-то деньги за продукт, который производят, но это не вполне торговля. Точка, где что-то производится, оказывается подвешенной. В каком-то смысле это и есть вариант безусловного дохода. Принцип таков: вы будете продавать некое содержание, получать в результате свою микроскопическую нишу, а большой рынок продолжит функционировать где-то еще. Возникает странная ситуация: это не глобальный рынок, нет никакого общего правила, которым он регулируется, скорее наоборот. То есть происходит структурная отсечка, благодаря которой мы уже обеспечили почти рыночную ситуацию, где все замечательно, где мы нашли друг друга, друг другу платим и т. д., но вдруг выясняется, что на этой, казалось бы, вполне прозрачной ситуации очень легко паразитировать. Сами спонсоры оказываются одновременно паразитами.

В этом плане проблема имитации идеальных рыночных отношений состоит в том, что тот, кто эти ситуации создает, в то же время является паразитом. Это наиболее простой пример. В этом плане я не вполне понимаю следующее: современная абстрактная идеальная наука, когда она попадает в фокус регулятора, — это брежневская наука или сталинская? По моим ощущениям, регулятор имеет дело с брежневской наукой по той простой причине, что она существует вообще не в режиме результата. Можно говорить по крайней мере о двух режимах результата, или результативности: первый — когда к ученым можно условно прийти и сказать: «Ребята, сделайте то-то и то-то», — и они, вероятно, даже что-то сделают. Иной результат — это нечто кодируемое в пространстве, которое остается формальным и автономным, не будучи пространством заказанного результата. В данном случае у науки автономность никто не отбира-

ет, тогда как предыдущему режиму результативности можно вообще отказать в статусе науки. Когда делали атомную бомбу, это была *еще* не наука, но попытка реализовать некий проект: собрали ученых, которые уже были учеными, им не нужно было это доказывать, и поставили им задачу. Но грубо говоря, это не режим нормальной науки, это экстраординарный режим.

Меня эта ситуация интересует больше со стороны, то есть интересна сама эта конструкция экономии субъекта, как она вообще выстраивается. Экономика науки в этом плане довольно забавна, поскольку в каком-то смысле она приглашает всех буквально в «пустыню реального». Понятно, что классическая позиция ученого держалась на определенных иллюзиях, которые многое позволяли предполагать. Например, ученый — это тот, кто думает, что автономен в своей идее, что служит истине. Вопрос даже не в том, получает он деньги или нет, этот вопрос решался часто эмпирически, и многие авторы, которых мы читаем сейчас, существовали без приличных или постоянных доходов. Но если прежняя эпоха была более беспорядочной, например по доходам, то сейчас она стала более пуританской. Беспорядочные финансовые связи стали какими-то очень неприличными, непрезентабельными. Так, Сьюзен Зонтаг существовала на деньги крупных спонсоров, по сути дела двух за всю жизнь, и то, что мы сейчас считаем корпусом Зонтаг, создано при поддержке ее близких друзей и одновременно спонсоров. Подобные «непрозрачные», по нашим меркам, условия могли поддерживать научные иллюзии, выступать средством своего рода возгонки.

Сейчас же возникает ситуация, когда некие условия, которые якобы составляют реальность науки, некий внешний след цитируемости и прочее, проецируются внутрь самого операционного поля науки, осваиваются в качестве руководящих принципов. Ученые должны принимать их в расчет. И мы не знаем, что составляет механику этой истины, как именно она осуществляется (раньше для этого нужна была философия). Ученый просыпается в пустыне реального и замечает, что реальное малопривлекательно, то есть что истина существует не в каком-то интериорном пространстве, где он может ориентироваться, в мышлении и опыте, экспериментах и их содержании. Получается, что истина свершается в случайном и прикладном формате. Ведь что такое ссылка? У ссылки есть очень интересный момент — она акцидентальна по определению, то есть тот факт, что на вас со-

слались, говорит о некоторой содержательной истине только вторично. Да, возможно, вас заметили, возможно, тот факт, что вас заметили, выступает некоторым симптомом, что в некоторой истории истины вы делаете определенный шаг. Грубо говоря, вдруг выясняется, что сама эта акцидентальная машина реферирования остается единственной доступной ученому, и он уже не может оставаться вне этой пустыни реального.

Технология современной науки построена на том, чтобы постоянно воспроизводить подобное короткое замыкание: с одной стороны, ученые все время должны эмулировать старую позицию некоторого интериорного, автономного субъекта науки, который пишет всю жизнь одну работу или занимается одной глобальной проблемой. С другой стороны, выясняется, что каждый шаг ученого уже разбит на микрокомпоненты, которые могут быть спроецированы на машину акцидентального цитирования. И если ученый в этой машинерии каким-то образом себя узнает, каким-то образом может с ней играть и ею манипулировать, тогда, наверное, он чего-то добивается. Проблема здесь еще и в том, что чисто нормативная моральная позиция остается в этой игре неопределенной. Возможна позиция некоего благородного незнания, позиция научной *grandeur*, ученого, который «просто» делает свое дело и лишь будущее, сама среда науки, замечает его и все время преподносит ему дар ссылок, которые на него сыплются, так что он ими постепенно обрastaет, сам этого как бы не зная. Это своего рода импорт классики в нашу ситуацию. Либо наоборот, это в предельном варианте ловкий манипулятор, агент, который работает не на уровне содержаний, ему на них наплевать, он смотрит просто на то, что работает, а что нет, в чисто формальном смысле, строит цитационные пирамиды, организует кафедры и т. п. Итак, какова моральная позиция: оставаться на уровне этой старой иллюзии величия или все-таки переходить к чему-то другому? И не вполне понятно, как сами ученые это решают.

Более того, скорее всего, не существует сегодня никакой устойчивой фигуры под названием «ученый». Тот, кто был ученым, должен все время подтверждать, что он и правда ученый, каждый раз продлевать свое существование. Ученый стал странной вещью в модусе картезианского мира, вещи, которая существует от случая до случая. Ссылки становятся для него божественной силой, — тем, что каждый раз творит ученого заново. Я, конечно, преувеличиваю, но я вас уверяю, что до этого уже недалеко. Иначе как вы узнаете,

существует ли ученый, на которого никто не ссылается? Я не знаю, может быть и нет. Возможно, что он существует в качестве кого-то другого.

АРТЕМ КОСМАРСКИЙ: Я бы возразил, сказав, что ядро науки — это коммуникация, а не цитирование.

ДМИТРИЙ КРАЛЕЧКИН: Коммуникация сама по себе двойственна: действительно наблюдается момент логики прокси, в которой предполагается трансляция позитивного содержания, а есть коммуникация в качестве некоторого идеала. Коммуникация как идеал — да, это хорошо, но в принципе для реальной практики это не очень важно. Гораздо важнее то, что есть, условно, некое ядро науки, которое предполагалось, как-то мыслилось, но в качестве такового остается буквально недоступным. С этим связан тот статистический кризис, о котором вы говорили, — кризис перепроизводства неподтверждаемой корреляции. Неясно, что является ведущим или хотя бы ориентировочным методом работы. Отсюда само значение корреляций. Отсутствие их или присутствие уже не важно, коррелировать может все что угодно, когда мы, например, говорим, что между правой рукой президента и глобальным потеплением нет никакой связи. Такая стратегия двусмысленна в том плане, что она все время пытается не выбирать между содержательными аргументами, которые предполагают горизонт понимания, где вообще может быть корреляция. Ставка на поиск корреляции возможна только там, где мы не знаем, что эти корреляции уже есть. Иначе у нас есть некоторый фокус содержательной теории, который уже отграничивает значимые корреляции от незначимых. Если так, то тогда они носят чисто экзemplарный смысл, то есть работают как иллюстрации.

АРТЕМ КОСМАРСКИЙ: Вы же с этого сами начали: есть такая вещь, как разговоры, все, что сейчас в науке происходит вокруг разговоров. Рецензирование — это разговор, цитирование — это разговор. И возникла некая новая норма: теперь это действительно не ученый, который сидит у себя, копается в своем микроскопе, а потом ба-бах — и совершает великое открытие. Нет, сегодня ученый пребывает в разных модальностях разговора с *peers* именно как с равными.

ИРИНА ДУДЕНКОВА: Нет, эта модель хорошо работает, если у нее есть противовес, состоящий в знаменитом принципе уединенно-

сти. Если есть противовес, то все в порядке, если нет противовеса, то тогда это тот самый трайбализм, который вы описываете в своем исследовании.

Вячеслав Данилов: Увы, но это именно трайбализм. У этого разговора есть масса искажений. Есть искажение трайбалистское, когда ты разговариваешь только с теми, кто носит значок твоего племени, — грубо говоря, остальных ты вообще за людей не считаешь, с этими говоришь, а с теми не говоришь. Есть искажения, когда ты вообще не говоришь, а имитируешь разговор за счет фиктивного цитирования и т. д. Я апеллирую к разговору как некоему фундаментальному фактору. Современная наука выросла как разговор. И есть масса способов этот разговор отменить, или извратить, или исказить, или подменить чем-то, но это не отменяет необходимости разговора. Потому что если нет разговора, то наука исчезает. Есть прекрасный тезис, возникший в условиях еврейской диаспоры: пока с нами разговаривают, нас не убивают.

Дмитрий Кралечкин: Это раньше были разговоры в курилке, что наука характеризуется тем, что есть такая двусмысленная политика разговора, разговор должен быть вынесен за пределы того места, которое дислоцируется в качестве науки. Разговор — это передача чего-то, коммуникация. Но вопрос не в двух идеалах какого-то существования ученого, а в том, что сам этот идеал одиночества, автономии — это идеал мухлежа. Эти идеалы комплементарны, они скрывают доступность науки... Что такое ученый? Ученый — это тот, кто в какой-то мере монополизирует если не науку вообще, то по крайней мере свою позицию в науке. Ученый есть там, где другого ученого быть по большому счету не должно.

Вячеслав Данилов: Я вообще против ученых. И я не за то, чтобы ученые ничего не делали, давайте оставим их, что называется, в своем домене, и пускай там производят науку, как пчелы мед. Но с чего вообще возникает такая привилегия на мед, медовая монополия?

Дмитрий Кралечкин: Привилегии нет. Это часть биогеоценоза. Если обвалить его часть, все остальное рассыплется. Все зависит от потребителя — пасечник это или медведь. Возможно, что медведь потребляет самих пчел, а не мед. А мед бывает и искусственный.

ВЯЧЕСЛАВ ДАНИЛОВ: Позиция жалующихся ученых состоит в том, что внешние финансирующие инстанции и прочее начальство заставляют делать искусственный мед. То есть у ученых есть некое представление о правильной науке и привилегия на правильную науку, тогда как менеджмент требует от них превращать внутренние научные отношения в оцениваемые извне, то есть производить не мед, а его субпродукты. У начальства же на это все взгляд очень простой, ему наплевать, искусственный это мед или нет. Задача простая: войти в мировую науку точно так же, как начальство хочет войти в мировые элиты, стать их частью, а не изгоями. Национальные элиты — в политике, бизнесе, спорте и науке — должны быть международными элитами. Иначе говоря, руководство просто не понимает аргументов ученых, когда они вдруг, перехватывая пропагандистский язык властей, предъявляют его тем, кто сам же его и производит для внутреннего потребления. Прежде всего, речь идет о письме сотрудников Института философии и затем в целом позиции актива РАН в отношении новых инструментов наукометрии. Разговоры о суверенитете страны — не более чем пропагандистская уловка со стороны тех, у кого с активами за рубежом и без того все хорошо. Иначе говоря, суверенитет науки, как и любой иной области, — это не способ восстановления занавесов, железных или бумажных, а способ выйти в мир, участвовать в международной конкуренции. Под собственным, разумеется, флагом, а не под флагами «международных организаций» или олимпийским флагом.

Национальная наука для инстанций, принимающих решения, чем-то похожа на спорт высших достижений. В этом виде спорта под названием наука — что там у нас вообще? Сколько медалей? Где нобелевки? И когда ученые говорят «Дайте денег», то им в ответ летит: «А может не денег, а допинг, если в результате нет разницы? А вдруг вы вообще без допинга ничего не в состоянии выигрывать?» Что имеется в виду: не ковровое финансирование, а система «допинга», то есть дополнительного стимулирования научных институций и ученых к тому, чтобы повышать престиж отечественной науки за рубежом и через Запад уже здесь. Именно об этом допинге идет речь, когда звучат требования о переводе отечественной научной коммуникации на английский язык, штурме международных университетских рейтингов, заваливании высокорейтинговых журналов статьями и организации своих научных журналов на иностранном языке.

Сами же письма ученых РАН в правительство анализировать бессмысленно. Они выглядят и для начальства наверху, и для стороннего наблюдателя как симптом. Что с ним делать? Симптомом чего он является — может быть, симптомом выздоровления? Тот есть академики РАН и философы из ИФ РАН наконец-то очнулись от догматического сна? Ученые снова напоминают Паганеля, который, попав не на свой корабль, вместо того чтобы спокойно плыть, истерит и назойливо привлекает внимание, заставляя капитана рулить не туда, куда надо, а куда почему-то хочется Паганелю.

ИРИНА ДУДЕНКОВА: Мне кажется, что среди нас в этом разговоре не хватает еще одного важного звена — как раз руководства академического мира, менеджеров от науки и т. д. Собственно, не хватает такого жесткого утилитаристского взгляда: не умеешь зарабатывать своими исследованиями — не имеешь права заниматься наукой. И тогда эта кампания против наукометрии вполне себе положительный симптом, она носит характер аффирмативных действий в защиту редких и экзотических научных областей.

АРТЕМ КОСМАРСКИЙ: Извините, но контракт был нарушен! В этом и причина появления данных писем. Это контракт последних двадцати лет: мы делаем вид, что вам платим, вы делаете вид, что работаете. Мы платим вам деньги, достаточные для элементарного существования, а вы ведете ту жизнь, которая вам самим кажется достойной. Но при этом мы не выдвигаем жестких требований. Возможно, что никакого контракта, даже молчаливого, не было, но нынешние изменения в ученой среде точно воспринимаются как его нарушение.

ВЯЧЕСЛАВ ДАНИЛОВ: Да, это был контракт с дьяволом. Ученые просто не поняли его буквы, решив, что дух в этом самом паритете отсутствия финансирования и бездеятельности. Более того, дьявол подавал сигналы — постепенно вводил новые требования, увеличивал нагрузку, но ученые не слышали. Они полагали, что материальное стимулирование, рост финансирования, нацпроекты и т. п. — это что-то вроде возвращения долгов за факт выживания в девяностые. Но это все оказалось совершенно не так. И, как водится, час пробил и дьявол пришел забирать свое.

Москва, 15 февраля 2020 года

How to Stop Worrying and Start Loving Refereed Journals: Bibliometric Debates

Vyacheslav Danilov. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ivangog@mail.ru.

Irina Dudenkova. Moscow School for the Social and Economic Sciences (MSES), Moscow, Russia, irinafil@bk.ru.

Artyom Kosmarski. Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, artyom.kosmarski@gmail.com.

Dmitri Kralechkin. Independent researcher, Moscow, Russia, kralechkin@gmail.com.

Peter Safronov. Independent researcher, Moscow, Russia, peter.safronov@gmail.com.

This discussion of the *Moscow Philosophical Circle* is devoted to issues of bibliometrics in the Russian humanities. It examines the strategies of extra-academic authorities to find the most effective tools for funding scientific research and the response of academic authorities focused on maintaining the status quo. Despite the declared status of bibliometrics as a sociological tool for adequate evaluation of scientific effectiveness, representatives of the Russian humanities academy believe that de facto formal adherence to bibliometric indicators not only does not correspond to the idea of separating high-quality from low-quality science but, on the contrary, produces research of low scientific value, carried out merely for bibliometrics itself. The debate questions whether bibliometrics will lead to the death of the scientific traditions, including the national one. Is the practice of bibliometrics a tool for destroying research in local languages and styles of thinking? How is it possible today, in the era of scientific globalization, to speak of science in terms of tradition, individual schools, and the like? Does this practice conceal much more serious problems facing the humanities than that of bibliometrics itself?

Keywords: *bibliometrics; efficiency of scientific research; citations; refereed journals; bibliographic databases; citation indexes.*

Макдональдизация вузовской науки в современной России

Рустем Вахитов

Рустем Вахитов. Башкирский государственный университет, Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия, rust_r_vahitov@mail.ru.

Статья посвящена феномену макдональдизации современной российской вузовской науки. Макдональдизацией в современной социологии называют процесс переустройства социальных институтов по принципу ресторанов быстрого питания «Макдоналдс». Основополагающими при этом являются четыре составляющие: эффективность, просчитываемость, контроль, предсказуемость. По замыслу создателей они обеспечивают высокое качество и рыночную успешность предприятий. Таким образом, современные вузы постепенно превращаются в корпорации, где эффективность ученого оценивается по количеству стандартных публикаций и индексу цитируемости. Это отвечает интересам менеджеров от образования, позволяя использовать средства и экономить финансовые вложения в соответствии с их представлениями об эффективности.

Макдональдизация науки и образования — мировая тенденция, которая пришла в Россию в 2000-е годы. В Российской Федерации она проводится посредством введения «эффективных контрактов». Они позволяют поставить оплату труда преподавателей вузов в зависимость от их публикационной активности. Отдается предпочтение публикациям в журналах, входящих в базы данных ВАК РФ, а также *Web of Science* и *Scopus*. Руководители учебных департаментов вузов убеждены, что индекс цитируемости — надежный критерий определения значимости ученого в научном сообществе. Российское государство при финансировании вузов отдает предпочтение тем, где индексы цитируемости преподавателей наиболее высокие.

Однако макдональдизация науки ведет к исчезновению науки как творчества и призвания. С помощью библиометрических методов невозможно оценить содержание научных трудов. Таким образом научная деятельность бюрократизируется и коммерциализируется. Наука превращается в государственную корпорацию, распределяющую выделяемые государством финансы по сугубо бюрократическим критериям.

Ключевые слова: *наука; вузы; макдональдизация; библиометрия; индекс цитируемости.*

1. Вступление

Американский социолог Джордж Ритцер предложил понятие «макдональдизация», которое обозначает не только распространение в современном мире ресторанов быстрого питания, но и внедрение во всех сферах жизни (от деятельности полиции до индустрии развлечений) принципов, которые лежат в основе функционирования ресторанов «Макдоналдс». Сам Ритцер пишет об этом так:

...под общей рубрикой макдональдизации представлен широкий спектр социальных феноменов <...> все они — часть того, что Вебер называл процессом рационализации...¹.

Ритцер выделяет четыре основополагающих принципа процесса макдональдизации:

1. эффективность;
2. просчитываемость;
3. контроль;
4. предсказуемость.

Имеется в виду, что:

1) все действия сотрудников должны быть упорядочены так, чтобы обслуживание наилучшим образом обеспечивало переход от одного состояния к другому (в случае заведения питания — от голода к сытости)².

2) работа оценивается в количественных показателях по принципу «больше — значит лучше» (количество становится эквивалентом качества)³, то есть работники должны производить как можно больше гамбургеров, разносить их как можно быстрее, не отвлекаться на посторонние действия и т. д.;

3) менеджеры оценивают их показатели и поощряют лучших, а для клиентов создаются такие условия (неудобные стулья и т. д.), чтобы они быстрее уходили и освобождали места для других⁴;

1. Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5. М.: Праксис, 2011. С. 45.

2. Там же. С. 76.

3. Там же. С. 76–77.

4. Там же. С. 79.

4) в каком бы городе мира человек ни оказался, если он зайдет в «Макдоналдс», он увидит то же меню, сотрудников в той же униформе, то же оформление зала и почувствует себя как в домашнем, «родном» «Макдоналдсе»⁵.

Процессы, происходящие в современной науке (и российской, и зарубежной), прежде всего — маниакальная «любовь» к наукометрии чиновников, поставленных «управлять» научным сообществом, также могут быть описаны с помощью логики макдональдизации⁶. В этой статье мы намерены рассмотреть, как работают принципы макдональдизации в современной российской вузовской науке. Но прежде, чем сделать это, мы обратимся к определению того, что следует понимать под наукой и каким образом осуществлялся контроль над ее эффективностью до эпохи макдональдизации.

2. Рационализация общества и науки в модернистскую эпоху

Сам Ритцер признавал, что макдональдизация — это лишь высшая форма рационализации европейского общества, которая началась с возникновения институтов модерна. Появление национальных государств было связано с целым рядом мероприятий, целью которых было усиление контроля государства над обществом, так как в Средние века он носил во многом номинальный характер. Об этом хорошо пишет Джеймс Скотт в книге «Благими намерениями государства»⁷. Так, в эпоху Нового времени проводятся переписи населения, что впоследствии облегчит сбор налогов, поиск преступников и т. д. Подданным государств присваиваются фамилии (до этого они были только у знати), выдаются документы — удостоверения личности. Города перестраиваются в соответствии с архитектурными планами, вместо кривых средневековых улочек появляются прямые проспекты, нумеруются дома — таким образом для государства облегчается задача поиска тех или иных людей, не обязательно для наказания за преступление, а, к примеру, для составле-

5. Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5. С. 78.

6. Никитин А. П. Макдональдизация высшего образования // Идеи и Идеалы. 2018. Т. 2. № 3(37). С. 221–232.

7. Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005.

ния списков избирателей. Само государство становится рационально действующей бюрократической машиной, члены которой — «чиновники-винтики», подчиняющиеся законам и инструкциям, что было описано Максом Вебером⁸.

Капитализм приносит рационализацию и в сферу производства: процесс производства товаров на мануфактурах и фабриках теперь разделяется на операции, которые выполняются отдельными работниками. Позднее возникает конвейерное производство. В качестве примеров рационализации производства до эпохи «Макдоналдсов» Ритцер называет фордизм и тейлоризм. В сущности, макдональдизация, о которой пишет Ритцер, представляет собой просто перенос принципов фордизма в сферу потребления (в гротескно-художественном виде она была предвосхищена Чарли Чаплином в фильме «Новые времена»).

Наука эпохи модерна также существенно отличается от науки традиционного мира. В эту эпоху происходит изменение содержания научных знаний и появляется экспериментальный метод. Эти черты характерны для восходящей к Галилею и Ньютону научной традиции, которую сегодня принято считать наукой вообще. До XVIII века то, что мы называем гуманитарными науками, в Великобритании и Франции не считалось науками⁹, а в английском языке «ученый», или *scientist*, до сих пор означает «естественник», тогда как филолога, скорее, назовут *scholar*. «Научный статус» гуманитарные дисциплины приобрели в XIX веке, переняв «естественно-научный» идеал рациональности или как минимум вписавшись в реформированную университетскую систему преподавания наряду с естественными науками.

Но мы сейчас имеем в виду другое. Средневековая наука (в широком смысле этого слова) не считала своей целью прогресс знаний, люди Средневековья исходили из того, что все необходимые человеку знания уже были даны ему и они сохранились в Библии, творениях отцов церкви, древних философов и ученых (Аристотеля, Платона, Плотина, Галена и т. д.). Удел ученого — трансляция этих знаний, а также их комментирование, разъяснение для новых поколений. Собственно, для подготовки таких комментаторов в сфере богословия, философии, медицины и юриспруденции и был создан средне-

8. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4 т. Т. I. Социология. М.: ИД ВШЭ, 2016.

9. Бен-Дэвид Дж. Роль ученого в обществе. М.: НЛО, 2014. С. 181.

вековой университет¹⁰. Методом, который использовала до-капиталистическая наука, была дедукция, и она исключала появление нового знания. На это указывал еще Фрэнсис Бэкон, но то, что для него было недостатком, для людей Средневековья выглядело как несомненное достоинство. Цель новой науки — продуцирование все новых и новых знаний, бесконечный прогресс, имеющий лишь утилитарный смысл (что было бы воспринято как абсурд философами вроде Платона или Фомы Аквинского), и этим новая наука напоминала капиталистическое производство, направленное на выпуск как можно большего количества однотипных изделий для рынка. И, как в случае с мануфактурой, это достигалось за счет специализации ученых и сведения их деятельности к определенным стандартным экспериментальным, методологическим процедурам. Томас Кун отмечал, что только с появлением новой экспериментальной математизированной науки (которая теперь и носит название, собственно, науки) появляется и такой феномен, как научное сообщество (*scientific community*), внутри которого возможен прогресс научных знаний, потому что его производят одинаково подготовленные специалисты, пользующиеся одинаковыми методологическими процедурами на базе одной теории (парадигмы)¹¹. В условиях докапиталистической науки это было невозможно, потому что один и тот же аспект природы изучали представители разных теорий с помощью разных методов, и добываемые ими знания были несравнимы, как несравнимы потребительские стоимости — вещи, не попавшие на рынок. Научные сообщества — это «фабрики научных знаний», где трудятся «пролетарии науки», представители куновской «нормальной науки», придатки к методологически-теоретическим станкам, лишенные права и возможности на оригинальность и творчество. А научные коммуникации этих сообществ — аналог рынка, где ученый, публикуя свои научные результаты, повышает свой рейтинг (так что вопреки Роберту Мертону это не имеет никакого отношения к коммунизму, скорее, перед нами капиталистическая, рыночная операция).

Социальная институционализация научных сообществ происходила сначала в академиях наук, а потом в континентальной высшей школе и после гумбольдтовской реформы —

10. Вахитов Р. Судьбы университета в России. Имперский, советский и постсоветский раздаточный мультиинститут. М.: Страна Оз, 2014.

11. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.

в университетах нового типа¹². И в их рамках появляется феномен научного фордизма — контроль над деятельностью ученых с целью ее интенсификации. Обзор этих методов выходит за рамки нашей статьи, но мы вынуждены сказать об этом несколько слов. Как известно, наука модернистского типа возникла в Великобритании в XVI–XVII веках как разновидность приватной деятельности. В этом смысле первые «экспериментировавшие натурфилософы» вполне были достойны имени «частных предпринимателей», но без меркантильной коннотации этого слова. Это были люди, которые, подобно Гуку или Кавендишу, занимались своими исследованиями на свои средства и по своему почину. Как правило, их никто не финансировал, а значит, и не контролировал. Роль единственного катализатора исследовательской эффективности ученого играла научная конкуренция, стремление стать первооткрывателем и получить соответствующий этому статусу репутационный капитал в среде коллег. Насколько серьезна была эта мотивация, становится понятно, если вспомнить судебные тяжбы между Гуком и Ньютоном. Согласно Джозефу Бен-Дэvidу, даже в постреволюционной Франции, когда на место средневековым колледжам пришли школы наук и образования, научные исследования оставались частным делом преподавателя в силу отсутствия связи между преподаванием и наукой¹³. Эта связь возникла в результате гумбольдтовской реформы, и в гумбольдтовском университете мы видим первый опыт влияния государства на научные исследования с целью повысить их эффективность. Это выражалось в том, что министерство просвещения отбирало лучшие на его взгляд кандидатуры на должности профессоров и тем самым поощряло этих ученых, создавая оптимальные условия для продолжения ими их научных исследований. Какими мотивами руководствовалось министерство при этом выборе — вопрос не простой. Во всяком случае, они не носили исключительно личностный или политический характер. К XIX веку ученые прочно вошли в элиту европейских государств, занимали посты в министерствах (как Вильгельм фон Гумбольдт) и могли руководствоваться своими представлениями о репутации коллеги в научном сообществе. В XX веке к методам регулирования научной деятельности добавляются гранты раз-

12. Куренной В. Философия либерального образования: контексты // Вопросы образования. 2020. № 2. С. 8–36.

13. Бен-Дэвид Дж. Роль ученого в обществе.

личных государственных и частных фондов, но это больше было свойственно не для континентальной (в том числе российской), а для американской модели. Наконец, с бюрократизацией и коммерциализацией науки начинается эпоха ее макдональдизации, наукометрические показатели превращаются в инструмент поощрения (или торможения) научных исследований. На Западе это стало ощутимым в конце XX века, к нам пришло уже в нулевые годы XXI века.

3. Российская постсоветская высшая школа: введение эффективного контракта

В России еще с советских времен наука была разделена на вузовскую и академическую. В вузах научная деятельность относилась к обязательной, наряду с преподавательской и воспитательной. Ежегодно советские преподаватели отчитывались перед своими кафедрами о выполнении планов по научной работе и предоставляли новые планы. Но количество статей, тезисов и монографий не оговаривалось, важно было само их наличие. Не играло особой роли и место издания, если у педагога-ученого не было публикаций в центре, это не влияло на его заработную плату. Конечно, существовала негласная иерархия и каждый знал, кто что стоит в научном мире, но это было неформализованное знание, с карьерой человека, как правило, напрямую не связанное. Научная деятельность и места публикаций были личным делом ученого. Зарплата вузовского педагога-ученого зависела от его разряда в тарифной сетке, а разряд устанавливался в соответствии с научной квалификацией. Наличие кандидатской, и тем более докторской, ученой степени даровало более высокий разряд, а значит, и более высокий оклад.

Такой ситуация оставалась и в первое постсоветское десятилетие. Новая власть не просто не отменила тарифную сетку, но и создала Единую тарифную сетку для работников бюджетной сферы.

Ситуация изменилась после того, как 1 декабря 2008 года в бюджетной сфере была введена Новая система оплаты труда (НСОТ). Суть ее сводилась к тому, что работники получали твердый базовый оклад, а вот надбавки к нему — компенсирующие и стимулирующие — распределяли уже руководители бюджетных организаций в зависимости от вклада работников в деятельность организации. Что касается вузовских преподавателей, то им было обещано, что будет

учитываться и материально поощряться их активная научная и публикационная деятельность. Однако первоначально никаких документов, регламентирующих такое поощрение, не было, и, как и предсказывали скептики, НСОТ способствовала субъективному распределению стимулирующих надбавок (значительная часть стимулирующих средств присваивалась руководством). Но в 2012 году вышло Распоряжение Правительства РФ № 2190-р, «которое утвердило Программу совершенствования системы оплаты труда бюджетников». В этой программе было заявлено, что «совершенствование системы стимулирующих выплат будет осуществляться исходя из необходимости увязки повышения оплаты труда с достижением конкретных показателей качества и количества оказываемых государственных (муниципальных) услуг (выполнения работ)», и декларировалось введение «взаимовязанной системы отраслевых показателей эффективности от федерального уровня до конкретных учреждения и работника» и установление «...соответствующих таким показателям стимулирующих выплат, критериев и условий их назначения»¹⁴. Это была первая серьезная попытка рационализировать труд и оплату труда бюджетников на основе тех принципов, которые действуют в современных западных корпорациях. Вероятно, авторы программы исходили из соображений экономии государственных средств, которые, по их мнению, тратились «нецелесообразно» — предмет неизменных жалоб управленцев (представители противоположной стороны — преподаватели-бюджетники, — напротив, обоснованно и традиционно недовольны уровнем своих зарплат¹⁵). Во всяком случае, это распоряжение требовало помимо прочего отмену «неэффективных стимулирующих выплат». Инструментом этой рационализации и стал эффективный контракт, который впервые упоминался в этом распоряжении правительства. Там он определялся так:

Эффективный контракт — это трудовой договор с работником, в котором конкретизированы его

14. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 26.11.2012 № 2190-р. URL: <http://government.ru/docs/all/85095/> [дата обращения 11.10.2021].

15. Региональные социологи отмечают низкий уровень оплаты труда педагогов и даже отмечают своеобразную закономерность: величина зарплаты обратно пропорциональна уровню квалификации. См.: Семья и человеческое развитие. Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан/Под общ. ред. Р. М. Валиахметова и др. Уфа: Восточная печать, 2013. С. 137–138.

должностные обязанности, условия оплаты труда, показатели и критерии оценки эффективности деятельности для назначения стимулирующих выплат в зависимости от результатов труда и качества оказываемых государственных (муниципальных) услуг, а также меры социальной поддержки... В отношении каждого работника должны быть уточнены и конкретизированы его трудовая функция, показатели и критерии оценки эффективности деятельности, установлен размер вознаграждения, а также размер поощрения за достижение коллективных результатов труда. Условия получения вознаграждения должны быть понятны работодателю и работнику и не допускать двойного толкования¹⁶.

Любопытна оговорка о «понятности» условий получения вознаграждения. Речь идет об их рациональной обоснованности, правда, на практике оказалось, что это рациональность особая, — бюрократическая.

Вскоре подобные контракты были разработаны на основе рекомендаций министерств и «спущены» всем бюджетникам, в том числе и преподавателям вузов (завершить реализацию программы планировалось к 2018 году, так и произошло). В преподавательских эффективных контрактах в обязательном порядке присутствовала интересующая нас графа «научная деятельность». Если взять стандартные эффективные контракты, которые были разработаны учебными отделами провинциальных вузов¹⁷, то можно увидеть, что научная деятельность в них разбита на несколько подвидов, за каждый из которых полагается определенное количество баллов. Это:

- публикационная активность (причем выделяются публикации в отечественных и зарубежных изданиях, а также в изданиях из списков *Scopus* и *ВАК*);
- участие в работе научных конференций;
- подача грантов и участие в работе над грантовыми проектами;

16. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 26.11.2012 № 2190-р.

17. Мы использовали эффективный контракт Башкирского государственного университета (г. Уфа). См.: Положения об оплате труда, г. Уфа. Приложение 13, Приложение 14. URL: https://birk.ru/system/files/sveden/Protokol_Uchenogo_soveta_BashGU_ot_25.04.2018_No_11_Pologhenie_ob_oplate_truda_compressed.pdf [дата обращения 11.10.2021].

- деятельность в качестве научных редакторов, членов редколлегии научных журналов, членов диссертационных советов;
- руководство аспирантами;
- написание и защита диссертаций.

Больше всего баллов контракты предлагали за публикации в зарубежных и центральных изданиях из списка *Scopus* и ВАК, за участие в редколлегии журналов из списка *Scopus* и ВАК, за защиту докторских диссертаций. Иначе говоря, с точки зрения составителей этих таблиц, хороший, «эффективный» вузовский ученый это тот, кто:

- 1) публикуется в журналах из списка *Scopus* и ВАК и повышает свой индекс цитируемости;
- 2) делает успешную академическую карьеру, приобретая различные степени и звания;
- 3) приносит деньги своему вузу, получая многочисленные гранты на солидные суммы.

Легко увидеть, что поведение этого ученого вполне вписывается в четыре принципа макдональдизации по Ритцеру: эффективность, просчитываемость, предсказуемость и контроль. Эффективность Ритцер определял как обеспечение наилучшего перехода от одного состояния к другому. В случае макдональдизированной вузовской науки можно говорить о переходе:

- от состояния малого количества публикаций в журналах из списка ВАК и *Scopus* к высокому количеству и от низкого индекса цитируемости к высокому;
- от состояния преподавателя-исследователя без степени к доктору наук и, возможно, академику, члену различных редколлегии и диссертационных советов;
- от состояния исследователя, который не имеет грантов к «матерому грантоеду».

Просчитываемость выражается в сведении научной работы к количественному показателю: числу публикаций в журналах из списков *Scopus* и ВАК, числу цитирований.

Предсказуемость состоит в унификации научной работы; в данном случае администраторы от науки и образования не учитывают различий в специфике естественно-научных, технических и гуманитарно-общественных

наук, в специфике научной традиции в России и на Западе. Ученый для них — это машина, которая генерирует публикации с высоким уровнем цитируемости, а содержание этих публикаций, методология исследования, экспертная оценка тех, кто на них ссылается, и т. п. не имеют никакого значения.

И, наконец, контроль возлагается на учебно-методические отделы вузов, которые вычисляют баллы по эффективному контракту и таким образом решают, кто будет получать больше, а кто меньше и насколько. При этих подсчетах мы наблюдаем драматические конфликты: преподаватели стремятся зависить свои баллы, а работники учебно-методических отделов под разными предлогами их снимают (например, высказывая сомнение, что конференция, за участие в которой преподаватель поставил себе три балла, носила международный характер). Методика контроля позволяет управлять поведением преподавателя: например, изменяя таблицу баллов, можно заставить его больше уделять внимание грантам или публикациям за рубежом, что в данном случае выгодно вузу, поскольку он тоже отчитывается о своей эффективности перед министерством, и важную роль при оценке его «эффективности» играет количество публикаций преподавателей в изданиях из списка *Scopus* и ВАК.

4. Конец науки

Как мы видим, в основу бюрократического контроля над вузовской наукой положены прежде всего наукометрические показатели. Много уже говорилось о том, что наукометрические показатели, которые так любят чиновники и менеджеры от науки, вовсе не отражают истинного статуса того или иного ученого и ценности его научных исследований. Изучавший этот вопрос академик Евгений Свердлов пришел к однозначному выводу:

любые библиометрические данные, в том числе цитируемость отдельных статей в качестве меры оценки научной эффективности работ ученого, можно представлять лишь в совокупности с другими данными при строгом анализе каждой работы и вклада в нее конкретного специалиста¹⁸.

18. Свердлов Е. Д. Статья может хорошо цитироваться, потому что она ошибочна // Indicator.ru. 07.02.2018. URL: <https://indicator.ru/biology/impakt-faktor.htm> [дата обращения 11.10.2021].

Дело в том, что библиометрия была создана для совершенно иных целей: это изобретение социологов науки середины XX века, которое позволяет изучать системы коммуникаций научного сообщества (как та или иная публикация влияет на других исследователей? через какие каналы научных коммуникаций? и т.д.). Прямое отношения к оценке личного вклада какого-либо ученого в прогресс научного знания в области его специализации библиометрические показатели не имеют. Если речь идет об отдельном исследователе, то в лучшем случае библиометрия показывает «качество» его публикации (в смысле формального профессионализма исполнения, а не оригинальности содержания), но результат исследования может иметь «высокое качество» (в указанном смысле), но не вести к прогрессу знаний¹⁹. Возможна и обратная ситуация: качество публикации вызывает сомнения из-за пробелов в профессиональной подготовке ученого, но ее идеи — «прорывные». «Высокоцитируемые статьи не обязательно содержат только важные идеи», — заключает Свердлов²⁰. Вывод таков — если статья цитируется другими, то это значит, что она всего лишь используется другими авторами. Использоваться же она может как угодно — например, как образец ошибки и некомпетентности. Скорее всего, у академика Анатолия Фоменко — создателя антинаучной концепции «новой хронологии» — высокий индекс цитирования в исторических журналах потому, что трудно найти профессионального историка, который удержался бы от разоблачения его концепции. И наоборот, как напоминает Свердлов, у гениального математика Эвариста Галуа индекс цитирования равен 1²¹.

Причина в том, что содержание научных знаний, а значит, и их прогресс, невозможно выразить количественно. Здесь мы встречаемся с принципом «Макдоналдса», о котором шла речь ранее: качество подменяется количеством. «Макдоналдс» якобы эффективнее ресторана с виртуозом шеф-поваром, потому что он обслуживает больше клиентов и быстрее продает продукты. Если исходить из примата денежной прибыли, то это, конечно, так, а если из качества

19. Свердлов Е. Д. Миражи цитируемости. Библиометрическая оценка значимости научных публикаций отдельных исследователей // Вестник Российской академии наук. 2006. Т. 76. № 12. С. 1074.

20. Там же.

21. Свердлов Е. Д. Статья может хорошо цитироваться, потому что она ошибочна.

пищи, то, очевидно, нет. Кроме того, «Макдоналдс» убивает особую атмосферу уютных кафе.

Но точно так же макдональдизация науки убивает ее творческий дух. Публикаций становится больше, а настоящих открытий — меньше. Сегодня вузовские ученые вынуждены тратить все свое свободное от занятий время, — которого у них не так много, поскольку нагрузка российского вузовского педагога раз в десять выше, чем у его западного коллеги, — на продуцирование никому не нужных стандартизированных текстов в журналах, неизвестно как попавших в список *Scopus* (и зачастую люди еще за это платят!). В противном случае их не признают «эффективными» и не продлят с ними контракт. Заниматься своими собственными научными темами времени уже нет. Последствия этого уже очевидны: недавно в СМИ появилось сообщение, что Донской государственный технический университет попал в рейтинг лучших университетов мира по версии британского журнала *Times Higher Education* (THE) с показателями цитируемости, сравнимыми с аналогичными показателями у Кембриджа. Вице-президент РАН Алексей Хохлов отозвался на эту новость, раскрыв секрет Полишинеля: причина в целенаправленной «накрутке» рейтинга цитируемости по приказу администрации университета²². При этом «дутые успехи» имеют своим фоном деградацию отечественной науки и образования. Если все так же будет идти и дальше, то победные заявления о мировом успехе отечественной науки совпадут с ее фактическим концом.

Как этого избежать? На страницах «Вестника РАН» после упомянутой публикации Евгения Свердлова были напечатаны отклики и было высказано общее, на наш взгляд, неоспоримое мнение: нельзя, конечно, полностью отказываться от библиометрических показателей, но они не должны подменять собой экспертную оценку. В российском научном сообществе немало число крупных ученых, имеющих мировое признание, которые могут выступать и выступают такого рода экспертами. Впрочем, как мы видим, дело не только в библиометрии, а в общем духе макдональдизации, в том числе науки и образования. Университеты превращаются в корпорации, которыми управляют менеджеры, чья цель — экономия расходов и увеличение прибыли.

22. Российские вузы «накручивали» цитируемость для попадания в рейтинг THE // RTVI. 06.10.2021. URL: rtvi.com/news/rossiyskie-vuzy-nakruchivali-tsitiurue-most-dlya-popadaniya-v-reyting-the/ [дата обращения 11.10.2021].

лей. Значит, нужно уходить от тренда коммерциализации высшего образования, во всяком случае, если общество и государство в России заинтересованы в развитии отечественной науки.

Библиография

- Бен-Дэвид Дж. Роль ученого в обществе. М.: НЛО, 2014.
- Вахитов Р.Р. Судьбы университета в России. Имперский, советский и постсоветский раздаточный мультиинститут. М.: Страна Оз, 2014.
- Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4 т. Т. I. Социология. М.: ИД ВШЭ, 2016.
- Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.
- Куренной В.А. Философия либерального образования: контексты // Вопросы образования. 2020. № 2. С. 8–36.
- Никитин А.П. Макдональдизация высшего образования // Идеи и Идеалы. 2018. Т. 2. № 3(37). С. 221–232.
- Положения об оплате труда, г. Уфа. Приложение 13, Приложение 14. URL: https://birsk.ru/system/files/sveden/Protokol_Uchenogo_soveta_BashGU_ot_25.04.2018_No_11_Pologhenie_ob_oplate_truda_compressed.pdf [дата обращения 11.10.2021].
- Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5. М.: Праксис, 2011.
- Российские вузы «накручивали» цитируемость для попадания в рейтинг THE // RTVI. 06.10.2021. URL: rtvi.com/news/rossiyskie-vuzy-nakruchivalitsitiruemost-dlya-popadaniya-v-reyting-the/ [дата обращения 11.10.2021].
- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 26.11.2012 № 2190-р. URL: <http://government.ru/docs/all/85095/> [дата обращения 11.10.2021].
- Свердлов Е.Д. Миражи цитируемости. Библиометрическая оценка значимости научных публикаций отдельных исследователей // Вестник Российской академии наук. 2006. Т. 76. № 12. С. 1073–1085.
- Свердлов Е.Д. Статья может хорошо цитироваться, потому что она ошибочна // Indicator.Ru. 07.02.2018. URL: <https://indicator.ru/biology/impakt-faktor.htm> [дата обращения 11.10.2021].
- Семья и человеческое развитие. Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан / Под общ. ред. Р.М. Валиахметова и др. Уфа: Восточная печать, 2013.
- Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005.

The McDonaldization of University's Science in Contemporary Russia

Rustem Vakhitov. Bashkir State University; Ufa State Petroleum Technical University, UFA, Russia, rust_r_vahitov@mail.ru.

The article is devoted to the phenomenon of the McDonaldization of modern Russian university research. In contemporary sociology, “MacDonaldsization” is the process of restructuring social institutions on the principle of the fast food restaurant. Four components are fundamental in this process: efficiency, accessibility, monitorability, predictability. According to its creators, they provide businesses with high quality and market success. Thus, modern universities are gradual-

ly turning into corporations where a researchers' effectiveness is assessed by the number of standard publications and citation indices. This corresponds to the interests of educational administrators and allows them to make use of funds and conserve financial resources in accordance with their conception of efficiency. The McDonaldization of science and education is a global trend that came to Russia in the 2000s. In the Russian Federation, it is carried out through the introduction of "performance-based contracts". This makes the remuneration of university instructors contingent on publication activity. Preference is given to publications in journals included in the databases of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation, as well as the Web of Science and Scopus. Heads of educational departments of universities are convinced that the citation index is a reliable criterion for determining a scientists' relevance in the research community. When financing universities, the Russian state gives preference to those with the highest citation indices. However, the McDonaldization of research leads to the disappearance of science as a vocation and the product of creative activity. It is impossible to evaluate the content of scientific works using bibliometric methods. Thus, scientific activity is bureaucratized and commercialized. Science is turning into a state corporation that distributes state-allocated finances according to purely bureaucratic criteria.

Keywords: *science; universities; McDonaldization; bibliometry; citation index.*

References

- Ben-David J. *Rol' uchenogo v obshchestve* [The Scientist's Role In Society: A Comparative Study], Moscow, New Literary Observer, 2014.
- Kuhn Th. *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The Structure of Scientific Revolutions], Moscow, Progress, 1977.
- Kurennoy V. Filosofiya liberal'nogo obrazovaniya: konteksty [Philosophy of Liberal Education: The Contexts]. *Voprosy obrazovaniia* [Questions of Education], 2020, no. 2, pp. 8–36.
- Nikitin A.P. Makdonal'dizatsiya vysshego obrazovaniya [The McDonaldization of Higher Education]. *Idei i Idealy* [Ideas and Ideals], 2018, vol. 2, no. 3(37), pp. 221–232.
- Polozheniya ob oplate truda, g. Ufa [Compensation and Benefit Policy, Ufa]. *Birskii filial Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bashkir State University, Branch Birsky]. URL: http://birsk.ru/system/files/sveden/Protokol_Uchenogo_soveta_BashGU_ot_25.04.2018_No_11_Polozhenie_ob_oplate_truda_compressed.pdf.
- Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 26.11.2012 № 2190-r [Government Executive Order, November 26, 2012, no. 2190-r]. *Pravitel'stvo Rossii*. URL: <http://government.ru/docs/all/85095/>.
- Ritzer G. *Makdonal'dizatsiya obshchestva* 5 [The McDonaldization of Society 5], Moscow, Praksis, 2011.
- "Rossiiskie vuzy 'nakruchivali' tsitiruemost' dlya popadaniya v reiting THE" [Russian Universities 'Drove Up' the Number of Citations to Get Into THE Ranking]. *RTVI*. October 6, 2021. URL: <http://rtvi.com/news/rossiyskie-vuzy-nakruchivali-tsitiruemost-dlya-popadaniya-v-reyting-the/>.
- Scott J. *Blagimi namereniyami gosudarstva. Pochemu i kak provalivalis' proekty uluchsheniya uslovii chelovecheskoi zhizni* [Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed], Moscow, Universitetskaya kniga, 2005.
- Sem'ya i chelovecheskoe razvitie. Doklad o razvitii chelovecheskogo potentsiala v Respublike Bashkortostan* [The Family and Human Development. Human Development Report for the Republic of Bashkortostan] (eds R.M. Valiakhmetov, F.B. Burkhanova, G.F. Khilazheva), Ufa, Vostochnaya pechat', 2013. URL: http://isras.ru/files/File/publ/Bashkortostan_doklad_2013.pdf.

- Sverdlov E.D. "Stat'ya mozhet khorosho tsitirovat'sya, potomu chto ona oshibochna" ["The Paper May Be Well Quoted Because It Is Erroneous"]. *Indicator.Ru*, February 7, 2018. URL: <http://indicator.ru/biology/impakt-faktor.htm>.
- Sverdlov E.D. Mirazhi tsitiruемости. Bibliometricheskaya otsenka znachimosti nauchnykh publikatsii ot del'nykh issledovatelei [Citation Mirages: Bibliometric Evaluation of the Significance of Individual Authors' Publications]. *Vestnik Rossiiskoi Akademii Nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2006, vol. 76, no. 12, pp. 1073–1085.
- Vakhitov R. *Sud'by universiteta v Rossii. Imperskii, sovetskii i postsovetskii razdatochnyi mul'tiinstitut* [The Fate of the University in Russia. Imperial, Soviet, and Post-Soviet Distributing Multi-Institute], Moscow, Strana Oz, 2014.
- Weber M. *Khozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sotsiologii: V 4 t.* [Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriß der verstehenden Soziologie: In 4 vols], Moscow, HSE Publishing House, 2016, vol. I: Sotsiologiya [Soziologie].

Перестать оценивать науку: историко- социологическое обоснование

Улоф Халлонстен

VERSUS

Улоф Халлонстен. Лундский университет (LU), Лунд, Швеция, olof.hallonsten@fek.lu.se.

На протяжении всей новейшей истории наука была в высшей степени успешной силой социального и технического развития и, если сравнивать с прошлыми временами, — основной причиной богатства и благосостояния современных обществ; тем не менее нынешний статус науки в обществе характеризуется фундаментальным недоверием к ней. Согласно широко распространенному ныне дискурсу наука является недостаточно продуктивной и нуждается в более строгом руководстве, бюрократическом менеджменте и оценке результатов деятельности, когда в качестве ключевого инструмента повышения эффективности используются системы количественных показателей. По-видимому, это представление основывается на убеждении, в соответствии с которым единственной целью науки является обеспечение экономического роста или устойчивого развития в сочетании с ним. В данной статье предлагаются анализ и деконструкция такого рода убеждений, выполненные с помощью теоретического инструментария классической социологии науки и современных концепций экономизации, демократизации и коммодификации научного знания и науки как института, а также выявляется их связь с более широкими темами рыночного фундаментализма и повышенного внимания современного общества к системам количественных показателей. Историко-социологический анализ, содержащийся в статье, позволяет сделать вывод о том, что нынешнее повсеместное распространение оценки результатов научной деятельности является по большей части беспредметным и контрпродуктивным, а политика в сфере науки остро нуждается в переоценке, направленной на сохранение продуктивности усилий ученых и их вклада в социальные и технические инновации.

Ключевые слова: демократизация; экономизация; оценка; повышенное внимание к количественным показателям; социология науки.

Перевод с английского Юрия Кантуревского по изданию: Hallonsten O. Stop evaluating science: A historical-sociological argument//Social Science Information. 2021. Vol. 60. № 1. P. 7–26.

© 2021 Olof Hallonsten. Статья распространяется на основе публичной лицензии Creative Commons (CC BY 2.5).

На протяжении всей современной истории наука, то есть создание, организация и передача знаний о материальном и социальном мире, была необычайно мощным источником прогресса — возможно, даже «самым успешным предприятием, в котором когда-либо участвовали люди»¹. Инновации с использованием достижений науки проявляли себя и созидательным, и разрушительным образом, приносили человечеству огромную пользу и наносили ему немалый вред. Как бы то ни было, они сыграли невероятно важную роль в улучшении условий жизни людей и их материального положения. Действительно, невозможно представить себе существование современного общества без использования научных знаний и без того, чтобы наука как институт не играла в нем одну из главных ролей. С точки зрения социологии наука является важной частью современной эпохи, и в качестве таковой — историей успеха.

Тем не менее сейчас от науки как института требуют, чтобы она демонстрировала продуктивность и доказывала свою полезность для общества. В основе этого лежат, по всей видимости, два взаимосвязанных предположения. Согласно первому в наши дни основной или единственной функцией университетов является производство инноваций и придание нового импульса экономическому росту, или обеспечение устойчивого развития в сочетании с долговременным экономическим ростом. Согласно второму университеты могут эффективно выполнять эту функцию только при условии внешнего стимулирования, а также реформирования структур управления и матриц финансирования. В современной научно-исследовательской и инновационной политике эти два предположения пользуются едва ли не аксиоматическим статусом² и являются частью «систематического предпочтения инноваций»³. Последнее, возможно, оказывает влияние на суждения политиков и ученых, порождая всевозможные ошибочные представления (например, идеи о том, что инно-

1. Medawar P. Pluto's Republic. Oxford: Oxford University Press, 1982. P. 80.

2. См., напр.: Geiger R.L., Sá C. Tapping the Riches of Science: Universities and the Promise of Economic Growth. Cambridge: Harvard University Press, 2008; Бок Д. Университеты в условиях рынка. Коммерциализация высшего образования. М.: ИД ВШЭ, 2012; Mirowski P. Science-Mart. Privatizing American Science. Cambridge: Harvard University Press, 2011.

3. Critical Studies of Innovation: Alternative Approaches to the Pro-Innovation Bias / B. Godin, D. Vinck (eds). Cheltenham: Edward Elgar, 2017.

вации всегда являются благом, основной или единственной целью научных исследований и должны поощряться, невзирая на их цену). Следствием подобных воззрений, *inter alia*, стало широкое внедрение в университетах систем оценки результатов деятельности, основанных главным образом на количественных показателях, позволяющих сравнивать университеты и результаты их деятельности, а также составлять различные рейтинговые таблицы и индексы производительности, чтобы отслеживать самые совершенные (и самые несовершенные), идущие в ногу со временем университеты; к сожалению, такого рода оценки в основном носят поверхностный характер и страдают чрезмерной упрощенностью⁴. Лишь недавно концепция университетского «воздействия» (*impact*), в прошлом включавшая только коммерциализацию научных результатов, была расширена за счет других показателей⁵, однако власть количественно ориентированных оценок над бюрократическим руководством наукой, финансируемой государством, остается, как представляется, достаточно твердой, вследствие чего такое расширение не имеет сколько-нибудь реального значения⁶.

На наш взгляд, нынешняя получившая широкое распространение практика оценки результатов научной деятельности — это не только «чудовище Франкенштейна»⁷; по существу, она является бессмысленной и в основном контрпродуктивной, а предположения, послужившие основой для внедрения и всеобщего принятия данной практики, — несостоятельными. Вслед за Линдой Батлер мы повторяем «призыв к здравомыслию»⁸ в оценке исследований и выступаем за рассмотрение широкого круга (полученных в прошлом) фактических данных, свидетельствующих об огромной продуктивности

4. Radder H. The Commodification of Academic Research. Science and the Modern Universities. Cambridge: Harvard University Press, 2010; Münch R. Understanding Modernity. Towards a New Perspective Going Beyond Durkheim and Weber. Abingdon: Routledge, 2011; Hazelkorn E. Rankings and the Reshaping of Higher Education. The Battle for World-Class Excellence. L.: Palgrave Macmillan, 2011.
5. Blasi B. et al. Do SSH Researchers Have a Third Mission (And Should They Have)? // The Evaluation of Research in Social Sciences and Humanities / A. Bonaccorsi (ed.). N.Y.: Springer, 2018. P. 362.

6. Cp.: Spaapen J., Sivertsen G. Assessing Societal Impact of SSH in an Engaging World: Focus On Productive Interaction, Creative Pathways and Enhanced Visibility of SSH Research // Research Evaluation. 2020. Vol. 29. № 1. P. 2.

7. Martin B.R. The Research Excellence Framework and the “Impact Agenda”: Are We Creating a Frankenstein Monster? // Research Evaluation. 2011. Vol. 20. № 3. P. 247–254.

8. Butler L. Assessing University Research: A Plea for a Balanced Approach // Science and Public Policy. 2007. Vol. 34. № 8. P. 565–574.

науки в те времена, когда в научной политике и управлении университетами не использовался такой инструмент, как количественная оценка результатов научной деятельности (то есть на протяжении большей части современной истории). В статье утверждается, что бремя обоснования должны нести те, кто настаивает на недостаточной продуктивности науки, те, кто утверждает, что для повышения результатов научной деятельности необходима количественная (то есть поверхностная) их оценка, а также конкурсное распределение ресурсов на основе полученных оценок.

Мы специально использовали острые выражения и провокационные утверждения, чтобы подчеркнуть проблемные аспекты нынешнего «режима» научной политики⁹ и привлечь внимание к повсеместному распространению методов количественной оценки. Основной научный вклад нашей работы состоит в историческом исследовании событий, которые, как полагали многие, подтверждали предположения о том, что наука является, в первую очередь, двигателем экономики, нуждающимся в постоянном «ремонте и техническом обслуживании», а правильным средством устранения возникающих в нем неисправностей служит оценка результатов работы. В статье показано, что в этих предположениях нет ни исторической правды, ни логики; они явились результатом исторического развития, который выразился в растущем *недоверии* к науке и *демократизации* научного знания. Следствиями данного процесса, безусловно, были социальный прогресс и здравый пересмотр догматических убеждений. Но он привел и к ряду проблемных последствий, переоценка которых будет способствовать более глубокому пониманию роли науки в обществе и последующим изменениям в научной политике.

Данная статья и содержащееся в ней обоснование могут быть неверно истолкованы по самым разным причинам. Намеренно провокационный тон, необходимый для того, чтобы «подстегнуть» обсуждение приводимых доводов, имеет тот недостаток, что в нем выражаются и некоторые обобщения и упрощения. Это может навести некоторых читателей на мысли о том, что между строк статьи прочитывается призыв к возвращению к некоей «чистой» науке, к «старым добрым временам», которые предшествовали рассматриваемым в тексте событиям, когда наука оставалась полностью изоли-

9. *Elzinga A.* Features of the Current Science Policy Regime: Viewed in Historical Perspective//Science and Public Policy. 2012. Vol. 39. № 4. P. 416–428.

рованной сферой деятельности, надежно укрытой от влияния рынка, государства или других социетальных институтов. Ничего подобного. Такие призывы были бы в высшей степени аисторичными: столь глубокое разделение если и существовало, то очень короткое время; к тому же автор вовсе не является сторонником такого рода идеализированного состояния. Другие могут посчитать, что автор статьи видит в практикующих ученых невинных жертв политического вмешательства и внедрения стандартов управления и оценки, чуждых их истинным идентичностям. Однако и такой подход был бы аисторичным, так как изменения, внимательно рассматриваемые в этой статье, происходили при пассивном согласии многих и активном участии некоторых (возможно, их было не так уж мало). В этом отношении статья одновременно является призывом к переоценке ценностей и протестом против бюрократов и руководителей, не имеющих научных знаний; она, безусловно, обращена к ученым всех областей и предостерегает их от судьбы «лягушки в кипятке»¹⁰, призывая задуматься об условиях научной деятельности и окружающих институтах. Суммируя все сказанное выше, мы полагаем, что статья должна восприниматься как попытка вдохнуть новую жизнь в научную дискуссию (возможно, и в более широкое обсуждение) о роли оценки результатов деятельности в науке, причинах повсеместного распространения и широкого использования полученных оценок в управлении университетами, а также их оправданности, уместности и желательности.

Современная наука

В фундаментальных научных трудах, содержащих социологический анализ исторического преобразования общества к его современному состоянию через просвещение, промышленные революции и рост либерально-демократического государства всеобщего благосостояния, подчеркивается важнейшая роль науки и неотделимость ее институционализации от модернизации общества¹¹. Интересно, однако, что

10. Martin B.R. The Research Excellence Framework and the "Impact Agenda". P. 252.

11. См., напр.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996; Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избр. произв. М.: Прогресс, 1990; Merton R.K. Science, Technology and Society in Seventeenth Century England. Atlantic Highlands: Humanities Press, 1970; Parsons T. Societies:

первоначальная институционализация науки в значительной степени происходила без участия университетов. Раннее научное развитие в XVII–XVIII веках было в основном ориентировано на практику, удовлетворяло потребности промышленного развития и финансировалось по большей части промышленниками и филантропами¹². Основная деятельность университетов была связана с высшим образованием, подготовкой в интересах государства и церкви адвокатов, священнослужителей, хирургов и чиновников¹³; понимание предназначения и миссии университета начало расширяться лишь позднее в соответствии с идеалом Вильгельма фон Гумбольдта о взаимном дополнении высшего образования и научных исследований и создании университета, в котором профессора и студенты вели бы совместный свободный и открытый поиск истины¹⁴. Этот идеал начал осуществляться в конце XIX — начале XX века в Европе и Северной Америке; параллельно с созданием исследовательских университетов появлялись и другие отличительные черты современной научной системы, включая издание журналов и публикацию монографий как ключевой канал коммуникаций, экспертные оценки как ключевой механизм отбора, ряд этапов (получение докторской степени, постдокторские исследования, назначение на должность профессора), задающих структуру научной карьеры, а также открытые конкурсы на замещение высших академических должностей¹⁵.

Таким образом, исследовательский университет как таковой является институциональной чертой общества, кото-

Evolutionary and Comparative Perspectives. Upper Saddle River: Prentice Hall, 1966; *Schluchter W.* The Rise of Western Rationalism. Max Weber's Developmental History. Berkeley: University of California Press, 1992; *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.

12. *Merton R. K.* Science, Technology and Society in Seventeenth Century England; Puritanism and the Rise of Modern Science/I. B. Cohen (ed.). New Brunswick: Rutgers University Press, 1990.

13. *History of the University in Europe. Vol. 2: Universities in Early Modern Europe (1500–1800)/H. De Ridder-Symoens (ed.).* Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

14. *Östling J.* Humboldt and the Modern German University. An Intellectual History. Lund: Lund University Press, 2018.

15. *Baldwin M.* Scientific Autonomy, Public Accountability, and the Rise of "Peer Review" in the Cold War United States//*Isis.* 2018. Vol. 109. № 3. P. 538–558; *Parsons T., Platt G. M.* The American University. Cambridge: Harvard University Press, 1973; *Cole J. R.* The Great American University: Its Rise to Preeminence, Its Indispensable National Role, Why It Must Be Protected. N.Y.: PublicAffairs, 2009; *The University Research System: The Public Policies of the Home of Scientists/B. Witrock, A. Elzinga (eds).* Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1983.

рая существует не более двух столетий. До этого научные открытия совершались по большей части в ином контексте — куда более прагматичном и практически ориентированном, слабо связанном с высокими академическими идеалами и свободном от регулирования. Как показали социологи, именно доказанная способность науки продуцировать полезные в практической деятельности результаты, которые можно было превратить в инновации, открывшие возможность рационализации промышленного производства, накопления богатств и улучшения условий жизни, привела к последующей институционализации академических свобод и самоуправления университетской науки, а не наоборот¹⁶.

Схожая логика прослеживается в росте государственных и частных расходов на науку, начавшемся после окончания Второй мировой войны. Идеологические обоснования необходимости использования достижений науки и техники как основной движущей силы прогресса предлагались еще в довоенное время¹⁷. Очевидно, что импульсом к послевоенному расширению государственных и частных расходов на исследование и технологическое развитие по обе стороны железного занавеса стали впечатляющие (и в какой-то степени наводящие ужас) примеры практического значения научных достижений во время Второй мировой войны. В основу этих научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) было положено элементарное разделение труда между секретными (военными) и корпоративными (промышленными) исследованиями с одной стороны и свободными и открытыми научными исследованиями в академической среде — с другой; при этом часто встречались различные гибридные формы и пересечения¹⁸. По мнению специалистов в данной области, понятие «военно-промышленный комплекс» является слишком узким. Чтобы оно отражало более широкое и глубокое значение науки, особенно ее академической «ветви», в североамериканском послевоенном опыте предполагавшейся рационализации общества, движимой соперничеством сверхдержав, а также материальным и эконо-

16. Merton R. K. *Science, Technology and Society in Seventeenth Century England*; Zuckerman H. *The Other Merton Thesis*// *Science in Context*. 1989. Vol. 3. № 1. P. 239–267; Puritanism and the Rise of Modern Science.

17. См., напр.: Bernal J. D. *The Social Function of Science*. Cambridge: MIT Press, 1967.

18. Agar J. *Science in the Twentieth Century and Beyond*. Cambridge: Polity Press, 2012; Pestre D. *Science, Political Power and the State*// *Companion to Science in the Twentieth Century*/J. Krige, D. Pestre (eds). Abingdon: Routledge, 2003. P. 61–76.

мическим прогрессом, его следовало бы расширить до «военно-промышленно-академического комплекса»¹⁹. В Европе в то время сложилась примерно такая же ситуация. На протяжении тридцати лет после окончания Второй мировой войны чрезвычайно важными движущими силами небывалого экономического роста, значительного повышения материальных стандартов за счет инноваций, дополнявших и усиливавших друг друга, и перераспределения богатства оставались наука и высшее образование²⁰. Довоенные достижения, такие как открытие сверхпроводимости, антибиотиков, создание квантовой механики, изобретение реактивного двигателя, радара, синтетических материалов, включая нейлон, и строительство атомного реактора, были дополнены не менее впечатляющим дальнейшим научным прогрессом со столь же впечатляющими техническими и социальными результатами (серьезность и комплексный характер которых до сих пор не получили должной оценки): транзистор, оральные контрацептивы, структура ДНК, лазер, глобальная система навигации и позиционирования (GPS), компьютерная томография, магнитно-резонансная томография и огромное количество постепенных улучшений, дополнений, рекомбинаций, а также изменений в этих и других приборах и аппаратах. Многие из изменений имели важнейшее значение, но им сложно дать простое название или описать крылатой фразой или удачной аббревиатурой. Все сказанное выше справедливо и в отношении общественных наук, где были созданы влиятельные школы мысли, такие как марксизм/неомарксизм, постструктурализм и критическая теория, поведенческая экономика и неинституциональные подходы к организации и менеджменту, теории поздней/рефлексивной/текущей реальности и общества риска, инновационных систем и т. д.

Преобладавшая в первые два-три десятилетия после окончания Второй мировой войны доктрина научно-исследовательской политики впоследствии получила обобщение в двух понятиях. Первым из них было понятие *обществен-*

19. *Giroux H. A. The University in Chains: Confronting the Military-Industrial-Academic Complex. Boulder: Paradigm Publishers, 2007; Hallonsten O. Big Science Transformed. Science, Politics and Organization in Europe and the United States. L.: Palgrave Macmillan, 2016.*

20. *Cozzens S. E. The Discovery of Growth: Statistical Glimpses of Twentieth-Century Science// Companion to Science in the Twentieth Century /J. Krige, D. Pestre (eds). Abingdon: Routledge, 2003. P. 127–141; Pestre D. Science, Political Power and the State; Agar J. Science in the Twentieth Century and Beyond.*

ного договора для науки, весьма далекое от понятия договора в формальном смысле (а также отличавшееся от «общественного договора» по Томасу Гоббсу или Джону Локку), но представлявшее собой подразумеваемую договоренность, в соответствии с которой наука вносит полезный вклад в общество в обмен на щедрое финансирование со стороны государства и его налогоплательщиков, предоставляемое без каких бы то ни было жестких условий²¹. Второе понятие, а именно *линейная модель технических инноваций*, основывалось на предположении, в соответствии с которым щедрое финансирование свободных, подвижных любознательностью исследований по умолчанию приводит к появлению новых технических достижений и их дальнейшему преобразованию в социальные выгоды в рамках экономического роста, базирующегося на инновациях²². Важно отметить, что согласно данной политической модели, если предоставить управление наукой самим ученым, это позволит добиться впечатляющих результатов и новых открытий, способных самыми разными путями принести пользу обществу. Оглядываясь назад, можно сделать вывод, что это убеждение было (и остается) в значительной степени верным, хотя нам, конечно же, известны и исключения. Впрочем, ключевой момент состоит в следующем. У нас есть все основания ожидать, что научные исследования будут оказывать глубокое техническое и социальное влияние на мир; более того, было бы разумно предъявить к ним это требование. Однако в большинстве случаев мы не имеем возможности отслеживать это влияние на коротких (несколько лет) временных отрезках; к тому же мы, вне всяких сомнений, не способны вынести точные оценки этого влияния, используя простые системы количественных показателей. В превосходных современных работах Мэтта Ридли²³ и Марианы Маццукато²⁴, равно как и в более ранних трудах Бернарда Козна²⁵ и Дэвида Халла²⁶, приводятся при-

21. *Guston D. Between Politics and Science: Assuring the Integrity and Productivity of Research.* Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

22. *Godin B. The Linear Model of Innovation. The Historical Construction of an Analytical Framework*//Science, Technology & Human Values. 2006. Vol. 31. № 6. P. 639–667.

23. *Ridley M. How Innovation Works. And Why it Flourishes in Freedom.* N.Y.: Harper, 2020.

24. *Mazzucato M. The Entrepreneurial State: Debunking Public vs Private Sector Myths.* N.Y.: Public Affairs, 2015.

25. *Cohen I. B. Revolution in Science.* Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1985.

26. *Hull D. L. Science as a Process.* Chicago: The University of Chicago Press, 1989.

меры, неопровержимо демонстрирующие эволюционные, кумулятивные, случайные, интерактивные и рекомбинаторные процессы посредством которых научные исследования способствуют техническим и социальным инновациям. Они показывают, что подавляющее большинство научных достижений и инноваций, сформировавших современное общество и обеспечивших наше богатство и благосостояние — достаточно вспомнить использование электричества, лечение заболеваний, развитие эффективных методов перевозок, хранение продуктов питания и бытовую электронику (из самых последних примеров — смартфоны), в которых используются сложнейшие технические решения, — были сделаны в условиях, которые невозможно было бы отследить и должным образом оценить, используя современные системы количественных показателей; вероятно, если бы в прошлом научные исследования осуществлялись в нынешней подследственной манере, основанной на применении систем количественных показателей, ни этих достижений, ни этих инноваций никогда бы не случилось.

Экономизация

Для тех, кто занимался качественными исследованиями институциональных основ инноваций²⁷, сделанный выше вывод представляется неоспоримым. Как правило, эти качественные исследования предлагают множество свидетельств того, что осуществляемая должным образом справедливая оценка науки может быть произведена только в целостной, качественной и длительной перспективе, однако чаще всего их результаты оказываются в тени другой истории, построенной на чрезмерно упрощенных количественных показателях научной продуктивности, заимствованных из бизнеса. Согласно этой истории (академическая) наука, рассматриваемая как источник инноваций и движущая сила экономического роста, показывает недостаточно высокие результаты,

27. См., напр.: *Westwick P.J. The National Labs: Science in an American System 1947–1974. Cambridge: Harvard University Press, 2003; Mody C. Instrumental Community: Probe Microscopy and the Path to Nanotechnology. Cambridge: MIT Press, 2011; Mody C. The Long Arm of Moore's Law. Cambridge: MIT Press, 2016; Gertner J. The Idea Factory. Bell Labs and the Great Age of American Innovation. N.Y.: Penguin, 2012; Gribbe J., Hallonsten O. The Emergence and Growth of Materials Science in Swedish Universities//Historical Studies in the Natural Sciences. 2017. Vol. 47. № 4. P. 459–493.*

особенно если учесть общий уровень инвестиций в исследования и разработки. В зависимости от уровня анализа это называют «шведским парадоксом»²⁸, «европейским парадоксом»²⁹, а также «проблемой инноваций» в экономиках промышленно развитых стран³⁰. Статистические данные и анализ, на которых основывается данный вывод (уровни инвестиций в НИОКР, показатели количества публикаций и патентов, а также ранжирование на основе индексов и взвешенных показателей), неоднократно подвергались критике по эмпирическим основаниям³¹. Как уже отмечалось, правомерность использования этих данных и анализа может быть подвергнута сомнению и концептуально, и логически, но их привлекательность вполне объяснима; частично она, по-видимому, связана с их родством с экономическими количественными показателями и абстракциями, такими как рост, производительность, торговый баланс, акции, ценные бумаги и чистые активы³². Поверхностный характер и погрешности показателей валовых инвестиций в НИОКР, суммарного количества публикаций и цитирований, а также основывающихся на них рейтингов «совершенства» и «инновационного потенциала» не слишком много значат в контексте их применения, поскольку эти показатели предназначены не для того, чтобы отдать должное производству научных знаний и инноваций *per se*; они необходимы для того, чтобы поддерживать уверенность в выполнении университетами их основной задачи по производству инноваций и созданию условий для экономического роста.

28. *Edquist C., McKelvey M.* High R&D Intensity Without High Tech Products: A Swedish Paradox//Institutions and Economic Change: New Perspectives on Markets, Firms and Technology/K. Nielsen, B. Johnson (eds). Cheltenham: Edward Elgar, 1998; *Ejermo O., Kander A.* The Swedish Paradox Revisited//Entrepreneurship and Innovation in Functional Regions/C. Karlsson et al. (eds). Cheltenham: Edward Elgar, 2009.

29. *Andreasen L.E.* Europe's Next Step: Organisational Innovation, Competition and Employment. Abingdon: Routledge, 1995; *Dosi G. et al.* The Relationships Between Science, Technologies and Their Industrial Exploitation: An Illustration Through the Myths and Realities of the So-Called "European Paradox"//Research Policy. 2006. Vol. 35. № 10. P. 1450–1464.

30. *Guston D.* Between Politics and Science: Assuring the Integrity and Productivity of Research. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 113.

31. *Jacobsson S., Rickne A.* How Large Is the Swedish "Academic" Sector Really? A Critical Analysis of the Use of Science and Technology Indicators//Research Policy. 2004. Vol. 33. № 9. P. 1355–1372; *Granberg A., Jacobsson S.* Myths or reality: A Scrutiny of Dominant Beliefs in the Swedish Science Policy Debate//Science and Public Policy. 2006. Vol. 33. № 5. P. 321–340.

32. Cp.: *Muller J.Z.* The Tyranny of Metrics. Princeton: Princeton University Press, 2018.

Элизабет Попп Берман назвала это *экономизацией*³³: в течение уже нескольких десятилетий наука рассматривается не как общественное, а как финансовое благо; согласно этим воззрениям первоочередной и основной задачей науки является создание условий для экономического роста, а не вклад в развитие цивилизации или культуры в более широком смысле³⁴. В процессе ряда реформ, по-разному осуществлявшихся в разных странах, но имевших четкую общую тему, в них должным образом были адаптированы структуры управления и методы оценки. Хотя в современном обществе более широкой идеологической надстройкой является «рыночный фундаментализм»³⁵, проводившиеся в большинстве стран на протяжении последних тридцати-сорока лет серьезные реформы университетского управления (в значительной степени как результат экономизации) основывались на, по всей видимости, искреннем стремлении их адептов к повышению степени подотчетности и эффективности университетских научных исследований. Эти амбиции легко мотивировать, учитывая огромный рост государственных расходов на академические исследования и образование, и их легко понять, если встать на позиции политиков и бюрократов. Университеты с их корнями, уходящими в далекое прошлое, представляют собой меритократические федерации автономных профессоров, возглавляющих кафедры. Университеты медленно (а некоторые сказали бы — недостаточно эффективно) приспосабливаются к росту и новым требованиям общества; их управление и организация могут показаться одновременно непонятными и безнадежно неэффективными. Возможно, что понять и принять их способны только те, кто получил академическое образование и социализировался в научных сообществах³⁶. Все остальные, в первую очередь политики, правительственные чиновники и по-

33. *Berman E. P. Creating the Market University. How Academic Science Became an Economic Engine. Princeton: Princeton University Press, 2012; Berman E. P. Not Just Neoliberalism: Economization in Us Science and Technology Policy // Science, Technology, & Human Values. 2014. Vol. 39. № 3. P. 397–431.*

34. *Ср.: Mirowski P. Science-Mart.*

35. *Bourdieu P. Acts of Resistance: Against the Tyranny of the Market. N.Y.: The New Press, 1998; Стиглиц Дж. Ю. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Национальный общественно-научный фонд, 2003; Somers M., Block F. From Poverty to Perversity: Ideas, Markets and Institutions Over 200 Years of Welfare Debate // American Sociological Review. 2005. Vol. 70. № 2. P. 260–287.*

36. *Hagstrom W. The Scientific Community. N.Y.: Basic Books, 1965; Ридингс Б. Университет в руинах. М.: ИД ВШЭ, 2021; Ginsberg B. The Fall of the Faculty. Oxford: Oxford University Press, 2011.*

стоянно растущий административный персонал в самих университетах, рассматривают академическую сферу как подходящую площадку для радикального реформирования (в котором она, возможно, остро нуждается).

Таким образом, экономизация не связана с определенными политическими пристрастиями и, по крайней мере с точки зрения доминировавшей в конце XX века в Европе и Северной Америке системы координат, которая делит идеологическое поле на правых и левых, внеидеологична. За реформами университетского управления стоят не только программы «неолиберальных» преобразований. Как представляется, политики, принадлежащие ко всем системным партиям, и, несомненно, их избиратели едины в своих ожиданиях, согласно которым все ветви государственной власти и все институты, финансируемые правительством и действующие от его имени, будут активно работать в первую очередь над тем, чтобы добиться «положительного влияния на экономику в целом»³⁷. В соответствии с этой логикой академическая наука, пользующаяся широкомасштабной поддержкой со стороны государства, воспринимается и как субподрядчик, работающий на экономику и ее рост, который считается самоцелью³⁸.

Однако наука, особенно академическая наука, представляет собой собственную институциональную сферу, характеризующуюся «внутренними закономерностями»³⁹, а также фундаментальными нормативно структурированными принципами (само)организации⁴⁰. Хорошо заметно, что в науке, как и в некоторых других важнейших институциях демократического общества, отсутствует *ценовой механизм*, позволяющий рынкам в процессе непрерывной оценки и переоценки покупателями результатов деятельности поставщиков и продавцов непосредственно демонстрировать различия в ценности, получаемой потребителями

37. Berman E. P. Not Just Neoliberalism. P. 399.

38. Mirowski P. Science-Mart.

39. Weber M. Religious Rejections of the World and Their Directions//From Max Weber/Н.Н. Gerth, C.W. Mills (eds). Abingdon: Routledge, 2009. P. 328; Вебер М. Промежуточное рассмотрение: теория уровней и направлений религиозного неприятия мира//Он же. Хозяйственная этика мировых религий: опыты сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм. СПб.: Владимир Даль, 2017. С. 405.

40. См., напр.: Мертон Р.К. Наука и социальный порядок//Личность. Культура. Общество. 2000. Т. 2. Вып. 2. С. 151–168; Hagstrom W. The Scientific Community; Whitley R. The Intellectual and Social Organization of the Sciences. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2000.

за деньги⁴¹. В отсутствие функционирующего косвенного показателя результатов деятельности, который мог бы использоваться в сфере науки для оценки и ранжирования эквивалентов «производственных единиц», в качестве которых могут выступать отдельные люди, группы, факультеты или университеты, оценка становится весьма сложной и небеспристрастной, а оценка с использованием стандартизированных количественных показателей — принципиально невозможной и беспредметной. В более широком смысле эта оценка прямо угрожает институциональной автономии науки и вытекающей из нее оперативной и организационной логике. Давно хорошо известно, что не только любая оценка, но и элементарный сбор данных о поведении и результатах деятельности отдельных людей и организаций изменяет их поведение⁴². Иными словами, оценка меняет то, что оценивается, создавая артефакты и измеряя вещи, не подлежащие измерению. В применении к академической науке это означает появление у ученых стимулов к конформистской показухе и публикациям ради публикаций в ущерб созидательной деятельности и разнообразию, а также инновационным, первопроходческим и междисциплинарным исследованиям⁴³. Усилению этих эффектов способствует распространенный сценарий, когда от позиций в рейтинге и соблюдения определенных оценочных стандартов и на организационном, и на индивидуальном уровне зависит финансовое вознаграждение⁴⁴.

41. Münch R. Academic Capitalism. Universities in the Global Struggle for Excellence. Abingdon: Routledge, 2014. P. 3.

42. Мертон Р.К. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 15–17; Ravetz J. Scientific Knowledge and Its Social Problems. Piscataway: Transaction Publishers, 1971. P. 295–296; Muller J.Z. The Tyranny of Metrics. P. 19–20; Espeland W.N., Sauder M. Rankings and Reactivity: How Public Measures Recreate Social Worlds // American Journal of Sociology. 2007. Vol. 13. № 1. P. 1–40.

43. Whitley R. Changing Governance of the Public Sciences // The Changing Governance of the Sciences / R. Whitley, J. Gläser (eds). N.Y.: Springer, 2007. P. 9–10; Martin B.R. The Research Excellence Framework and the “Impact Agenda”. P. 250; Weingart P. Impact of Bibliometrics Upon the Science System: Inadvertent Consequences? // Scientometrics. 2005. Vol. 62. № 1. P. 117–131; Tourish D. Management Studies in Crisis. Fraud, Deception and Meaningless Research. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

44. Hicks D. Performance-Based University Research Funding Systems // Research Policy. 2012. Vol. 41. № 2. P. 251–261; Watermeyer R. Competitive Accountability in Academic Life. The Struggle for Social Impact and Public Legitimacy. Cheltenham: Edward Elgar, 2019. P. 107ff.

Между тем решающее значение с точки зрения величины вклада науки в общество имеют, по-видимому, ее автономия и логика самоорганизации. Поэтому экономизация и оценочное безумие могут оказать разрушительное воздействие на науку и ее способность к достижению институциональной цели «расширения подтвержденных знаний»⁴⁵. С этим утверждением согласны многие ученые, несмотря на то что они могут использовать другую терминологию и концептуальную основу⁴⁶.

Недоверие

Движущими силами экспансии финансируемых государством науки и высшего образования после Второй мировой войны были несколько факторов. Это был период поразительного экономического роста, благодаря которому были получены средства для расширения академической сферы. В первые послевоенные десятилетия культурный статус технического прогресса и предполагавшейся рационализации под знаменем модерна находился, вероятно, на самом высоком уровне в истории. Соперничество сверхдержав во времена холодной войны, которое во многом разворачивалось именно в области науки и техники, способствовало как прямым военным НИОКР, проводившимся в невиданных ранее масштабах, так и научным изысканиям в секторах, где связь со стремлением к достижению военного превосходства была менее заметной (физика элементарных частиц, космические полеты). Однако уже в 1960-е годы началось несколько параллельных и связанных друг с другом процессов, совместное воздействие которых привело к экономизации науки. Их общим знаменателем было *недоверие*.

45. Merton R. K. The Normative Structure of Science//The Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations/N. W. Storer (ed.). Chicago: The University of Chicago Press, 1973. P. 270.

46. См., напр.: Münch R. Academic Capitalism; Radder H. From Commodification to the Common Good Reconstructing Science, Technology, and Society. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2019; Transformations in Research, Higher Education and the Academic Market. The Breakdown of Scientific Thought/S. Rider et al. (eds). N.Y.: Springer, 2012; Cole J. R. Academic Freedom Under Fire//Who's Afraid of Academic Freedom?/A. Bilgrami, J. R. Cole (eds). N.Y.: Columbia University Press, 2015. P. 27–39; Gertner J. The Idea Factory; Mirowski P. Science-Mart; Коллинс С. Зачем нужны университеты? М.: ИД ВШЭ, 2016; Watermeyer R. Competitive Accountability in Academic Life.

В 1960-е годы все чаще стали высказываться глубокие сомнения в господствовавших модернистских идеалах, а также в возможности улучшения жизни благодаря техническому развитию, что нашло отражение, в первую очередь, в общественных течениях, во многом способствовавших зарождению и развитию движения в защиту окружающей среды, феминизма, пацифизма и антиавторитарной (неомарксистской) критике цивилизации. Карибский ракетный кризис и война во Вьетнаме (правомерно) поставили под сомнение рациональность современного модернистского мира, основанного на технической мощи, в том числе и на политическом уровне. Через некоторое время в отношениях сверхдержав наступил период разрядки, сопровождавшийся возникновением альтернативных политических движений. Всего через несколько лет после того, как президент США Дуайт Эйзенхауэр высказал озабоченность по поводу «военно-промышленного комплекса», послужившую толчком к обсуждению этого вопроса, президент Линдон Джонсон задался риторическим вопросом о том, «чем наука может помочь бабушке». Он имел в виду, что пришло время использовать не только разрушительные силы, созданные благодаря фундаментальным исследованиям, но и в практическом смысле собирать их плоды во благо общества⁴⁷. Как резюмировал Ульрих Бек, «если вплоть до 60-х годов наука еще могла рассчитывать на бесспорно верящее в науку общественное мнение, то сегодня на ее усилия и успехи смотрят с недоверием»⁴⁸. Подозрительное отношение молодежи шестидесятых и/или людей с левыми убеждениями к властям всех мастей было перенесено и на экспертные знания, включая научные экспертные знания, воспринимавшиеся как неотделимые от господства и предубеждений элиты. Таким образом, свой вклад в расширение якобы прозрачных и демократических систем количественных показателей, а также практики оценки результатов деятельности, внес и антиавторитаризм; заплатить за это пришлось ограничением профессиональных суждений и институциональной автономии, на которые были навешены ярлыки реакционных агентов правящих кругов⁴⁹.

47. Kevles D.J. *The Physicists: The History of a Scientific Community in Modern America*. Cambridge: Harvard University Press, 1995. P. 411.

48. Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 257.

49. Muller J.Z. *The Tyranny of Metrics*. P. 40–41.

Экономический спад, развернувшийся в начале и середине 1970-х годов, способствовал пересмотру убеждений относительно общественного договора для науки и линейной модели технологических инноваций; постепенно им на смену пришли активная политика по расстановке приоритетов и политика стратегического инвестирования, направленные на максимизацию отдачи от государственного финансирования исследований и разработок и предусматривавшие определение победителя (получателя денежных средств) до начала финансирования⁵⁰. Это изменение «режимов» научной политики⁵¹ совпало по времени с расширением базы знаний экономических наук, что означало включение в анализ причин и следствий результатов экономической деятельности на уровне фирм и отраслей, стран и регионов, а также более широкого круга факторов на глобальном уровне. Одновременно знания и технологии или исследования и разработки были признаны ключевыми факторами результатов экономической деятельности в кратко- и долгосрочном периодах; поэтому институтам науки и образования и их (измеримому) вкладу в экономическое развитие и рост уделялось все больше внимания⁵². Следствием структурной трансформации, вызванной упадком традиционной обрабатывающей промышленности в (Западной) Европе и Северной Америке и их частичной заменой отраслями высоких технологий и растущей сферой услуг, стали первые декларации о формировании «общества знаний»⁵³. Как ни парадоксально, но в это же время началось сокращение крупных корпоративных научно-исследовательских подразделений, славных своими достижениями⁵⁴, а исполнение многих видов деятельности, связанной с НИОКР, было передано внешним подрядчикам. Как отмечалось в предыдущем параграфе, со времен первой промышленной революции НИОКР были неотъемлемой составляющей частного предпринимательства, однако вследствие роста научных исследований, финансировавшихся

50. Irvine J., Martin B.R. Foresight in Science. Picking the Winners. L.: Pinter Publishers, 1984.

51. Elzinga A. Features of the Current Science Policy Regime.

52. См., напр.: Nelson R.R., Winter S.G. An Evolutionary Theory of Economic Change. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1982.

53. См., напр.: Друкер Ф. Эпоха разрыва. Ориентиры для нашего меняющегося общества. М.: Вильямс, 2007.

54. См., напр.: Gertner J. The Idea Factory; Pithan D. The Discursive Legitimation of New Ideas. Emergence and Diffusion of the Industrial Research Laboratory in the United States, 1870–1930. PhD thesis. Wuppertal University, Germany, 2019.

государством, крупными центрами НИОКР стали университеты (Западной) Европы и Северной Америки. Многие промышленные компании стали задаваться вопросом о целесообразности собственных инвестиций в НИОКР в условиях, когда государственный сектор располагает всеми необходимыми для их осуществления институциональными (университеты и научно-исследовательские институты) и финансовыми средствами (в то время казалось, что рост налоговых поступлений будет вечным)⁵⁵.

На уровне избранных должностных лиц и государственных служащих поиски ответов на вопросы о способности науки эффективно способствовать повышению благосостояния (в 1960-х и начале 1970-х годов) и результатах функционирования экономики (в конце 1970-х годов и в дальнейшем) привели к разработке различных программ реформ, направленных на решение выявленных проблем. Вероятно, политики и должностные лица (некоторые из них) осознавали сложность инновационных процессов и важную роль частных предприятий в экономическом развитии, опирающемся на инновации, ведь в непосредственном ведении правительств находился только государственный сектор. Попытки оказать влияние на частные предприятия должны были ограничиваться законодательством и налоговыми стимулами, в то время как реформы университетского управления могли пойти и, безусловно, пошли дальше.

Демократизация

Под «обществом знаний» обычно понимается общество, в котором ключевым ресурсом, используемым для индивидуальных и групповых достижений, являются знания, в первую очередь научные знания; следовательно, в таком обществе значение капитала и физического труда как факторов производства остается важным, но становится менее выраженным⁵⁶. Согласно альтернативной интерпретации «обществом знаний» является общество, в котором «знания» превратились в «ключевой определяющий аспект»; «данное понятие несет все большую политическую нагрузку и на него пыта-

55. *Engines of Innovation: US Industrial Research at the End of an Era*/R.S. Rosenbloom, W.J. Spencer (eds). Cambridge: Harvard Business School Press, 1996.

56. Stehr N. *Knowledge Societies*. L.: SAGE, 1994; Välimaa J., Hoffman D. *Knowledge Society Discourse and Higher Education*//Higher Education. 2008. № 56. P. 265–285.

ется претендовать множество социальных групп, преследующих различные интересы»⁵⁷. Следствием этого становится не только и не столько «общество, пронизанное знанием во всех его частях», сколько «общество, в котором институты по производству знаний пронизаны всеми другими общественными интересами и институтами, включая политику, но не ограничиваясь ею»⁵⁸. Последнее, конечно, означает, что знания и производство знаний в некоторой степени *демократизируются*, что предположительно сопровождается положительными коннотациями, но имеет потенциально проблематичные последствия. Как уже отмечалось, некоторые фундаментальные принципы (само)организации науки являются уникальными и отсутствуют в других институциональных сферах общества, имеющих собственные фундаментальные принципы (само)организации⁵⁹. Проще говоря, в сфере экономики для поддержания равновесия между спросом и предложением используется ценовой механизм, а погоня за прибылью побуждает к инновациям и обновлению. В сфере политики распределение власти и влияния основывается на убеждении и переговорах сторон и узаконивается всеобщим голосованием и правилом принятия решений большинством голосов. Государственные бюрократии состоят из организованных иерархий, единообразно и беспристрастно применяющих нормы и правила в отношении систематических процессов с целью максимизации эффективности, а также поддержания порядка и преемственности. Наука, со своей стороны, устанавливает консенсус в отношении функциональных описаний и манипуляций с физическим и социальным миром посредством организованного скептицизма, меритократии и распределения нематериального вознаграждения в форме доброго имени и признания⁶⁰.

57. Knowledge Society vs Knowledge Economy: Knowledge, Power, and Politics / S. Sörlin, H. Vessuri (eds). L.: Palgrave Macmillan, 2007. P. 1–2.

58. Hallonsten O. Big Science Transformed. P. 37–38.

59. См., напр.: Weber M. Religious Rejections of the World and Their Directions; Вебер М. Промежуточное рассмотрение; Мертон Р. К. Наука и социальный порядок; Merton R. K. The Normative Structure of Science; Hallonsten O. On the Essential Role of Organized Skepticism in Science's "Internal and Lawful Autonomy" (Eigengesetzlichkeit) // Journal of Classical Sociology. March 2021.

60. Мертон Р. К. Наука и социальный порядок; Merton R. K. The Normative Structure of Science; Whitley R. The Intellectual and Social Organization of the Sciences; Münch R. Academic Capitalism; Hallonsten O. On the Essential Role of Organized Skepticism in Science's "Internal and Lawful Autonomy" (Eigengesetzlichkeit).

Базовые принципы, принятые в экономике, науке, политике и т. д., позволяют проводить различия между сферами; при этом данные принципы действуют отнюдь не изолированно (различия между ними, интерпретация и структурные связи были предметом обширных исследований в социологии XX века⁶¹), а защита их автономии, возможно, является ключевой чертой открытого и свободного общества. К тому же она является вопросом эффективности и надлежащего функционирования общества в целом. Следовательно, управление наукой должно быть, насколько это возможно, предоставлено самим ученым. Глубокую качественную оценку содержания, строгости, значения и потенциального вклада научных исследований могут дать только коллеги-ученые; отсюда оценка должна оставаться внутренним делом науки и ее дисциплинарных сообществ⁶². Но с учетом демократизации и распространенного мнения о неэффективности организации науки это едва ли встретит понимание у политиков, бюрократов, промышленников и широкой общественности. Они исходят из того, что наука, пользующаяся щедрой государственной поддержкой, остро нуждается в стимулах и других управленческих усилиях, направленных на повышение продуктивности, эффективности и усиление подотчетности; следовательно, результаты научной деятельности должны оцениваться с помощью простых и четких систем количественных показателей, ясно показывающих тех, кто достиг «совершенства», и тех, кому это не удалось, и так же должно осуществляться управление наукой. Используемые для этого инструменты оценки и управления заимствуются из политики, у чиновников и бизнеса; они в значительной степени чужды научной практике и научному самоуправлению, но остаются единственными инструментами, которые доступны высокопоставленным политикам и чиновникам, принимающим решения.

Вызванные этим изменения в управлении (академической наукой) и ключевая роль оценки результатов деятельности являются частью более широкого комплекса аналогичных реформ, в анализе которых использовались такие понятия, как «рыночный фундаментализм»⁶³, «общество

61. См., напр.: *Parsons T. The Social System*. L.: Tavistock, 1952; *Luhmann N. Soziale Systeme. Grundriß einer allgemeinen Theorie*. B.: Suhrkamp, 1984; *Münch R. Understanding Modernity*.

62. *Hallonsten O. On the Essential Role of Organized Skepticism in Science's "Internal and Lawful Autonomy"* (Eigengesetzlichkeit).

63. *Somers M., Block F. From Poverty to Perversity*.

аудита»⁶⁴ или социальный аудит, «повышенное внимание к системам количественных показателей»⁶⁵ и «новый публичный (государственный) менеджмент»⁶⁶. Все шире распространяется практика, когда институты общества, ранее находившиеся под профессиональным контролем, управляются, контролируются и оцениваются с помощью обобщенных показателей, индексов и рейтинговых таблиц, заимствованных из экономической сферы и навязываемых бюрократическим управлением и регулированием во имя подотчетности и эффективного использования государственных денежных фондов. В более широкой перспективе интенсивное использование количественных показателей для картирования и оценки различных общественных институтов и процессов само по себе является процессом демократизации, так как позволяет расширить «социальный контроль над самой реальностью» посредством внешне объективных и безоценочных описаний и оценки качества институтов и процессов с точки зрения непрофессионалов, противопоставляемых профессиональному (элитному) правлению⁶⁷. К тому же в общем случае статистика населения, социологические опросы и стандартизация такого рода данных сыграли важную роль в создании государства всеобщего благосостояния, а значит, и в расширении демократии⁶⁸. Но нынешняя «фиксация на метриках» этим не ограничивается и смешивает понимание подотчетности как *ответственности за поведение* с пониманием подотчетности как *возможности учета*, вследствие чего все шире распространяется убеждение, в соответствии с которым действительно ответственными, удовлетворительно исполняющими свои миссии, могут считаться только институты, готовые подвергать свою деятельность (количественной внешней) оценке⁶⁹. Мы видели, что в науке данный подход вступает в противоречие с реальностью; в этом процессе в некотором смысле действительно имеет место демократизация научного знания, но внедре-

64. Power M. The Audit Society. Rituals of Verification. Oxford: Oxford University Press, 1997.

65. Muller J. Z. The Tyranny of Metrics.

66. Hood C. The "New Public Management" in the 1980s: Variations on a Theme // Accounting, Organizations and Society. 1995. Vol. 20. № 3. P. 93–109.

67. Bonaccorsi A. Towards an Epistemic Approach to Evaluation in SSH // The Evaluation of Research in Social Sciences and Humanities / A. Bonaccorsi (ed.). N.Y.: Springer, 2018. P. 20–21.

68. The Social Survey in Historical Perspective / M. Bulmer et al. (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

69. Muller J. Z. The Tyranny of Metrics. P. 17–18.

ние и использование такого рода подотчетности происходит за счет ограничения профессиональной автономии и вынесения профессиональных суждений и экспертных мнений. В связи с этим возникает вопрос: не является ли пустышкой интерпретация «общества знаний» как общества, все части которого пронизаны знаниями? Какое существенное содержание может иметь это знание, если оно отбиралось и распространялось посредством оценок, сделанных людьми, которых никак нельзя назвать экспертами?

Таким образом, системы количественных показателей, используемые для демократизации институтов посредством внешне объективных и безоценочных показателей результатов деятельности и качества, являются обманчивыми и ложными, поскольку они используются для того, чтобы поставить профессиональную деятельность под непрофессиональный (а на самом деле под бюрократический) контроль. Непрерывное расширение и поддержка программ оценки и управление, основанное на результатах, а также сбор, интерпретация и использование полученных оценок требуют «сложной подготовленной бюрократии» и быстро растущих затрат, скорее всего, намного превышающих выгоды⁷⁰. Вмешательство бюрократии в профессиональное и коллегиальное управление уже давно перестало быть досадной мелочью⁷¹. Убежденность в том, что университеты должны нести в себе все больше деловых черт, а интенсивное использование оценки результатов деятельности является ключевым средством создания университета в деловом стиле, представляется весьма забавной, учитывая, что у большинства компаний в сфере бизнеса «имеется встроенное ограничение на время и деньги, которые выделяют на измерения, — в какой-то момент измерения начинают негативно сказываться на прибыли»⁷². Университеты и другие некоммерческие организации не имеют таких ограничений; поэтому они способны на то, чтобы постоянно ограничивать в финансировании исполнителей своих основных функций, коими являются образование и научные исследования, в пользу своей непрерывно увеличивающейся в численности бюрократии.

70. *Martin B.R.* The Research Excellence Framework and the “Impact Agenda”. P. 251.

71. *Ридингс Б.* Университет в руинах; *Ginsberg B.* The Fall of the Faculty.

72. *Muller J.Z.* The Tyranny of Metrics. P. 75.

Коммодификация

Постоянное использование оценки результатов деятельности и отношение к ней как к неотъемлемой части университетского управления интерпретировались как разновидность надзора по Фуко⁷³, поскольку данная практика ставит под угрозу и бросает вызов институциональной автономии академической науки и академическим свободам отдельных людей, так как наука и ученые подвергаются внешнему контролю, измерениям и оценке⁷⁴. Однако, как указывает Бьюн-Чул Хан, современное общество является «обществом достижений», а не «обществом дисциплины»⁷⁵ и его членов следует рассматривать скорее как «субъектов достижений», чем как «субъектов послушания», поскольку от них ожидают не только постоянных успехов, но и предпринимательского поведения, а также непрерывной регистрации и демонстрации достижений. Как представляется, это во многом справедливо и в отношении науки как института, «населенного» в общем случае людьми, стремящимися к признанию и статусу. Поэтому проблема оценки результатов деятельности в науке гораздо глубже, чем анализ надзора по Фуко как важнейшей черты современного общества, так как система внутреннего вознаграждения в науке становится «легкой добычей» для реформ политики управления, затягивая ученых в игру в увеличение количества публикаций, цитирований, грантов, то есть всего того, что свидетельствует о престиже. Система вознаграждения в науке подробно анализируется в работах Роберта Мертона⁷⁶, Уоррена Хагстрема⁷⁷, Джонатана Коула и Стивена Коула⁷⁸, а также других ученых, разделяющих вывод, в соответствии с которым эта система, по-видимому, имеет встроенные особенности, хорошо сочетающиеся с нынешним оценочным безумием и повышенным вниманием к количественным показателям. За одним важным исключением. В наши дни существенной частью односторон-

73. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.

74. Bonaccorsi A. Towards an Epistemic Approach to Evaluation in SSH. P. 20.

75. Han B. C. The Burnout Society. Palo Alto: Stanford University Press, 2015. P. 8.

76. Merton R. K. Priorities in Scientific Discovery // The Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations. / N. W. Storer (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1973. P. 286–324.

77. Hagstrom W. The Scientific Community.

78. Cole J. R., Cole S. Social Stratification in Science. Chicago: University of Chicago Press, 1973.

него применения упрощенных количественных показателей для оценки научного качества, актуальности и успеха является (ошибочное) восприятие научных знаний как *товара*, который продается и покупается, — другими словами, *коммодификация* науки. Это важная черта такого феномена, как академический капитализм, когда университетами управляют в большей степени как коммерческими предприятиями. В таких университетах индивидуальные академические достижения колонизируются менеджерами, которые находятся в непрерывной погоне за финансированием и престижем⁷⁹.

Однако академический капитализм означает и бизнес в самом прямом и реальном смысле: для предоставления инструментов оценки и ее проведения с использованием передовых систем количественных показателей, баз данных и рейтингов была создана целая отрасль. Помимо денежных фондов, которые в настоящее время накапливаются университетами в рамках грантов, как если бы это являлось для них самоцелью⁸⁰, в твердую академическую «валюту» превратились публикации статей ученых в так называемых ведущих научных журналах и данные о цитировании. Взрывной рост количества рукописей, представляемых в «ведущие» журналы, объясняется как предъявляемыми к ученым требованиями о публикациях, так и неформальным, но общепринятым убеждением в том, что в этих журналах принимаются к печати только те статьи, которые превосходят по качеству публикации в других научных периодических изданиях⁸¹. Это убеждение основано на ошибочном предположении, согласно которому качество научного открытия полностью коррелирует с частотой цитирования издания, в котором о нем сообщается, что само по себе, конечно же, абсурдно. Начнем с того, что помимо оценки качества статьи существует множество других причин для ее цитирования. Однако использование показателей количества цитирований и соответствующих индексов как косвенного показателя качества публикаций является весьма привлекательным вариантом для неспециалистов, и в наши дни эти показатели и индексы образуют основу стратегического управления

79. Münch R. Academic Capitalism. P. 10.

80. Greenberg D. S. Science for Sale: The Perils, Rewards and Delusions of Campus Capitalism. Chicago: The University of Chicago Press, 2007. P. 11ff.

81. Campbell R., Meadows A. Scholarly Journal Publishing: Where Do We Go From Here? // Learned Publishing. 2011. Vol. 24. № 3. P. 171–181; Pacchioni G. The Overproduction of Truth. Oxford: Oxford University Press, 2018.

университетами и их научно-исследовательской деятельностью, практически целиком направленной на привлечение финансирования и повышение престижа, измеряемого высокими баллами в рейтинговых таблицах, отражающих совокупное количество статей в «ведущих» журналах и цитирований⁸². Дальнейшему движению в этом направлении способствует коммерциализация журналов, позволяющая крупнейшим издательствам получать гигантские доходы от оплачиваемой университетскими библиотеками подписки на периодические издания, необходимые ученым в их работе⁸³.

Самое же плохое заключается в том, что журнальная статья получает статус товара. Она стала ключевым ответом на потребность в простом показателе «высокого качества», поскольку гипотетическое общество знаний нуждается в элементарном критерии, позволяющем отделять истину от неправды. Вследствие этого статья в журнале превращается не только в товар, но и в носитель истинных или правильных научных высказываний или результатов. Широкая общественность и ее избранные представители воспринимают все, что проходит мифическое рецензирование в журналах и печатается в изданиях с высоким рейтингом, как объективную истину⁸⁴. Очевидно, что это убеждение не соответствует действительности. В исключительных случаях авторы научных статей могут намеренно вводить читателей в заблуждение; даже если статья была написана и опубликована с честными намерениями, в ней могут содержаться мелкие и даже крупные ошибки. Единственный способ подтвердить правильность научных утверждений, содержащихся в журнальных статьях, заключается в том, чтобы выставить их на постоянное, системное и социальное обозрение всего ученого сообщества, члены которого будут их читать, цитировать, подтверждать/опровергать и использовать в дальнейших научных изысканиях. Журнальные статьи никак не являются конечной целью производства и распространения научного знания; они вносят в это зна-

82. *Greenberg D. S. Science for Sale; Münch R. Academic Capitalism.*

83. *Macdonald S. Emperor's New Clothes: The Reinvention of Peer Review as Myth // Journal of Management Inquiry. 2015. Vol. 24. № 3. P. 264-279.*

84. *Roberts T., Shambrook J. Academic Excellence: A Commentary and Reflections on the Inherent Value of Peer Review // Journal of Research Administration. 2012. Vol. 43. № 1. P. 33-38; Macdonald S. Emperor's New Clothes; Hallonsten O. On the Essential Role of Organized Skepticism in Science's "Internal and Lawful Autonomy" (Eigengesetzlichkeit).*

ние лишь незначительный (или в редких случаях крупный) вклад. Любые утверждения обратного ошибочны, какими бы убедительными ни казались цифры, якобы их подтверждающие⁸⁵.

Однако выглядят цифры очень убедительно. Научная «истина» как товар, который продается и покупается, а также упаковывается и рекламируется в соответствии с политической повесткой дня или бизнес-стратегией, обладает большой притягательной силой. Способности науки придавать видимость законности политическим действиям или подтверждать заявления о превосходстве товара или услуги над их конкурентами поистине огромны. Призывы к «доказательной политике» раздаются то тут, то там⁸⁶, а политикам и широкой общественности значительно проще воспринимать показатели ранжирования журналов на основе индексов цитирования, чем глубокие качественные оценки содержания и смысла самих научных исследований. Демократическая проблема перекладывания ответственности с выборных должностных лиц на более или менее анонимных «экспертов» стала предметом научного анализа некоторых исследователей⁸⁷. В то же время следует отметить, что спрос на «доказательную политику» не обязательно является отражением общего роста ценности научного знания в обществе (ср. с «обществом знаний», о котором говорилось выше); он может оказаться и функцией спроса на повышение легитимности того, что считается рациональным и разумным принятием решений перед лицом все более сложного внешнего окружения, новых вызовов и угроз установившемуся консенсусу и трудной для понимания предполагаемой рациональности новых движений. Коммодификация научного знания и простое определение высокого качества научных результатов по тому, что журналы называют «ведущими», а ученых и научной среды — «первоклассными», имеет решающее значение для такого рода использования науки для целей политики, государственной бюрократии и средств массовой информации.

85. Содержательное обсуждение этого вопроса и множество поучительных примеров см. в: *Pacchioni G. The Overproduction of Truth.*

86. *Cairney P. The Politics of Evidence-Based Policy Making.* L.: Palgrave Macmillan, 2016.

87. *Pestre D. Science, Political Power and the State.* P. 61–76; *Expertisation and Democracy in Europe* / M. Góra et al. (eds). Abingdon: Routledge, 2018.

Выводы

Теоретической основой анализа, изложенного выше, являются концептуальные представления об институциональной автономии науки, ее фундаментальных принципах и важной роли в ее (само)организации, которую играют различные формы формальной и неформальной стратификации и оценки качества. Помимо других вещей, особый акцент был сделан на том, что, как показали современные философы и социологи науки (использовавшие разную терминологию, но указывавшие на то, что сама наука имеет в значительной степени кумулятивную, коллективную и интерактивную природу), непрерывная оценка качества и рейтинга ученых, их открытий и результатов деятельности, а также организаций, занятых их внедрением, является важной чертой научного поиска и краеугольным камнем процессов производства знаний⁸⁸. Это означает, что формализованная оценка качества в науке, как часть процессов публикации статей, назначений на должности и конкурсного распределения финансирования, одновременно необходима и желательна. Однако она не имеет ничего общего с оценкой «высокого качества» и «релевантности» для «выбора победителей» и максимизации отдачи или повышения эффективности и усиления подотчетности. Нынешний порядок оценки полностью ориентирован на использование якобы нейтральных, беспристрастных, а значит, единых «объективных» критериев, понятных даже неспециалистам. В отличие от него оценка результатов научной деятельности, которая является важной составляющей ее самоорганизации и процесса производства знания, очень сильно зависит от специализации и дифференциации научных сообществ и дисциплин, а также от их различной социальной и интеллектуальной организации⁸⁹. Поэтому такой оценке свойственна тенденция «схождения к основному набору критериев качества для отдельных дисциплин, не нарушая эпистемического плюрализма, академических свобод и права на несогласие»⁹⁰. Их использование в качественной оценке неизбежно влечет за собой ранжирование,

88. См., напр.: *Popper K.* Логика научного исследования. М.: Астрель, 2010; *Polanyi M.* The Tacit Dimension. Chicago: The University of Chicago Press, 2009; *Merton R. K.* The Normative Structure of Science.

89. *Whitley R.* The Intellectual and Social Organization of the Sciences.

90. *Bonaccorsi A.* Towards an Epistemic Approach to Evaluation in SSH. P. 22.

пусть и далекое от общих поверхностных рейтингов университетов и «ведущих» академических журналов, основанных на наборах упрощенных количественных показателей. В научной сфере подобная качественная оценка и ранжирование осуществляются ежедневно в самых разных формах, на всех мыслимых организационных уровнях в разнообразных структурах и с различными степенями формализации — от обмена идеями между коллегами во время перерыва на кофе или обеда до двойного слепого рецензирования рукописей статей, представленных для публикации в журналах, а также всего того, что находится между этими двумя крайними точками.

Такого рода оценка не только уместна, но и характеризуется чувствительностью к эволюционным, кумулятивным, случайным, рекомбинантным и интерактивным процессам производства научного знания. Следовательно, эта оценка соответствует роли науки в обществе и характеру производства научного знания в отличие от нынешнего режима. Последний построен на нескольких ошибочных представлениях, истинное происхождение которых было выявлено и объяснено в этой статье. Согласно одному из этих ложных представлений, инновации, направленные на экономический рост, являются благом сами по себе и должны осуществляться любой ценой, а основная или единственная роль (академической) науки в обществе заключается в том, чтобы — посредством инноваций — служить движущей силой экономического роста или устойчивого развития в сочетании с экономическим ростом; при этом университеты и работающие в них профессионалы неэффективно выполняют данную функцию. Помимо разъяснения исторических и социологических причин возникновения ошибочных представлений такого рода, развеять их может лишь одно средство — возложение бремени доказывания на тех, кто их придерживается и формулирует. На вопросы «Достаточно ли продуктивной является наука?» и «Какие доказательства достаточной продуктивности науки можно привести?» следует отвечать риторическим вопросом, а именно: «Как еще, по вашему мнению, Европа и Северная Америка могли достичь нынешнего уровня богатства и технического развития?»

Несмотря на неоспоримую логику этого риторического контрвопроса и исторические свидетельства, подтверждающие его правомерность, сторонники точки зрения о недостаточной продуктивности науки и необходимости ее повышения, а также усиления подотчетности посредством

ограничения самоуправления и использования количественных показателей результатов деятельности, непременно потребуют понятных им доказательств, в первую очередь тех, которые они могли бы сравнить с собственными простыми и ясными цифрами. Вероятно, их не удовлетворят имеющиеся у нас контрпримеры, поскольку их можно отбросить как «случайные факты», опровергаемые даже самой поверхностной и простой статистикой. Таким образом, доводы должны основываться на предположении самом по себе, то есть на совокупных количественных показателях и индикаторах, и на демонстрации того, что они никак не способны отразить полное воздействие науки посредством технических инноваций. Необходимо взглянуть на обсуждаемую проблему под новым углом: возможно, статьи, книги или письма, в которых сообщалось о ключевых результатах и открытиях, сделанных в эволюционных, кумулятивных, случайных, рекомбинантных и интерактивных процессах, благодаря которым общество получило возможность использовать электричество, победить ряд болезней, создать эффективную транспортную систему, обеспечить сохранность продуктов питания и использовать для выпуска различных устройств бытовой электроники, включая смартфоны, сложнейшие технологии, цитировались сотни тысяч или миллионы раз. Какая разница? Ни одна из этих цитат не имела никакого отношения к глубокому преобразованию общества, которое было истинным результатом всей этой научной деятельности. Следовательно, в рамках анализа и дискуссии основное внимание должно уделяться поиску ответа на вопрос «Что нынешние индексы цитирования и аналогичные показатели говорят нам о потенциальном воздействии современной науки на общество?».

Еще один важный урок заключается в том, что инновации никогда не возникают в изоляции, а достоверная и полная оценка продуктивности и вклада отдельных видов исследований и разработок требует учета других важнейших узлов встроенных в них сетей, включая дополнительные НИОКР, потенциал освоения, инфраструктуру, финансовые и социальные стимулы, а также структурные черты экономики и общества, влияющие на инновационные процессы как предсказуемым, так и непредвиденным образом⁹¹. Не вызывает ни малейших сомнений, что оценка количе-

91. *Ridley M. How Innovation Works. And Why It Flourishes in Freedom; Mazzucato M. The Entrepreneurial State.*

ственных результатов деятельности не способна отразить эту сложность и предоставить свидетельства, необходимые для того, чтобы судить о продуктивности, релевантности или «высоком качестве» НИОКР. Для создания эффективной и продуктивной инновационной системы требуется большое количество различных составляющих и не все из этих компонентов являются высокопродуктивными в прямом смысле этого слова⁹². К тому же не все они могут быть непосредственно определены как жизненно важные для функционирования системы.

Из этого следует очень простой вывод. Представление о том, что мы всегда можем картировать вклад технологических или социальных инноваций в улучшение общества и измерить его, является ошибочным. Точно так же нельзя назвать корректным и представление, в соответствии с которым основное или единственное предназначение университетов заключается в стимулировании экономического роста посредством инноваций методами, продуктивность которых может быть измерена. Совершенно очевидно, что за последние двести лет наука внесла огромный вклад в модернизацию общества и значительное повышение уровня жизни в Европе и Северной Америке, в результате которого развитие экономики и общества стало оказывать менее пагубное влияние на здоровье людей и окружающую среду. Пора перестать использовать для оценки этой системы количественные показатели, которые явно не соответствуют успехам науки; самое же главное — пора перестать использовать результаты оценки для управления этим процессом. Либо Уильям Томсон (барон Кельвин) (или Питер Друкер, или кто-то другой, кто это на самом деле сказал) были не правы, утверждая, что «если вы не можете что-то измерить, вы не можете это улучшить», либо наука не нуждается в улучшении, либо должны быть разработаны альтернативные и более точные средства измерения. Возможно, верными являются все три утверждения. Для того чтобы принять правильное решение, необходимо провести серьезную дискуссию, основанную на логике, исторических свидетельствах и достижениях социологии.

92. См., напр.: *Hallonsten O. et al. The Role of Research Infrastructures in Innovation Systems: The Case of Swedish Participation in the Halden Reactor Project (Hrp)* // *Big Science and Research Infrastructures in Europe* / K. Cramer, O. Hallonsten (eds). Cheltenham: Edward Elgar, 2020. P. 177–197.

Слова признательности

Автор хотел бы поблагодарить всех коллег из Центра инноваций, исследований и компетенций в области экономики обучения (CIRCLE) Лундского университета за многочисленные и конструктивные комментарии к первоначальному варианту рукописи этой статьи.

Библиография

- Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Бок Д. Университеты в условиях рынка. Коммерциализация высшего образования. М.: ИД ВШЭ, 2012.
- Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма//Избр. произв. М.: Прогресс, 1990.
- Вебер М. Промежуточное рассмотрение: теория уровней и направлений религиозного неприятия мира//Он же. Хозяйственная этика мировых религий: опыты сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм. СПб.: Владимир Даль, 2017. С. 399–445.
- Друкер Ф. Эпоха разрыва. Ориентиры для нашего меняющегося общества. М.: Вильямс, 2007.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996.
- Коллини С. Зачем нужны университеты? М.: ИД ВШЭ, 2016.
- Мертон Р.К. Наука и социальный порядок//Личность. Культура. Общество. 2000. Т. 2. Вып. 2. С. 151–168.
- Мертон Р.К. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия//Социологический журнал. 2009. № 2. С. 5–17.
- Поппер К. Логика научного исследования. М.: Астрель, 2010.
- Ридингс Б. Университет в руинах. М.: ИД ВШЭ, 2021.
- Стиглиц Дж. Ю. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Национальный общественно-научный фонд, 2003.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
- Agar J. Science in the Twentieth Century and Beyond. Cambridge: Polity Press, 2012.
- Andreasen L.E. Europe's Next Step: Organisational Innovation, Competition and Employment. Abingdon: Routledge, 1995.
- Baldwin M. Scientific Autonomy, Public Accountability, and the Rise of "Peer Review" in the Cold War United States //Isis. 2018. Vol. 109. № 3. P. 538–558.
- Berman E.P. Creating the Market University. How Academic Science Became an Economic Engine. Princeton: Princeton University Press, 2012.
- Berman E.P. Not Just Neoliberalism: Economization in Us Science and Technology Policy//Science, Technology & Human Values. 2014. Vol. 39. № 3. P. 397–431.
- Bernal J.D. The Social Function of Science. Cambridge: MIT Press, 1967.
- Blasi B., Romagnosi S., Bonaccorsi A. Do SSH Researchers Have a Third Mission (And Should They Have)?//The Evaluation of Research in Social Sciences and Humanities/A. Bonaccorsi (ed.). N.Y.: Springer, 2018. P. 361–392.
- Bonaccorsi A. Towards an Epistemic Approach to Evaluation in SSH//The Evaluation of Research in Social Sciences and Humanities/A. Bonaccorsi (ed.). N.Y.: Springer, 2018. P. 20–21.
- Bourdieu P. Acts of Resistance: Against the Tyranny of the Market. N.Y.: The New Press, 1998.

- Butler L. Assessing University Research: A Plea for a Balanced Approach//Science and Public Policy. 2007. Vol. 34. № 8. P. 565–574.
- Cairney P. The Politics of Evidence-Based Policy Making. L.: Palgrave Macmillan, 2016.
- Campbell R., Meadows A. Scholarly Journal Publishing: Where Do We Go From Here?//Learned Publishing. 2011. Vol. 24. № 3. P. 171–181.
- Cohen I.B. Revolution in Science. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1985.
- Cole J.R. The Great American University: Its Rise to Preeminence, Its Indispensable National Role, Why It Must Be Protected. N.Y.: Public Affairs, 2009.
- Cole J.R. Academic Freedom Under Fire //Who's Afraid of Academic Freedom?/ A. Bilgrami, J.R. Cole (eds). N.Y.: Columbia University Press, 2015. P. 27–39.
- Cole J.R., Cole S. Social Stratification in Science. Chicago: The University of Chicago Press, 1973.
- Cozzens S.E. The Discovery of Growth: Statistical Glimpses of Twentieth-Century Science//Companion to Science in the Twentieth Century/J. Krige, D. Prestre (eds). Abingdon: Routledge, 2003. P. 127–141.
- Critical Studies of Innovation: Alternative Approaches to the Pro-Innovation Bias/B. Godin, D. Vinck (eds). Cheltenham: Edward Elgar, 2017.
- Dosi G., Llerana P., Labini M.S. The Relationships Between Science, Technologies and Their Industrial Exploitation: An Illustration Through the Myths and Realities of the So-Called “European Paradox”//Research Policy. 2006. Vol. 35. № 10. P. 1450–1464.
- Edquist C., McKelvey M. High R&D Intensity Without High Tech Products: A Swedish Paradox//Institutions and Economic Change: New Perspectives on Markets, Firms and Technology/K. Nielsen, B. Johnson (eds). Cheltenham: Edward Elgar, 1998.
- Ejermo O., Kander A. The Swedish Paradox Revisited//Entrepreneurship and Innovation in Functional Regions/C. Karlsson et al. (eds). Cheltenham: Edward Elgar, 2009.
- Elzinga A. Features of the Current Science Policy Regime: Viewed in Historical Perspective the Swedish Paradox Revisited//Science and Public Policy. 2012. Vol. 39. № 4. P. 416–428.
- Engines of Innovation: US Industrial Research at the End of an Era/R.S. Rosenbloom, W.J. Spencer (eds). Cambridge: Harvard Business School Press, 1996.
- Espeland W.N., Sauder M. Rankings and Reactivity: How Public Measures Recreate Social Worlds//American Journal of Sociology. 2007. Vol. 13. № 1. P. 1–40.
- Geiger R.L., Sá C. Tapping the Riches of Science: Universities and the Promise of Economic Growth. Cambridge: Harvard University Press, 2008.
- Gertner J. The Idea Factory. Bell Labs and the Great Age of American Innovation. N.Y.: Penguin, 2012.
- Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.
- Ginsberg B. The Fall of the Faculty. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Giroux H.A. The University in Chains: Confronting the Military-Industrial-Academic Complex. Boulder: Paradigm Publishers, 2007.
- Godin B. The Linear Model of Innovation. The Historical Construction of an Analytical Framework//Science, Technology, & Human Values. 2006. Vol. 31. № 6. P. 639–667.
- Expertisation and Democracy in Europe/M. Góra et al. (eds). Abingdon: Routledge, 2018.
- Granberg A., Jacobsson S. Myths or reality: A scrutiny of dominant beliefs in the Swedish science policy debate//Science and Public Policy. 2006. Vol. 33. № 5. P. 321–340.
- Greenberg D.S. Science for Sale: The Perils, Rewards and Delusions of Campus Capitalism. Chicago: The University of Chicago Press, 2007.

- Gribbe J., Hallonsten O. The Emergence and Growth of Materials Science in Swedish Universities//Historical Studies in the Natural Sciences. 2017. Vol. 47. № 4. P. 459–493.
- Guston D. Between Politics and Science: Assuring the Integrity and Productivity of Research. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Hagstrom W. The Scientific Community. N.Y.: Basic Books, 1965.
- Hallonsten O. Big Science Transformed. Science, Politics and Organization in Europe and the United States. L.: Palgrave Macmillan, 2016.
- Hallonsten O. On the Essential Role of Organized Skepticism in Science's "Internal and Lawful Autonomy" (Eigengesetzlichkeit)//Journal of Classical Sociology. March 2021. doi:10.1177/1468795X211000247.
- Hallonsten O. et al. The Role of Research Infrastructures in Innovation Systems: The Case of Swedish Participation in the Halden Reactor Project (HRP)//Big Science and Research Infrastructures in Europe/K. Cramer, O. Hallonsten (eds). Cheltenham: Edward Elgar, 2020. P. 177–197.
- Han B.C. The Burnout Society. Palo Alto: Stanford University Press, 2015.
- Hazelkorn E. Rankings and the Reshaping of Higher Education. The Battle for World-Class Excellence. L.: Palgrave Macmillan, 2011.
- Hicks D. Performance-Based University Research Funding Systems//Research Policy. 2012. Vol. 41. № 2. P. 251–261.
- History of the University in Europe. Vol. 2: Universities in Early Modern Europe (1500–1800)/H. De Ridder-Symoens (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Hood C. The "New Public Management" in the 1980s: Variations on a Theme//Accounting, Organizations and Society. 1995. Vol. 20. № 3. P. 93–109.
- Hull D.L. Science as a Process. Chicago: The University of Chicago Press, 1989.
- Irvine J., Martin B.R. Foresight in Science. Picking the Winners. L.: Pinter Publishers, 1984.
- Jacobsson S., Rickne A. How large is the Swedish "academic" sector really? A critical analysis of the use of science and technology indicators//Research Policy. 2004. Vol. 33. № 9. P. 1355–1372.
- Kevles D.J. The Physicists: The History of a Scientific Community in Modern America. Cambridge: Harvard University Press, 1995.
- Knowledge Society vs Knowledge Economy: Knowledge, Power, and Politics/ S. Sörlin, H. Vessuri (eds). L.: Palgrave Macmillan, 2007. P. 1–2.
- Luhmann N. Soziale Systeme. Grundriß einer allgemeinen Theorie. B.: Suhrkamp, 1984.
- Macdonald S. Emperor's New Clothes: The Reinvention of Peer Review as Myth//Journal of Management Inquiry. 2015. Vol. 24. № 3. P. 264–279.
- Martin B.R. The Research Excellence Framework and the "Impact Agenda": Are We Creating a Frankenstein Monster?//Research Evaluation. 2011. Vol. 20. № 3. P. 247–254.
- Mazzucato M. The Entrepreneurial State: Debunking Public vs Private Sector Myths. N.Y.: Public Affairs, 2015.
- Medawar P. Pluto's Republic. Oxford: Oxford University Press, 1982.
- Merton R.K. Science, Technology and Society in Seventeenth Century England. Atlantic Highlands: Humanities Press, 1970.
- Merton R.K. The Normative Structure of Science//The Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations/N.W. Storer (ed.). Chicago: The University of Chicago Press, 1973. P. 270.
- Merton R.K. Priorities in Scientific Discovery//The Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations./N.W. Storer (ed.). Chicago: The University of Chicago Press, 1973. P. 286–324.
- Mirowski P. Science-Mart. Privatizing American Science. Cambridge: Harvard University Press, 2011.

- Mody C. *Instrumental Community: Probe Microscopy and the Path to Nanotechnology*. Cambridge: MIT Press, 2011.
- Mody C. *The Long Arm of Moore's Law*. Cambridge: MIT Press, 2016.
- Muller J.Z. *The Tyranny of Metrics*. Princeton: Princeton University Press, 2018.
- Münch R. *Understanding Modernity. Towards a New Perspective Going Beyond Durkheim and Weber*. Abingdon: Routledge, 2011.
- Münch R. *Academic Capitalism. Universities in the Global Struggle for Excellence*. Abingdon: Routledge, 2014.
- Nelson R.R., Winter S.G. *An Evolutionary Theory of Economic Change*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1982.
- Östling J. *Humboldt and the Modern German University. An Intellectual History*. Lund: Lund University Press, 2018.
- Pacchioni G. *The Overproduction of Truth*. Oxford: Oxford University Press, 2018.
- Parsons T. *The Social System*. L.: Tavistock, 1952.
- Parsons T. *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*. Upper Saddle River: Prentice Hall, 1966.
- Parsons T., Platt G.M. *The American University*. Cambridge: Harvard University Press, 1973.
- Pestre D. *Science, Political Power and the State//Companion to Science in the Twentieth Century/J. Krige, D. Pestre (eds)*. Abingdon: Routledge, 2003. P. 61–76.
- Pithan D. *The Discursive Legitimation of New Ideas. Emergence and Diffusion of the Industrial Research Laboratory in the United States, 1870–1930*. PhD Thesis. Wuppertal University, Germany, 2019.
- Polanyi M. *The Tacit Dimension*. Chicago: The University of Chicago Press, 2009.
- Power M. *The Audit Society. Rituals of Verification*. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Puritanism and the Rise of Modern Science/I.B. Cohen (ed.). New Brunswick: Rutgers University Press, 1990.
- Radder H. *The Commodification of Academic Research. Science and the Modern Universities*. Cambridge: Harvard University Press, 2010.
- Radder H. *From Commodification to the Common Good Reconstructing Science, Technology, and Society*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2019.
- Ravetz J. *Scientific Knowledge and its Social Problems*. Piscataway: Transaction Publishers, 1971.
- Transformations in Research, Higher Education and the Academic Market. The Breakdown of Scientific Thought/S. Rider et al. (eds)*. N.Y.: Springer, 2012.
- The Social Survey in Historical Perspective/M. Bulmer et al. (eds)*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- Ridley M. *How Innovation Works. And Why it Flourishes in Freedom*. N.Y.: Harper, 2020.
- Roberts T., Shambrook J. *Academic Excellence: A Commentary and Reflections on the Inherent Value of Peer Review//Journal of Research Administration*. 2012. Vol. 43. № 1. P. 33–38.
- Schluchter W. *The Rise of Western Rationalism. Max Weber's Developmental History*. Berkeley: University of California Press, 1992.
- Somers M., Block F. *From Poverty to Perversity: Ideas, Markets and Institutions Over 200 Years of Welfare Debate//American Sociological Review*. 2005. Vol. 70. № 2. P. 260–287.
- Spaapen J., Sivertsen G. *Assessing Societal Impact of SSH in an Engaging World: Focus On Productive Interaction, Creative Pathways and Enhanced Visibility of SSH Research//Research Evaluation*. 2020. Vol. 29. № 1. P. 2.
- Stehr N. *Knowledge Societies*. L.: SAGE, 1994.
- The University Research System: The Public Policies of the Home of Scientists/B. Wittrock, A. Elzinga (eds)*. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1983.

- Tourish D. *Management Studies in Crisis. Fraud, Deception and Meaningless Research*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
- Välimaa J., Hoffman D. *Knowledge Society Discourse and Higher Education*//Higher Education. 2008. № 56. P. 265–285.
- Watermeyer R. *Competitive Accountability in Academic Life. The Struggle for Social Impact and Public Legitimacy*. Cheltenham: Edward Elgar, 2019.
- Weber M. *Religious Rejections of the World and Their Directions*//From Max Weber/H.H. Gerth, C.W. Mills (eds). Abingdon: Routledge, 2009. P. 328.
- Weingart P. *Impact of Bibliometrics upon the Science System: Inadvertent Consequences?*//Scientometrics. 2005. Vol. 62. № 1. P. 117–131.
- Westwick P.J. *The National Labs: Science in an American System 1947–1974*. Cambridge: Harvard University Press, 2003.
- Whitley R. *Changing Governance of the Public Sciences*//The Changing Governance of the Sciences/R. Whitley, J. Gläser (eds). N.Y.: Springer, 2007. P. 9–10.
- Whitley R. *The Intellectual and Social Organization of the Sciences*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Zuckerman H. *The other Merton thesis*//Science in Context. 1989. Vol. 3. № 1. P. 239–267.

Stop Evaluating Science: A Historical-Sociological Argument

Olof Hallonsten. Lund University (LU), Lund, Sweden, olof.hallonsten@fek.lu.se.

Although science has been a formidably successful force of social and technological development in the modern era, and a principal reason for the wealth and well-being of modern societies in comparison to those of the past, its current status in society is characterized by profound distrust. According to the prevalent discourse, science is insufficiently productive and needs stricter governance and bureaucratic management, with performance evaluation by the means of quantitative metrics as a key tool to increase efficiency. The basis of this notion appears to be the belief that the sole purpose, or at least the key purpose, of science is to drive economic growth or, alternatively, sustainable development in combination with economic growth. In this article, these beliefs are analysed and deconstructed with the help of a theoretical toolbox from classic sociology of science and recent conceptualizations of economization, democratization, and commodification of scientific knowledge and the institution of science. This connects these beliefs to broader themes of market fundamentalism and to the metric fixation of current society. With the help of a historical-sociological analysis, this article shows that the current ubiquity of performance evaluation in science is pointless, for the most part, and counterproductive, and that this state of science policy is in dire need of reevaluation in order to secure the continued productivity of research and its contribution to social and technological innovation.

Keywords: *democratization; economization; evaluation; metric fixation; sociology of science.*

References

- Agar J. *Science in the Twentieth Century and Beyond*, Cambridge, Polity Press, 2012.
- Andreasen L.E. *Europe's Next Step: Organisational Innovation, Competition and Employment*, Abingdon, Routledge, 1995.
- Baldwin M. *Scientific Autonomy, Public Accountability, and the Rise of 'Peer Review' in the Cold War United States*. *Isis*, 2018, vol. 109, no. 3, pp. 538–558.

- Beck U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society: Towards a New Modernity], Moscow, Progress-Traditsiya, 2000.
- Berman E.P. *Creating the Market University. How Academic Science Became an Economic Engine*, Princeton, Princeton University Press, 2012.
- Berman E.P. Not Just Neoliberalism: Economization in Us Science and Technology Policy. *Science, Technology, & Human Values*, 2014, vol. 39, no. 3, pp. 397–431.
- Bernal J.D. *The Social Function of Science*, Cambridge, MIT Press, 1967.
- Blasi B., Romagnosi S., Bonaccorsi A. Do SSH Researchers Have a Third Mission (And Should They Have)? *The Evaluation of Research in Social Sciences and Humanities* (ed. A. Bonaccorsi), New York, Springer, 2018, pp. 361–392.
- Bok D. *Universitety v usloviakh rynka. Kommertsializatsiia vysshego obrazovaniia* [Universities in the Marketplace: The Commercialization of Higher Education], Moscow, HSE Publishing House, 2012.
- Bonaccorsi A. Towards an Epistemic Approach to Evaluation in SSH. *The Evaluation of Research in Social Sciences and Humanities* (ed. A. Bonaccorsi), New York, Springer, 2018, pp. 1–29.
- Bourdieu P. *Acts of Resistance: Against the Tyranny of the Market*, New York, The New Press, 1998.
- Butler L. Assessing University Research: A Plea for a Balanced Approach. *Science and Public Policy*, 2007, vol. 34, no. 8, pp. 565–574.
- Cairney P. *The Politics of Evidence-Based Policy Making*, London, Palgrave Macmillan, 2016.
- Campbell R., Meadows A. Scholarly Journal Publishing: Where Do We Go From Here? *Learned Publishing*, 2011, vol. 24, no. 3, pp. 171–181.
- Cohen I.B. *Revolution in Science*, Cambridge, Belknap Press of Harvard University Press, 1985.
- Cole J.R. Academic Freedom Under Fire. *Who's Afraid of Academic Freedom?* (eds A. Bilgrami, J.R. Cole), New York, Columbia University Press, 2015, pp. 27–39.
- Cole J.R. *The Great American University: Its Rise to Preeminence, Its Indispensable National Role, Why It Must Be Protected*, New York, Public Affairs, 2009.
- Cole J.R., Cole S. *Social Stratification in Science*, Chicago, University of Chicago Press, 1973.
- Collini S. *Zachem nuzhny universitety?* [What Are Universities For?], Moscow, HSE Publishing House, 2016.
- Cozzens S.E. The Discovery of Growth: Statistical Glimpses of Twentieth-Century Science. *Companion to Science in the Twentieth Century* (eds J. Krige, D. Pestre), Abingdon, Routledge, 2003, pp. 127–141.
- Critical Studies of Innovation: Alternative Approaches to the Pro-Innovation Bias* (eds B. Godin, D. Vinck), Cheltenham, Edward Elgar, 2017.
- Dosi G., Llerana P., Labini M.S. The Relationships Between Science, Technologies and Their Industrial Exploitation: An Illustration Through the Myths and Realities of the So-Called “European Paradox”. *Research Policy*, 2006, vol. 35, no. 10, pp. 1450–1464.
- Drucker P. *Epokha razryva. Orientiry dlya nashego menyayushchegosya obshchestva* [The Age of Discontinuity: Guidelines to Our Changing Society], Moscow, Vil'yams, 2007.
- Durkheim É. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [De la division du travail social], Moscow, Kanon, 1996.
- Edquist C., McKelvey M. High R&D Intensity Without High Tech Products: A Swedish Paradox. *Institutions and Economic Change: New Perspectives on Markets, Firms and Technology* (eds K. Nielsen, B. Johnson), Cheltenham, Edward Elgar, 1998, pp. 131–149.
- Ejermo O., Kander A. The Swedish Paradox Revisited. *Entrepreneurship and Innovation in Functional Regions* (eds C. Karlsson, B. Johansson, R. Stough), Cheltenham, Edward Elgar, 2009, pp. 49–76.

- Elzinga A. Features of the Current Science Policy Regime: Viewed in Historical Perspective. *Science and Public Policy*, 2012, vol. 39, no. 4, pp. 416–428.
- Engines of Innovation: US Industrial Research at the End of an Era* (eds R.S. Rosenbloom, W.J. Spencer), Cambridge, Harvard Business School Press, 1996.
- Espeland W.N., Sauder M. Rankings and Reactivity: How Public Measures Recreate Social Worlds. *American Journal of Sociology*, 2007, vol. 13, no. 1, pp. 1–40.
- Expertisation and Democracy in Europe* (eds M. Góra, C. Holst, M. Warat), Abingdon, Routledge, 2018.
- Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Surveiller et punir. Naissance de la Prison], Moscow, Ad Marginem Press, 2018.
- Geiger R.L., Sá C. *Tapping the Riches of Science: Universities and the Promise of Economic Growth*, Cambridge, Harvard University Press, 2008.
- Gertner J. *The Idea Factory. Bell Labs and the Great Age of American Innovation*, New York, Penguin, 2012.
- Giddens A. *The Consequences of Modernity*, Cambridge, Polity Press, 1990.
- Ginsberg B. *The Fall of the Faculty*, Oxford, Oxford University Press, 2011.
- Giroux H.A. *The University in Chains: Confronting the Military-Industrial-Academic Complex*, Boulder, Paradigm Publishers, 2007.
- Godin B. The Linear Model of Innovation. The Historical Construction of an Analytical Framework. *Science, Technology & Human Values*, 2006, vol. 31, no. 6, pp. 639–667.
- Granberg A., Jacobsson S. Myths or Reality: A Scrutiny of Dominant Beliefs in the Swedish Science Policy Debate. *Science and Public Policy*, 2006, vol. 33, no. 5, pp. 321–340.
- Greenberg D.S. *Science for Sale: The Perils, Rewards and Delusions of Campus Capitalism*, Chicago, The University of Chicago Press, 2007.
- Gribbe J., Hallonsten O. The Emergence and Growth of Materials Science in Swedish Universities. *Historical Studies in the Natural Sciences*, 2017, vol. 47, no. 4, pp. 459–493.
- Guston D. *Between Politics and Science: Assuring the Integrity and Productivity of Research*, Cambridge, Cambridge University Press, 2000.
- Hagstrom W. *The Scientific Community*, New York, Basic Books, 1965.
- Hallonsten O. *Big Science Transformed. Science, Politics and Organization in Europe and the United States*, London, Palgrave Macmillan, 2016.
- Hallonsten O. On the Essential Role of Organized Skepticism in Science's "Internal and Lawful Autonomy" (Eigengesetzlichkeit). *Journal of Classical Sociology*, March 2021, doi:10.1177/1468795X211000247.
- Hallonsten O., Eriksson H., Collsiö A. The Role of Research Infrastructures in Innovation Systems: The Case of Swedish Participation in the Halden Reactor Project (Hrp). *Big Science and Research Infrastructures in Europe* (eds K. Cramer, O. Hallonsten), Cheltenham, Edward Elgar, 2020, pp. 177–197.
- Han B.C. *The Burnout Society*, Palo Alto, Stanford University Press, 2015.
- Hazelkorn E. *Rankings and the Reshaping of Higher Education. The Battle for World-Class Excellence*, London, Palgrave Macmillan, 2011.
- Hicks D. Performance-Based University Research Funding Systems. *Research Policy*, 2012, vol. 41, no. 2, pp. 251–261.
- History of the University in Europe. Vol. 2: Universities in Early Modern Europe (1500–1800)* (ed. H. De Ridder-Symoens), Cambridge, Cambridge University Press, 1996.
- Hood C. The "New Public Management" in the 1980s: Variations on a Theme. *Accounting, Organizations and Society*, 1995, vol. 20, no. 3, pp. 93–109.
- Hull D.L. *Science as a Process*, Chicago, The University of Chicago Press, 1989.
- Irvine J., Martin B.R. *Foresight in Science. Picking the Winners*, London, Pinter Publishers, 1984.
- Jacobsson S., Rickne A. How Large Is the Swedish 'Academic' Sector Really? A Critical Analysis of the Use of Science and Technology Indicators. *Research Policy*, 2004, vol. 33, no. 9, pp. 1355–1372.

- Kevles D.J. *The Physicists: The History of a Scientific Community in Modern America*, Cambridge, Harvard University Press, 1995.
- Knowledge Society vs Knowledge Economy: Knowledge, Power, and Politics* (eds S. Sörlin, H. Vessuri), London, Palgrave Macmillan, 2007.
- Luhmann N. *Soziale Systeme. Grundriß einer allgemeinen Theorie*, Berlin, Suhrkamp, 1984.
- Macdonald S. Emperor's New Clothes: The Reinvention of Peer Review as Myth. *Journal of Management Inquiry*, 2015, vol. 24, no. 3, pp. 264–279.
- Martin B.R. The Research Excellence Framework and the 'Impact Agenda': Are We Creating a Frankenstein Monster? *Research Evaluation*, 2011, vol. 20, no. 3, pp. 247–254.
- Mazzucato M. *The Entrepreneurial State: Debunking Public vs Private Sector Myths*, New York, Public Affairs, 2015.
- Medawar P. *Plato's Republic*, Oxford, Oxford University Press, 1982.
- Merton R.K. Nauka i sotsial'nyi porjadok [Science and the Social Order]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society], 2000, vol. 2, iss. 2, pp. 151–168.
- Merton R.K. Neprednamerennyye posledstviya prednamerennogo sotsial'nogo deistviya [The Unanticipated Consequences of Purposive Social Action]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 2009, no. 2, pp. 15–17.
- Merton R.K. Priorities in Scientific Discovery. *The Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations* (ed. N.W. Storer), Chicago, University of Chicago Press, 1973, pp. 286–324.
- Merton R.K. Science and the Social Order. *The Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations* (ed. N.W. Storer), Chicago, The University of Chicago Press, 1973, pp. 254–266.
- Merton R.K. *Science, Technology and Society in Seventeenth Century England*, Atlantic Highlands, Humanities Press, 1970.
- Merton R.K. The Normative Structure of Science. *The Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations* (ed. N.W. Storer), Chicago, The University of Chicago Press, 1973, pp. 270–278.
- Merton R.K. The Unanticipated Consequences of Purposive Social Action. *American Sociological Review*, 1936, vol. 1, no. 6, pp. 894–904.
- Mirowski P. *Science-Mart. Privatizing American Science*, Cambridge, Harvard University Press, 2011.
- Mody C. *Instrumental Community: Probe Microscopy and the Path to Nanotechnology*, Cambridge, MIT Press, 2011.
- Mody C. *The Long Arm of Moore's Law*, Cambridge, MIT Press, 2016.
- Muller J.Z. *The Tyranny of Metrics*, Princeton, Princeton University Press, 2018.
- Münch R. *Academic Capitalism. Universities in the Global Struggle for Excellence*, Abingdon, Routledge, 2014.
- Münch R. *Understanding Modernity. Towards a New Perspective Going Beyond Durkheim and Weber*, Abingdon, Routledge, 2011.
- Nelson R.R., Winter S.G. *An Evolutionary Theory of Economic Change*, Cambridge, Belknap Press of Harvard University Press, 1982.
- Östling J. *Humboldt and the Modern German University. An Intellectual History*, Lund, Lund University Press, 2018.
- Pacchioni G. *The Overproduction of Truth*, Oxford, Oxford University Press, 2018.
- Parsons T. *Societies: Evolutionary and Comparative Perspective*, Upper Saddle River, Prentice Hall, 1966.
- Parsons T. *The Social System*, London, Tavistock, 1952.
- Parsons T., Platt G.M. *The American University*, Cambridge, Harvard University Press, 1973.
- Pestre D. Science, Political Power and the State. *Companion to Science in the Twentieth Century* (eds J. Krige, D. Pestre), Abingdon, Routledge, 2003, pp. 61–76.

- Pithan D. *The Discursive Legitimation of New Ideas. Emergence and Diffusion of the Industrial Research Laboratory in the United States, 1870–1930*. PhD thesis. Wuppertal University, Germany, 2019.
- Polanyi M. *The Tacit Dimension*, Chicago, The University of Chicago Press, 2009.
- Popper K. *Logika nauchnogo issledovaniya* [Logik der Forschung], Moscow, Astrel', 2010.
- Power M. *The Audit Society. Rituals of Verification*, Oxford, Oxford University Press, 1997.
- Puritanism and the Rise of Modern Science* (ed. I. B. Cohen), New Brunswick, Rutgers University Press, 1990.
- Radder H. *From Commodification to the Common Good Reconstructing Science, Technology, and Society*, Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 2019.
- Radder H. *The Commodification of Academic Research. Science and the Modern Universities*, Cambridge, Harvard University Press, 2010.
- Ravetz J. *Scientific Knowledge and its Social Problems*, Piscataway, Transaction Publishers, 1971.
- Readings B. *The University in Ruins*, Cambridge, Harvard University Press, 1996.
- Readings B. *Universitet v ruinakh* [The University in Ruins], Moscow, HSE Publishing House, 2021.
- Ridley M. *How Innovation Works. And Why it Flourishes in Freedom*, New York, Harper, 2020.
- Roberts T., Shambrook J. Academic Excellence: A Commentary and Reflections on the Inherent Value of Peer Review. *Journal of Research Administration*, 2012, vol. 43, no. 1, pp. 33–38.
- Schluchter W. *The Rise of Western Rationalism. Max Weber's Developmental History*, Berkeley, University of California Press, 1992.
- Somers M., Block F. From Poverty to Perversity: Ideas, Markets and Institutions Over 200 Years of Welfare Debate. *American Sociological Review*, 2005, vol. 70, no. 2, pp. 260–287.
- Spaapen J., Sivertsen G. Assessing Societal Impact of SSH in an Engaging World: Focus On Productive Interaction, Creative Pathways and Enhanced Visibility of SSH Research. *Research Evaluation*, 2020, vol. 29, no. 1, pp. 1–3.
- Stehr N. *Knowledge Societies*, London, SAGE, 1994.
- Stiglitz J. E. *Globalizatsiya: trevozhnye tendentsii* [Globalization and Its Discontents], Moscow, Natsional'nyi obshchestvenno-nauchnyi fond, 2003.
- The Social Survey in Historical Perspective* (eds M. Bulmer, K. Bales, K. Kish Sklar), Cambridge, Cambridge University Press, 1991.
- The University Research System: The Public Policies of the Home of Scientists* (eds B. Wittrock, A. Elzinga), Stockholm, Almqvist & Wiksell International, 1983.
- Tourish D. *Management Studies in Crisis. Fraud, Deception and Meaningless Research*, Cambridge, Cambridge University Press, 2019.
- Transformations in Research, Higher Education and the Academic Market. The Breakdown of Scientific Thought* (eds S. Rider, Y. Hasselberg, A. Waluszewski), New York, Springer, 2012.
- Välimaa J., Hoffman D. Knowledge Society Discourse and Higher Education. *Higher Education*, 2008, no. 56, pp. 265–285.
- Watermeyer R. *Competitive Accountability in Academic Life. The Struggle for Social Impact and Public Legitimacy*, Cheltenham, Edward Elgar, 2019.
- Weber M. *Khozyaistvennaya etika mirovykh religii: opyty sravnitel'noi sotsiologii religii. Konfutsianstvo i daosizm* [Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen: Vergleichende religionssoziologische Versuche. Konfuzianismus und Taoismus], Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2017.
- Weber M. *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works], Moscow, Progress, 1990.

- Weber M. Religious Rejections of the World and Their Directions. *From Max Weber* (eds H.H. Gerth, C.W. Mills), Abingdon, Routledge, 2009, pp. 323–359.
- Weingart P. Impact of Bibliometrics Upon the Science System: Inadvertent Consequences? *Scientometrics*, 2005, vol. 62, no. 1, pp. 117–131.
- Westwick P.J. *The National Labs: Science in an American System 1947–1974*, Cambridge, Harvard University Press, 2003.
- Whitley R. Changing Governance of the Public Sciences. *The Changing Governance of the Sciences* (eds R. Whitley, J. Gläser), New York, Springer, 2007, pp. 3–27.
- Whitley R. *The Intellectual and Social Organization of the Sciences*, 2nd ed., Oxford, Oxford University Press, 2000.
- Zuckerman H. The Other Merton Thesis. *Science in Context*, 1989, vol. 3, no. 1, pp. 239–267.

Пора взять дело в свои руки: оценка исследований в гуманитарных науках

Вильян ван ден Аккер

Вильян ван ден Аккер. Утрехтский университет, Утрехт, Нидерланды, w.j.vandenakker@uu.nl.

В этой статье аргументируется тезис, согласно которому гуманитарные науки, как и любая другая область знаний, должны иметь или разработать систему, с помощью которой в ней могли бы оцениваться исследования. В мире, где все чаще требуется обоснование государственного финансирования, где государственные средства становятся все более дефицитными и все меньшие суммы распределяются среди все большего числа игроков, в мире, где концентрация и распределение средств, выделенных на проведение исследований, сопряжены с весьма острой конкуренцией, мы, как гуманитарии, не можем уклоняться от оценки исследований под предлогом того, что «мы отличаемся от остальных» или «нам это не нужно». Конечно, гуманитарные науки — это особая область академического знания, но то же самое можно сказать о любой другой дисциплине. И если мы согласны с тем, что большинству представителей нашей области знаний совершенно не подходит библиометрия, то встает вопрос: а что же тогда нам подходит? Анализ конкретных примеров и обращение к неформализуемому понятию «репутация»? Помимо этого, в статье содержится следующее предупреждение: нужно прекратить споры о проблеме языка. Английский язык — это современная латынь научного мира и его использование позволяет нам общаться друг с другом, где бы мы ни находились и кем бы мы ни были. Не предлагая конкретных решений, я утверждаю, что нам, гуманитариям, нужно взять вопрос разработки адекватных форм оценки исследований в свои руки.

Ключевые слова: *библиометрия; экспертиза; язык академической коммуникации; гуманитарные науки; популяризация знания.*

Перевод с английского Ирины Дягилевой по изданию: Van den Akker W. Yes We Should; Research Assessment in the Humanities//Research Assessment in the Humanities Research Assessment in the Humanities: Towards Criteria and Procedures / M. Ochsner et al. (eds). В.: Springer, 2016. P. 23-29.

© 2016 Wiljan van den Akker. Статья распространяется на основе публичной лицензии Creative Commons (CC BY 2.5).

Предположим, я что-то в этом понимаю, более 25 лет проработав в области гуманитарных наук — в качестве преподавателя, исследователя, директора и декана. Отношение людей моей профессии к оценке исследований в любой форме можно описать так: «Мы не хотим это делать, потому что нам это не надо, нам это не нужно, потому что мы отличаемся от остальных, и поэтому нам это не нравится, и им не следует нас заставлять, потому что они нас не знают, они нас не понимают, мы им не нравимся». Образ ученого-гуманитария, уединенно работающего в мансарде над книгой, которая заменит все существующие книги и сделает ненужными книги, которые еще не написаны, все еще актуален.

Гуманитарные науки выработали ряд защитных механизмов, направленных против оценки исследований в целом. Я назову лишь три из них.

1. (Постоянно звучащий) аргумент интуиции: качество наших исследований не поддается измерению или количественной оценке. Мы узнаем качество, когда видим его. Мы прекрасно понимаем, кто хорош, а кто нет. Легко увидеть, что, хотя этот аргумент может (порой) оказаться верным, он совершенно не относится к делу. Ведь можно зайти с другой стороны и сказать, что критикуемый подход должен значительно облегчать оценивание исследований, даже из первой десятки или сотни. Любой, кто когда-либо осмеливался поднять этот вопрос, знает, что это равнозначно объявлению войны.
2. Второй механизм таков: гуманитарные науки в целом с принципиальной и практической точки зрения полностью отличаются от всех прочих дисциплин или областей знания, особенно от *точных или естественных наук*. Но это не так. Нет единого мерила, отделяющего гуманитарные науки от прочих научных областей. По сути, гуманитарные науки состоят из других дисциплин и областей, которые занимают самостоятельное место в сфере науки. Некоторые из них, например, лингвистика, весьма сходны с такими областями, как теоретическая физика. Другие близки к социальным наукам, как, например, значительная часть исторических дисциплин. Некоторые философы утверждают, что работают на одной территории с математикой.

3. Третий защитный механизм — это механизм второй, но с точностью до наоборот: поскольку такого идентифицируемого и унифицированного понятия, как *гуманитарные науки*, не существует, поскольку они служат средой обитания для различных видов, их невозможно сравнивать с другими отделами корпуса знаний. И вновь это неубедительный довод, поскольку то же самое можно сказать и о тех областях, которые мы обычно называем *точными* или *естественными науками* — медицинскими, техническими и т. д. и т. п. Попробуйте представить себе социальные науки с совершенно иными антропологическими и эмпирическими подходами.

Все эти защитные механизмы в современном мире не работают и бесполезны для будущего гуманитарных наук. Мы не можем и не должны настаивать на своем «отличии» лишь затем, чтобы избежать той или иной оценки своих исследований. Если мы продолжим в том же духе, то превратимся в младшую сестру или брата, которых лишь терпят за общим обеденным столом, рацион которых зависит от милости остальной семьи и на которых всегда смотрят свысока. Возможно, с дружелюбной улыбкой, но это ничего не меняет.

В недалеком будущем, в мире, который все чаще требует обоснования государственного финансирования, в мире, где государственные средства становятся все более дефицитными и все меньшие суммы распределяются среди все большего числа игроков, в мире, где концентрация и распределение средств, выделенных на проведение исследований, сопряжены с острой конкуренцией, нам, как гуманитариям, нужно определиться с позицией и заявить о том, что мы «взрослые» и хотим играть по общим правилам.

Возможно, и в прошлом наши защитные механизмы тоже не работали, но старшие братья и сестры просто оставляли нас в покое, и в этом может заключаться одна из причин недофинансирования гуманитарных наук в целом, не только в части исследований, но особенно — в части преподавания. В этом случае мы уже навредили сами себе и нужно как можно быстрее исправлять ситуацию, для того чтобы вновь стать сильным игроком на общем поле.

Если мы *по существу* не отличаемся от прочих научных областей, нам нужно признать, что, как и прочие члены семьи, мы не столь просты. Очевидно, что, обсуждая оценку исследований в гуманитарных науках, мы имеем дело

со сложным вопросом, — сложным с точки зрения сочетания ряда параметров, углов зрения, сходств, проблем и т. д. Назову лишь некоторые аспекты:

1. Между научной *практикой* ряда дисциплин, относящихся к гуманитарным наукам, существуют значительные различия. Эти различия могут влиять и влияют на выбор показателей качества. Есть области, где группы исследователей работают сообща над одним проектом — допустим, проверка той или иной теории, — поэтому они делают совместные публикации в журналах, так что анализ цитируемости может оказаться или точно окажется полезным. В других областях исследователи работают над разными темами, поэтому они публикуют работы по отдельности, так что анализ цитируемости может оказаться менее полезен.
2. Цикл жизни статей и книг, связанных с гуманитарными науками. В отличие от многих других областей науки, многое из того, что производим мы, гуманитарии, может возыметь эффект в (более) долгосрочной перспективе. Сравним это с ситуацией, например, в медицине, где многие исследования через два-три года, или даже раньше, утрачивают актуальность.
3. Цели и результаты исследований в разных областях гуманитарных наук различаются. В отличие от исследований, допустим, в теоретической физике, множество исследований в гуманитарных областях движимы намерением и, возможно, даже общественной миссией охранять, раскрывать, сберегать и интерпретировать международное и/или национальное наследие. И даже если не все исследователи этим довольны и с этим согласны, общество в целом часто смотрит на нас именно таким образом. Если не мы, то кто же? Это означает, что результатами таких исследований нельзя считать только статьи в научных журналах, они также состоят, например, в создании больших баз данных и в открытии больших собраний материалов, проведении выставок, археологических раскопок и т. д. Представьте себе объемы исторических и культурных материалов, находящиеся в архивах, музеях, библиотеках. Собрания данных, включая книги, для гуманитарных наук можно сравнить с лабораториями, кото-

рые так удорожают работу наших сородичей в *естественных науках*.

4. Вследствие этого целевая группа гуманитарных наук разнородна. С одной стороны, как и в любой другой научной области, накопленные нами знания ориентированы на наших коллег, с другой — мы обслуживаем большую неакадемическую аудиторию. Одна из проблем, с которой сталкиваются исследователи в гуманитарных науках, заключается в определении этой более широкой группы и оправдании нашего взаимодействия с ней. То, что, например, астрономы рассматривали бы как социальную *ретрансляцию* научных знаний и, соответственно, считали бы профессиональной журналистикой, для многих гуманитариев представляет собой основную деятельность. Но не всегда, — и здесь мы сталкиваемся с огромной проблемой, которую нужно решать. Не поймите меня неправильно, у меня нет готового ответа, но, на мой взгляд, возможное решение лежит в сфере рецензирования.
5. Все это показывает, что информационные каналы гуманитарных наук будут различаться. В некоторых областях *традиционная форма* книги остается главным, а то и единственно допустимым способом передачи знаний, как во многих исторических дисциплинах или в литературоведении. Но в других областях статьи в журналах пришли на смену более традиционной книге, именно это произошло в лингвистике. В этих областях книги обычно пишут для популяризации знаний или использования в учебных аудиториях в процессе преподавания.
6. Чрезвычайно «пожароопасным» вопросом в связи со всем этим является вопрос о языке нашей исследовательской работы. «Пожароопасным», поскольку зачастую в дискуссии присутствует националистический аспект, даже если он скрыт и в явной форме не упоминается. Аргументация в основном выглядит так: поскольку предмет моих научных исследований — нидерландская поэзия, я могу писать об этом только на нидерландском языке. Из-за языковедческой природы этой области исследований необходимы журналы на языке, отличном от английского. С этим связана аргументация, еще больше взывающая к *чувствам*: такая страна, как Нидерланды, име-

ет собственное культурное наследие и научный мир должен уважать его уникальность, допуская возможность высококачественной научной работы на нидерландском языке.

Конечно, Нидерланды можно заменить на Венгрию или Швейцарию. Если следовать этой логике, тот, кто пишет о польских романах на нидерландском языке, не вносит вклад в науку, а тот, кто пишет на ту же тему на польском, — наоборот. Эта логика не кажется мне вполне убедительной, но я также понимаю, что мои контраргументы спорны и будут подвергаться критике.

Прежде всего, было бы ошибкой думать, что большинство научных работ создаются на английском языке. Он выглядит и звучит как английский, но таковым не является. В лучшем случае это научный английский, подобно латыни, которую использовали много столетий назад. Латынь, на которой тогда писали и говорили ученые, была совсем не похожа на латынь древних римлян, что может подтвердить любой специалист. Ее договорились сделать *lingua franca* науки, что дало ученым всего мира фантастическую возможность общаться друг с другом, вне зависимости от страны происхождения и родного языка. И если смотреть на это так, то нет никаких веских причин, по которым исследователь, изучающий нидерландскую поэзию, должен помешать остальному миру познакомиться с полученными им результатами, создавая свою работу на нидерландском языке. Почему язык объекта исследований должен как-то влиять на язык, на котором мы, ученые, его обсуждаем? Само по себе то, что лишь малое количество людей в мире интересуются нидерландской поэзией, а многие вообще не знают о ее существовании, не играет никакой роли. Мало того: если писать о нидерландской поэзии только на нидерландском, это совершенно точно будет лучшей гарантией того, что мир так ничего о ней и не узнает.

Между тем здесь уместен и контраргумент. Любой, кто желает заниматься областью, которая является специфически нидерландской, должен выучить нидерландский язык. Если он этого не сделает, все необходимые документальные источники — первичный объект исследований — будут недоступны и останутся неизученными. Можно привести ряд примеров, взглянув на некоторых из самых выдающихся американских коллег. Например, Маргарет Джейкоб, заслуженный профессор истории Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе (UCLA), научилась читать по-нидерландски,

поскольку ее интересует эпоха европейского Просвещения. Она не может писать по-нидерландски или вести научные дискуссии на нидерландском языке, но она может читать источники. При этом ее книги и статьи написаны на английском языке. Результатом ее работы стало подтверждение влияния Нидерландов на то, что было принято считать эпохой, достижения которой были связаны почти исключительно с английской и французской культурами.

Национализму не место в мире науки, и в гуманитарных науках в том числе. Я привел в пример нидерландский язык, и поэтому этим примером можно пренебречь. Но если бы я был французом или немцем, я мог бы сказать то же самое. И опять же, говоря это, я отдаю себе полный отчет в том, что «новый» национализм сеет свои зерна по всей Европе.

7. Последний аспект — это уровень организации в гуманитарных областях науки или, скорее, ее отсутствие. Если по-прежнему считать гуманитарные науки множеством людей, которые по отдельности пишут свои книги, то нет абсолютно никакой необходимости во внутренней или внешней форме организации. Но если согласиться с тем, что этот образ гуманитарных наук уже неверен или верен лишь отчасти, организация становится существенным фактором. И вновь проблема состоит в том, что мы обсуждаем нечто очень сложное. Ведь существует несколько областей, где исследователи могли бы быть — и, на мой взгляд, должны быть — лучше организованы: в рамках отрасли или подотрасли науки, в рамках управляющей организации (департамента, школы, исследовательского института, факультета гуманитарных наук), национальных целевых фондов гуманитарных наук, Европейского научного фонда и/или Европейского исследовательского совета.

Короче говоря, мы, гуманитарии, плохо организованы. Посмотрите на астрономов. Суммы текущих к ним государственных средств совершенно несопоставимы с экономическим или социальным результатом их деятельности. Всего несколько дней назад СМИ Нидерландов пестрели заголовками об открытии новой солнечной системы в тринадцать миллиардов световых лет от нас. Последняя из известных солнечных систем находится от нас на расстоянии всего 12,9 миллиарда световых лет. Специалисты заявили, что

это открытие имеет большое значение. Почему? Этого они не сообщили. Они почти всегда умалчивают об этом. Мы говорим об «астрономической сумме», потраченной на что-либо. Представьте, если бы мы говорили о «гуманитарной сумме». Наряду со многими другими причинами, астрономы чрезвычайно хорошо организованы. Иными словами, они ведут большинство парадигматических баталий в стенах своего дома, за закрытыми дверями, при закрытых окнах, с опущенными шторами. В журналах *Nature* и *Science* полно статей об их открытиях, и у них есть армии хорошо обученных исследователей, которые способны транслировать наиболее туманные частицы новых знаний на более широкую аудиторию (и им за это платят). Они договорились о превосходном разделении труда: это делать в одной стране, а то — в другой. Я всегда поражался тому, почему астрономия в таком почете в Нидерландах, стране, обделенной солнцем. Они занимаются своими исследованиями индивидуально и коллективно — в маленьких и больших группах. Пятнадцать лет назад правительство Нидерландов объявило о том, что на ограниченное число исследований может быть выделена крупная сумма денег. Астрономы одержали победу с большим отрывом. Их исследовательская заявка была написана журналистом и называлась «Разгадаем тайны Вселенной». Представляете себе? Газеты по всему миру трубят: «Нидерланды разгадывают тайны Вселенной!».

Что касается гуманитарных наук, то и здесь есть области, которые одновременно крайне успешны и хорошо организованы. Например, археология, лингвистика и некоторые разделы истории, особенно социально-экономическая история. Возьмем лингвистику: мир лингвистики разделен на конкурирующие парадигмы и предметные области. Синтаксис, семантика, фонетика, нейролингвистика и когнитивные исследования, сторонники и противники Хомского. Но они хорошо организованы, пользуются одними и теми же площадками для публикаций, проводят авторитетные международные конференции, готовы работать над междисциплинарными проектами — только подумайте о нейролингвистике и ее влиянии на проблему коррекции дефектов речи в последние десять лет. Неслучайно именно эта отрасль гуманитарных наук уже работает с лабораториями и крупными базами данных. Недавно лингвистика была включена в перечень Европейского стратегического форума по исследовательским инфраструктурам (ESFRI) — Европейский план развития крупных исследова-

тельских инфраструктур (*European Roadmap for large scientific infrastructure*).

Нужно ли нам всем копировать лингвистику? Конечно нет. Но нам нужно взглянуть на процесс организации с более умозрительной точки зрения. Нам следует приступить к работе одновременно на нескольких уровнях. На самом нижнем уровне — начать анализ предметной области той или иной дисциплины или группы дисциплин. Например, литературоведения, если говорить о моей собственной научной области. Одновременно, возможно, нам следует организовать процесс оценки исследований на национальном уровне, как это делают Норвегия, Дания и Бельгия. Конечно, сравнение с эталонами (бенчмаркинг) — один из необходимых факторов, но так мы могли бы хотя бы сразу не опуститься на дно. Я вполне убежден, что Германия идет по правильному пути, отбирая ограниченное число университетов и присваивая им статус исследовательских, а затем выделяя им пропорционально больше финансирования. Конечно, можно подвергнуть критике используемые критерии, но тем не менее.

Я полагаю, что мы, как гуманитарии, не слишком хорошо подготовимся к будущему, если продолжим делать публичными наши исследования лишь на уровне отдельных членов профессорско-преподавательского состава. Нам нужно больше исследовательских проектов, больше научно-исследовательских институтов внутри, а не вне университетов. Нам явно нужно прекратить рассказывать миру о том, что мы *другие*. Оценка исследований — это сложная вещь, не в том смысле, что она слишком трудна или невозможна, а в том смысле, что это комплексная оценка. Примем во внимание все различные параметры, дадим себе достаточно времени, но будем продвигаться вперед.

Два года назад в Нидерландах инициировали общенациональный проект, получивший название «Устойчивые гуманитарные науки». Это призыв увеличить финансирование гуманитарных наук. Но это не традиционная мольба о снисхождении: мир, взгляни на эти бедные экзотические дисциплины, посмотри, как они вянут, подобно прекрасным цветам, одиноко отцветающим посреди безводной пустыни, без надежды расцвести вновь. Напротив. Посыл таков: взгляните, как много студентов занимаются изучением медиа, историей, коммуникациями, посмотрите, насколько отличается соотношение студентов и преподавателей от показателей средней школы. Многие университетские профессора,

преподающие гуманитарные науки, имеют такую высокую преподавательскую нагрузку, что у них практически не остается возможности для серьезных исследований. Посмотрите на нашу смену: среди них до смешного мало кандидатов в доктора и докторов наук.

Проект также содержит призыв к самим гуманитарным наукам начать общенациональный процесс оценки исследований. Приведу цитату из доклада:

Помимо рецензирования, в международной оценке исследований все чаще используются библиометрические инструменты, такие как индексы цитируемости и импакт-факторы. Это параметры, которые можно использовать в естественных науках, технических науках и медицине. Но сейчас общепризнанным фактом, в том числе в международном сообществе, является то, что эти инструменты не всегда подходят для определения качества исследований в гуманитарных науках. Так, в 2000 году Европейский научный фонд (ESF) пришел к заключению, что директивным органам в Европе не следует использовать индекс цитирования в области искусства и гуманитарных наук (АНЦИ) и индекс научного цитирования ISI (*Institute for Scientific Information* — Институт научной информации, Филадельфия). Применительно к гуманитарным наукам эти индексы славятся своей ненадежностью из-за преобладания англоязычной литературы, в особенности литературы, опубликованной в США, и из-за того, что они не охватывают корпус монографий. Европейский индекс цитирования в области гуманитарных наук (ERIH), который с тех пор развивался под эгидой ESF, все еще применяется недостаточно широко для того, чтобы заполнить этот пробел. Проблема не столько в том, что в гуманитарных науках невозможно определить качество. Не хватает действенного инструмента, способного учитывать особый характер гуманитарных исследований и при этом измерять качество во всей научной области. Из-за особого характера этих предметов контрольные показатели, используемые для их оценки, также должны быть особыми. Относительно небольшое количество *премий*, присуждаемых в этой сфере, усугубляет нехватку показателей и еще больше осложняет оценку качества исследований (и исследователей) в гуманитарных науках. Слишком часто

в гуманитарных науках это создает серьезные проблемы для исследователей, занимающих верхние строчки рейтингов¹.

Таким образом, Королевская академия искусств и наук Нидерландов приняла вызов и опубликовала национальный доклад об оценке исследований в гуманитарных науках².

Признание гуманитарных наук особым элементом корпуса научных знаний приводит к выводу о том, что гуманитариям следует взять дело в свои руки и разработать адекватные формы оценки исследований самостоятельно. Если мы доверим это другим, гуманитарные науки станут похожи на руки, прикрепленные к ногам.

Библиография

- Sustainable Humanities: Report From the Committee on the National Plan for the Future of the Humanities. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2009. URL: <https://library.oapen.org/handle/20.500.12657/35328>.
- Quality Indicators for Research in the Humanities. Amsterdam: Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences, 2011. URL: <https://knaw.nl/shared/resources/actueel/publicaties/pdf/quality-indicators-for-research-in-the-humanities>.

Yes We Should: Research Assessment in the Humanities

Wiljan van den Akker. Utrecht University, Utrecht, Netherlands, w.j.vandenakker@uu.nl.

In this contribution I argue that the humanities, just like any other mature field of knowledge, should have or develop a system by which its research can be assessed. In a world that increasingly asks for the justification of public spending, where less and less public money must be distributed among more and more social players, where research funds are being concentrated and distributed on a highly competitive basis, we as humanists cannot shy away from research assessment with the argument that “we are different from the rest” or that “we don’t need it”. Of course the humanities are a distinct member of the body of academic knowledge, but that holds true for every discipline. If we agree that, for instance that bibliometrics does not suit most players in our field, the question becomes: what would better suit us? Case-studies? This contribution also contains a warning: let us stop arguing about the language issue. English is the modern Latin of academia and its use enables us to communicate with one another, wherever we are or whomever we are. Without providing definite solutions, my argu-

-
1. Sustainable Humanities: Report From the Committee on the National Plan for the Future of the Humanities. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2009. URL: <https://library.oapen.org/handle/20.500.12657/35328>. P. 34.
 2. Quality Indicators for Research in the Humanities. Amsterdam: Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences, 2011. URL: <https://knaw.nl/shared/resources/actueel/publicaties/pdf/quality-indicators-for-research-in-the-humanities>.

ment is that we humanists should take the steering wheel ourselves in developing adequate forms of research assessment. If we leave it to others, the humanities will end up looking like arms attached to a foot.

Keywords: bibliometrics; expert assessment; language of academic communication; humanities; popularization of knowledge.

References

- Sustainable Humanities: Report From the Committee on the National Plan for the Future of the Humanities. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2009. URL: <https://library.oapen.org/handle/20.500.12657/35328>.
- Quality Indicators for Research in the Humanities. Amsterdam: Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences, 2011. URL: <https://knav.nl/shared/resources/actueel/publicaties/pdf/quality-indicators-for-research-in-the-humanities>.

Значение языка в трауершпиле и трагедии [1]*

Вальтер Беньямин

*В квадратных скобках даны ссылки на примечания переводчиков,
помещенные в конце текста

Вальтер Беньямин. Немецкий философ и культурный критик (1892–1940).

Этот ранний, написанный в 1916 году текст Вальтера Беньямина обнаруживает ту комплексность рассуждений и уникальность стиля на пересечении философии и литературы, которые характерны для более поздних работ автора. Так, задаваясь вопросом о роли слова в трагедии и трауершпиеле, Беньямин не ограничивается анализом этих жанров, но рисует метафизическую картину природы, стремящейся быть высказанной и вступающей потому в «чистилище языка». Именно перипетии этого движения образуют контекст для нового определения интересующих Беньямина феноменов: драматического искусства вообще, трагедии и трауершпиеля в частности, чувства скорби и жалобы как его выражения, значения и истории. Видя в самом различии между словом и значением принцип трауершпиеля как драмы скорби, Беньямин ставит вопрос о преодолении этой противоположности в искусстве. Решение этой задачи приводит автора к музыке как «спасительной мистерии» трауершпиеля: в драматической игре, будучи услышанным в полноте своего звучания, слово может по-новому преисполниться смыслом, даруя природе избавление высказанности по ту сторону категории значения. Таким образом, если трагедия устанавливает закономерность и нерасторжимый порядок речи, то трауершпиль приводит ее в движение, освобождая скорбь природы и растворяя ее в музыке как «языке чистого чувства». Эссе не только отражает спектр проблем и мыслительных ходов в раннем творчестве философа (в особенности в контексте работы «О языке вообще и о языке человека», написанной в том же году), но и может рассматриваться как один из первых набросков книги Беньямина «Происхождение немецкой барочной драмы» (1925).

Ключевые слова: *трауершпиль; трагедия; язык; философия языка; исток; искусство; значение; скорбь; музыка.*

Перевод с немецкого Никиты Загвоздкина и Юлианы Каминской по изданию: © Benjamin W. Die Bedeutung der Sprache in Trauerspiel und Tragödie // Gesammelte Schriften / R. Tiedemann, H. Schweppenhäuser (Hg.). Fr.a.M.: Suhrkamp, 1977–1999. Bd. 2. T. 1. S. 137–140. Все ссылки даются по этому изданию.

О давних новостях бутылочной почты. Послание из прошлого. Предисловие к публикации

Работа «Значение языка в трауершпиле и трагедии» была написана Вальтером Беньямином (1892–1940) в 1916 году. В этом небольшом фрагменте двадцатичетырехлетний философ ставит перед собой масштабную задачу: рассмотреть две драматические формы — трагедию и трауершпиль — как стадии движения, которое слово совершает в сфере искусства. В такой постановке вопроса пересекаются философия языка и эстетика, соединение которых не является для Беньямина привходящим. Связь между словом и искусством обнаруживает метафизический смысл, а рассуждения философа выстраиваются вокруг идеи спасения — спасения языка и искусства, более того, человека и природы.

«Значение языка в трауершпиле и трагедии» обнаруживает стремления и прозрения раннего Беньямина, которые позднее развернулись в книге «Происхождение немецкой барочной драмы» (1925). Связь двух работ была ясно осознана автором. Так, в 1926 году Беньямин писал Гуго фон Гофмансталю (1874–1929):

Наконец, ваше письмо поразило меня указанием на подлинный, столь глубоко спрятанный центр этой работы: толкование образа, письма и музыки действительно образует изначальную клетку (*Urzelle*) работы, дословно перекликающейся с юношеским трехстраничным опытом «О языке в трауершпиле и трагедии»¹.

Таким образом, предлагаемый текст может послужить еще одним ключом к «Происхождению немецкой барочной драмы», к лабиринту тех проблем, которые стояли перед Беньямином в начале его философского пути.

Работа «Значение языка в трауершпиле и трагедии» не была опубликована при жизни автора и дошла до нас как рукописная копия, выполненная Гершомом Шолемом (1897–1982) и сохраненная в его архиве. Датировка работы 1916 годом основана на двух письмах Беньямина — Герберту Белмору (1893–1978) и Гершому Шолему, — написанных соответственно в 1916 и 1918 годах². Рольф Тидеман и Герман Швеппенхойзер, издатели полного собрания сочинений, уточняют время возникновения текста. По их мне-

1. *Benjamin W. Briefe* / Th. W. Adorno, G. Scholem (Hg.). Fr.a.M.: Suhrkamp, 1966. Bd. I. S. 437.

2. *Ibid.* S. 130–132, 179–185.

нию, заметка была написана между июнем и ноябрем 1916 года³. При этом исследователи исходят из предположения, что в упомянутом письме Белмору Бенъямин перечисляет свои работы в хронологическом порядке.

Независимо от отношения к приведенной гипотезе можно утверждать, что 1916 год был важным для становления молодого философа. В этом году Бенъямин написал две работы, также оставшиеся неопубликованными при жизни автора и разделяющие с предлагаемым текстом общее проблемное поле: «Трауершпиль и трагедия» (*Trauerspiel und Tragödie*)⁴ и «О языке вообще и о языке человека» (*Über Sprache überhaupt und über die Sprache des Menschen*)⁵. Одни и те же темы отражаются и преломляются в трех текстах, позволяя осмыслить раннее творчество Бенъямина и увидеть истоки его знаменитой книги о немецком барокко⁶.

Никита Загвоздкин

Сфера трагического основывается на закономерности [2] речи, произносимой людьми. Нет трагической пантомимы. Нет и трагического стихотворения, трагического романа или трагического события. Суть не только в том, что трагическое существует исключительно в пределах драматической человеческой речи; оно, более того, является единственной формой, которая изначально присуща человеческому разговору [3]. Это значит, не существует трагизма вне общения между людьми и не существует иной формы такого общения, помимо трагической. Повсюду, где возникает нетрагическая драма, обнаруживается вовсе не изначально разворачивающийся собственный закон человеческой речи. Вместо него являет себя лишь чувство или отношение в языковой связанности, на языковой стадии.

Разговор в своих чистых проявлениях не скорбен [4], а также и не комичен, он — трагичен. В этом отношении тра-

3. *Idem.* Gesammelte Schriften/R. Tiedemann, H. Schweppenhäuser (Hg.). Fr.a.M.: Suhrkamp. Bd. 2. T. 3. S. 924–925.

4. *Ibid.* S. 133–137.

5. *Ibid.* S. 140–157; См.: Бенъямин В. О языке вообще и о языке человека// Он же. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения: Сб. ст. М.: РГГУ, 2012. С. 7–26.

6. Подробнее об этом см. в комментариях Тидемана и Швеппенхойзера: *Benjamin W. Gesammelte Schriften/R. Tiedemann, H. Schweppenhäuser (Hg.). Fr.a.M.: Suhrkamp. Bd. 1. T. 3. S. 884.*

гедия — классическая и чистая драматическая форма. Сфера скорбного не заключается и не выражается глубочайшим и единственным образом ни в драматическом слове, ни в слове как таковом. Бывают ведь не только трауершпили, более того — подобная драма не является самым скорбным бытием в мире, печальнее может быть какое-либо стихотворение или рассказ, чья-либо жизнь. Ведь скорбь не является, подобно трагизму, господствующей мощью, нерасторжимым и неминуемым законом порядков, находящихся свое завершение в трагедии. Она является чувством. Каково метафизическое соотношение этого чувства со словом, с произносимой речью? В этом загадка драмы скорби, трауершпиля: какая внутренняя связь, сущностная для скорби, позволяет ей выйти из наличного бытия [5] чистых чувств и войти в строй искусства?

В трагедии слово и трагизм возникают одновременно, симультанно [6], каждый раз в одном и том же месте. Всякая речь в трагедии имеет для нее определяющее значение. Именно чистое слово является непосредственно трагическим. Каким образом язык как таковой [7] мог бы исполнить скорби и стать ее выражением — таков основной вопрос трауершпиля наряду с предшествующим: как скорбь, будучи чувством, находит путь в языковой строй искусства? Слово, действующее согласно его чистому основному значению, становится трагическим. Слово как чистый носитель своего значения есть чистое слово. Однако наряду с ним существует и другое слово, которое перевоплощается [8], обращаясь от одной области, от своего истока [9], к другой, к устью. Перевоплощающееся слово является языковым принципом трауершпиля. Оно обладает собственным миром чувств, в котором оно как звук природы просветляется, становясь чистым звуком чувства. Для такого слова язык является лишь некоей стадией в круге перевоплощения, и в таком слове высказывается драма скорби, трауершпиль. Она описывает путь от природного звука через жалобу [10] к музыке. Звук симфонически раскладывается на части в трауершпили, и это является одновременно музыкальным принципом его языка и драматическим принципом его раздвоения и расщепления на персонажей. Именно природа — и исключительно ради чистоты своих чувств — вступает в чистилище языка, и сущность трауершпиля уже заключена в древней мудрости: вся природа начала бы стенать и жаловаться, будь ей предоставлен язык [11]. Ведь трауершпиль является не течением чувства, проходящего в высших сферах сквозь

чистый мир слов, вливающегося в музыку, возвращающегося назад, к высвободившейся скорби умиротворенного чувства; напротив, посреди этого пути природа обнаруживает, что язык ее предал, и та чудовищная скованность чувства становится скорбью. Так природа, сталкиваясь со смысловой двойственностью слова, с его *значением*, задерживает свое движение, и когда творение стремится излиться в чистоту, человек несет его венец. Таково значение короля в трауершпиле, таков и смысл главных и государственных действий [12]. Они представляют скованность природы, словно бы чудовищный застой чувства, которому в слове неожиданно открывается новый мир, мир значения, бесчувственного исторического времени, а король, в свою очередь, является и человеком — завершением природы, и королем — носителем и символом значения. История получает начало одновременно со значением в человеческом языке, язык этот застывает в значении, трагизм надвигается, и человек, венец творения, сохраняется для чувства лишь становясь королем — символом в качестве носителя этого венца. И природа трауершпиля остается торсом [13] в этом возвышенном символе, скорбь наполняет чувственный мир, в котором неожиданно встречаются природа и язык.

В трауершпиле оба метафизических принципа повторения — цикл и повторение, круг и двоица — пронизывают друг друга и выражают метафизический порядок такой драмы [14]. Ведь именно круг чувства находит завершение в музыке и именно двоица слова и его значения разрушает [15] покой глубинного томления и простирает скорбь по природе. Соперничество [16] звука и значения остается для трауершпиля призрачной, ужасной силой; его одержимая языком природа становится добычей нескончаемого чувства, как и размышляющий Полоний, которого охватывает безумие [17]. Однако эта игра должна обрести избавление, и для трауершпиля такой спасительной мистерией является музыка; возрождение чувств в природе по ту сторону ощущений.

Необходимость избавления определяет игровой характер этой формы искусства. Ведь в сравнении с непреложностью трагизма, который определяет последнюю реальность языка [18] и его порядка, всякое образование, животворящая душа которого является чувством (скорби), следует называть игрой. Трауершпиль не покоится на основании настоящего языка, такая драма зиждется на осознании — раскрывающегося в слове — единения языка с чувством. Посреди этого разветвления заблудшее чувство возносит жалобу скорби. Ей

же необходимо раствориться, достигнув таким образом разрешения; на основании именно того предпосланного единства она переходит в язык чистого чувства, в музыку. Скорбь вызывает к себе самой в драме скорби, она же и освобождает себя сама. Это напряжение и разрешение чувства в его собственной сфере представляет собой игру. В ней скорбь является лишь одним тоном в диапазоне чувств, и, таким образом, не существует, так сказать, чистого трауершпиля, поскольку в хороводе смыкаются многообразные чувства комического, устрашающего, панически ужасающего [19] и многие другие. Стиль, в смысле единения чувств, остается уделом трагедии. Мир трауершпиля является особенной сферой, которая — и по отношению к трагедии — утверждает свою выдающуюся и равновеликую значимость. Трагедия представляет собой пространство действительного зачатия слова и речи в искусстве, еще качаются на равных чашах весов способности [20] языка и слуха, и вот наконец все зависит от возможности услышать жалобу, ведь она, лишь воспринятая и услышанная с предельной глубиной, станет музыкой. Если трагедией правит вечное оцепенение проговариваемого слова, то трауершпиль собирает воедино бесконечный резонанс [21] своего звучания.

Примечания переводчиков

1. Перевод термина *Trauerspiel* сопряжен с несколькими трудностями. Во-первых, уже в названии работы Беньямин различает *Trauerspiel* и *Tragödie*, хотя в обычной речи эти слова являются синонимами и обозначают трагедию, пьесу с трагической развязкой. Тем самым исключается перевод *Trauerspiel* как *трагедия*, что было бы оптимальным в другом контексте. Во-вторых, слово *драма* также не может быть использовано, поскольку *Trauerspiel* является не драмой как таковой, а лишь одной из ее форм. В-третьих, нельзя исторически конкретизировать *Trauerspiel* и связать его с какой-либо эпохой, как это, например, делает Сергей Ромашко в переводе уже упоминавшейся работы *Der Ursprung des deutschen Trauerspiels* («Происхождение немецкой барочной драмы»). В контексте книги подобное переводческое решение оправданно, поскольку Беньямин сам многократно подчеркивает, что рассматривает немецкую драматургию XVII века, обращаясь к творчеству Андреаса Грифиуса, Даниэля Каспара фон Лознштейна, Мартина Опица, Иоганна Кристиана Хальмана. Однако в рассматриваемом фрагменте явные указания на барокко отсутствуют, и это позволяет предположить, что Беньямина интересует, скорее, сущность *Trauerspiel*, «идея»⁷ такой драмы, к историческому контексту которой он обратится значительно позже.

7. Беньямин применяет эту категорию уже в ранних работах, говоря, со ссылкой на Новалиса, об априорной необходимости произведения искус-

Поскольку в русском языке нет слова для обозначения трагической драмы, которая была бы противоположна трагедии, и поскольку *Trauerspiel* не верно было бы ограничивать определенной эпохой, было принято решение транслитерировать немецкий термин и передать его словом *трауершпиль*. Подробнее о проблемах, связанных с переводимостью терминологии мыслителя, см. в статье Марии Маликовой в журнале «Новое литературное обозрение»⁸.

2. Перевод *Gesetzlichkeit* как *закономерность*, а не *законность*, призван подчеркнуть, что речь идет о законе как необходимости, а не о законе как источнике легитимности того или иного рода.

3. Представляется, что Беньямин использует относительно редкое слово *Wechselrede* вместо более привычного *Dialog*, чтобы сохранить связь с использованным выше словом *Rede* «речь», поскольку *Wechselrede* буквально значит «обмен речами». Поскольку в переводе не удастся полностью сохранить отсылку к *Rede*, были использованы слова *разговор* и *общение*.

4. В немецком тексте слова *traurig* «скорбный», *das Traurige* «сфера скорбного» и *Trauer* «скорбь» непосредственно связаны с термином *Trauerspiel* «трауершпиль». Так обнаруживается одна из главных особенностей работы Беньямина, а именно сознательное обращение к корню *Trauer* «скорбь» и, таким образом, к буквальному смыслу слова — *Trauerspiel* как «игра, драма скорби». В тексте философ постоянно обыгрывает эту связь, соотнося трауершпиль и чувство скорби, спрашивая об их метафизических основаниях.

5. Беньямин использует здесь термин *Dasein*, который в 1916 году, до выхода «Бытия и времени» Хайдеггера (1927), ассоциировался по преимуществу с гегелевской традицией — *Dasein* в смысле сущего, существующего определенным образом «здесь», в своей простой наличной данности. В таком значении Беньямин употребляет слово *Dasein* и в своих письмах⁹. Перевод «наличное бытие» ориентируется на традицию, восходящую к классическому переводу «Науки логики» Гегеля, выполненному Борисом Столпнером.

6. Несколько специфическое слово *simultan*, синонимичное *zugleich* «одновременно» и усиливающее его, отсылает к эстетическому принципу, называемому словом *Simultandarstellung* «одновременное изображение». Так иконописцы и театральные художники в Средневековье изображали рядом сцены, отстоящие друг от друга во времени или в пространстве. Кроме того, в начале XX века к этому принципу активно обращались художники и поэты европейского авангарда. Ср., например, симультанные стихи Тристана Тцара или симультанные образы Умберто Боччони.

7. Выражение *Sprache überhaupt* «язык как таковой» также используется Беньямином в статье *Über Sprache überhaupt und über die Sprache des Menschen* (1916), известной русскому читателю в переводе Ивана Болдырева как «О языке вообще и о языке человека».

8. Немецкий глагол *verwandeln* в этом контексте означает изменение, при котором вещь не превращается в нечто совершенно иное, а остается собой, лишь меняя свой облик. Как представляется, Беньямин подчеркивает, что слово совершает свой путь именно в качестве сло-

ства. Ср. его эссе о романе «Идиот» Достоевского: Беньямин В. Маски времени. Эссе о культуре и литературе. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 21–27.

8. Маликова М. Э. Переводить Беньямина // Новое литературное обозрение. 2007. № 85. С. 415.

9. Ср.: Benjamin W. Briefe. Bd. 1. S. 66, 72, 120.

ва, пусть и принимая различные формы. Для сохранения этого смыслового оттенка было выбрано слово *перевоплощение*, которое позволяет характеризовать, например, игру актера на сцене или метаморфозу героя в сказке.

9. Слово *Ursprung* «исток» многообразно используется в немецкой философской традиции: оно может означать как непосредственное событие происхождения — его место, время или основание, так и процесс возникновения вещи — его особенности, накладывающие отпечаток и на саму вещь. Беньямин отдельно исследует категорию *Ursprung* в своей книге о немецком барокко¹⁰.

10. Перевод *Klage* как *жалоба* позволяет сохранить связь с русским изданием статьи «О языке вообще и языке человека», в которой философ также обращается к этому образу, рассуждая о природе и языке¹¹. Вместе с тем немецкое слово может также означать плач как литературное произведение, в котором выражается скорбь. Богатая история этого жанра, восходящего к древним языческим ритуалам, текстам Древнего Востока (ср. Плач Иеремии) и хоровым представлениям греческих трагедий (например, конец «Персов» Эсхила), охватывает Средневековье («Плач блаженной Девы Марии») и затрагивает эпоху барокко (плач Феодосии в «Льве Армянине» Грифиуса). Можно предположить, что Беньямин учитывает оба значения слова *Klage* и обыгрывает их сочетание: жалоба скорбной природы и ее выражение человеком в искусстве.

11. Изложение «древней мудрости» («вся природа начала бы стенать и жаловаться, будь ей предоставлен язык») дословно повторяется Беньямином и в статье «О языке вообще и языке человека», в которой философ называет это утверждение «метафизической истиной» (*metaphysische Wahrheit*)¹². Достоверно указать источник этих представлений затруднительно. Известна работа «Плач Природы» (*De planctu naturae*)¹³, написанная французским теологом и поэтом Аланом Лилльским (около 1120–1202). В сочинении, построенном на аллегориях и вдохновленном наследием Марциана Капеллы (360–428) и Боэция (480–524), поэту во сне является Природа, чтобы заявить о своем соучастии в творении и изобличить противоестественные человеческие пороки. Беньямин упоминает Алана Лилльского в своих письмах дважды. В 1920 году, то есть спустя четыре года после написания работы «Значение языка в трауершпиле и трагедии», Беньямин обращает внимание Шолема на трактат «Плач Природы», передавая латинское *planctus* немецким *Klage*, однако признается, что сам не имел возможности познакомиться с этим трудом¹⁴. В 1924 году, уже заканчивая книгу о немецком барокко, Беньямин еще раз упоминает «Плач Природы» в письме Шоле-

10. См.: Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. М.: Аграф, 2002. С. 27–30.

11. См.: Он же. О языке вообще и о языке человека. С. 23–24.

12. Там же. С. 23; Benjamin W. Gesammelte Schriften. Bd. 2. T. 1. S. 155.

13. См. перевод отрывка из этого трактата: Алан Лилльский. Плач природы / Пер. М. Л. Гаспарова // Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков / Отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек и М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1972. С. 333–348.

14. Ср.: «Изменяет ли мне память или же я сам однажды уже обращал ваше внимание на книгу “Плач природы”, мне самому, однако, никогда не попадавшуюся на глаза?» (Benjamin W. Briefe. Bd. 1. S. 237–238).

му, на этот раз отмечая, что после долгого изучения эта работа не представляет для него более особого интереса¹⁵.

12. Главными и государственными действиями (*Haupt- und Staatsaktionen*) называли многие немецкие пьесы XVII — начала XVIII веков, обнаруживающие развлекательный характер, — в отличие от более поздних драм Просвещения, призванных служить моральному совершенствованию зрителя. Действие главных и государственных действий характеризовалось сочетанием потешности и помпезности, а благородного главного героя часто сопровождал Гансвурст, немецкий народный комический персонаж. Подобные представления, исполнявшиеся бродячими труппами, включали элемент импровизации актера в рамках заданной фабулы. Павел Берков пишет, что такие пьесы назывались главными, поскольку на сцене они сопровождались более короткими последующими представлениями (*Nachspiel*), и государственными, поскольку они были посвящены событиям военно-политической жизни, историческим или вымышленным¹⁶. Крупнейшим представителем этой разновидности старого немецкого театра считается австрийский драматург Йозеф Страницкий (1676–1726). В книге о немецком барокко Беньямин несколько раз обращается к главным и государственным действиям, называя их «наиболее радикальной и потому наиболее безыскусной формой» исторической драмы XVII века, «популярным эквивалентом» ученой драматургии того времени¹⁷.

13. Беньямин использует итальянизм *Torso*, значащий обломок скульптурного изображения человеческого тела без головы или членов. Такой образ в тексте философа мог быть навеян стихотворением «Архаический торс Аполлона» («*Archaischer Torso Apollos*»), написанным Райнером Марией Рильке (1875–1926) в 1908 году под впечатлением от торсов греческих статуй, представленных в Лувре. Этой работой Рильке открыл вторую часть своего сборника «Новые стихотворения» (*Neue Gedichte*) (1908). Еще до знакомства с Рильке в 1920-х годах Беньямин увлекался его поэзией и высоко ее ценил¹⁸. Хотя философ не упоминает «Архаический торс Аполлона» в письмах, он комментирует другие произведения из того же сборника: стихотворения «Иеремия» в письме Карле Селигсон 1913 года и «Плач по Йонафану» в письме Шолему 1918 года¹⁹. Это позволяет с уверенностью предположить, что Беньямину были известны строки Рильке о торсе Аполлона. Как представляется, образы в двух текстах также близки друг другу: и для поэта, и для философа во тьме, из неполноты материального либо же природного тела, рождается взгляд бога или короля, направленный к зрителю и одновременно ввысь.

14. С переводом этого предложения связаны несколько трудностей. Во-первых, Беньямин дважды использует слово *Wiederholung* «повторение», тем самым как будто допуская нарушение родо-видовых отношений между понятиями: повторение оказывается одним из принципов

15. Ср.: «Работая с *De planctu naturae*, я действительно ушел в сторону. Все же я уже давно принял за Алана Лилльского и заметил, что он никак не связан с моей темой» (*Benjamin W. Briefe*. Bd. 1. S. 367).

16. Берков П. Н. Из истории русской театральной терминологии XVII–XVIII веков («Комедия», «интермедия», «диалог», «игрище» и др.) // Труды Отдела древнерусской литературы/Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). М.; Л.: АН СССР, 1955. Т. 11. С. 294.

17. См.: Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. С. 121.

18. *Benjamin W. Briefe*. Bd. 2. S. 867.

19. *Ibid.* Bd. 1. S. 87, 169.

повторения. Во-вторых, сложности вызывает слово *Cyklik*, которое отсутствует в немецком языке, но напоминает слово *Zyklus* «цикл, период, круговорот» и, возможно, является его архаизацией на латинский (*cyclus*) или древнегреческий (*κύκλος*) манер. В этой ситуации перевод *Cyklik* как *цикл* кажется единственно возможным. В-третьих, *zwei* «двойца» в нарушение правил немецкой грамматики написано с маленькой буквы, что можно объяснить ошибкой автора или издателей немецкого текста, поскольку уже в следующем предложении используется слово *Zwei*.

15. Беньямин сознательно отклоняется от норм немецкого языка, допуская стилистический диссонанс: в устойчивом выражении *Ruhe stören* «нарушить покой» глагол заменен на однокоренной *zerstören* «разрушить», что расширяет смысловое поле высказывания.

16. В немецком тексте это и следующее предложения содержат неперевожимую игру слов, свойственную работам Беньямина. Слова *Widerspiel* «соперничество», *Spiel* «игра» и *Trauerspiel* «трауершпиль» роднит корень *-spiel-*, что позволяет философу, связывая их, увидеть в борении звука и значения игру, которой должен завершиться трауершпиль, поскольку он сам является игрой и драмой скорби.

17. Как указывают Тидеман и Швеппенхойзер в комментарии к этому месту²⁰, Беньямин обращается ко второй сцене второго акта трагедии Шекспира «Гамлет» (первый перевод на немецкий, сделанный Августом Шлегелем, вышел в 1798 году): король и королева встревожены изменениями в поведении и настроении Гамлета, и Полоний объясняет им, что принц якобы обезумел от любви к Офелии. Можно предположить, что для Беньямина Полоний в своих пространных рассуждениях о безумии Гамлета сам становится «одержим языком» и теряет рассудок. В изолированных размышлениях персонажа обнаруживается комический элемент²¹, а черты демонического советника из барочного театра соединяются с чертами болтливого «жонглера» и «шута»²².

18. Перевод сочетания *letzte Wirklichkeit* как *последняя реальность*, а не *последняя действительность*, позволяет избежать соотнесения этого выражения исключительно со сферой «объективной действительности» и расширить смысловой охват высказывания. Немецкое *letzte Wirklichkeit* не подразумевает противоположность субъективному или мнимому, а включает ее в себя, продолжая традицию использования термина *Wirklichkeit*, обычно переводимого в пределах философии как *действительности* обозначающего все сущее, взятое в полноте и динамике. Длинная история немецкого термина *Wirklichkeit* восходит через латинское *actualitas* к греческим *ἐνέργεια* и *ἐντελέχεια*, что позволяет выделить некоторые смысловые оттенки этого понятия, которые мог иметь в виду Беньямин. В контексте фрагмента *последняя реальность*

20. Briefe. Bd. 2. S. 930.

21. Ср. в переводе М. Лозинского:

Что он безумен,

То правда; правда то, что это жаль,

И жаль, что это правда; вышло глупо;

Но все равно, я буду безыскусен.

Итак, ваш сын безумен; нам осталось

Найти причину этого эффекта,

Или, верней, дефекта, потому что

Дефектный сей эффект небеспричинен.

(Шекспир В. Полн. собр. соч.: В 8 т. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 5. С. 51–52).

22. Benjamin W. Gesammelte Schriften. Bd. 2. T. 1. S. 326; Bd. 1. T. 1. S. 306.

языка означает его «осуществление»²³, достигнутое «единство сущности и существования, или внутреннего и внешнего»²⁴, которое, как подчеркивает Беньямин, является к тому же «последним», предельно возможным единством. То, что трагизм обуславливает «последнюю реальность» языка, значит, что человеческий язык как таковой, в своей полноте и целостности, определен трагизмом.

19. Беньямин обращается к слову *schauervoll*, восходящему к *Schauer* в значении «панический ужас». Представления об этом состоянии связаны с наследием Античности и соответствуют предельной степени ужаса, граничащего с благоговением и священным трепетом.

20. Перевод *Vermögen* как *способности* ориентирован на традицию, связанную главным образом с классическим переводом кантовской «Критики чистого разума» Николаем Лосским и последующими изданиями этой работы²⁵. Вместе с тем немецкое слово *Vermögen* означает не единичную, простую и изолированную способность, а целостный комплекс взаимосвязанных возможностей. Так, например, у Канта в упомянутом труде к *Erkenntnisvermögen*, «способности познания», относятся чувственность, рассудок и разум и каждая из этих способностей подробно разбирается в соответствующей части «Критики».

21. Выбор Бенямином сочетания *Resonanz seines Klanges*, «резонанс своего звучания», вероятнее всего, подчеркивает постепенное усиление того звучания, с которым скорбь возносит свою жалобу и переходит в другие чувства. Это музыкальное перевоплощение составляет спасительную мистерию трауершпиля.

Библиография

- Алан Лилльский. Плач природы/Пер. М. Л. Гаспарова//Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков/Отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек и М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1972. С. 333–348.
- Аристотель. Метафизика//Соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976.
- Беньямин В. Маски времени. Эссе о культуре и литературе/Пер. с нем. и фр. Александра Белобратова. СПб.: Symposium, 2004.
- Беньямин В. О языке вообще и о языке человека//Он же. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения: Сб. ст. М.: РГГУ, 2012. С. 7–26.
- Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. М.: Аграф, 2002.
- Берков П. Н. Из истории русской театральной терминологии XVII–XVIII веков («Комедия», «интермедия», «диалог», «игрище» и др.)//Труды Отдела древнерусской литературы/Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). М.; Л.: АН СССР, 1955. Т. 11.
- Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974.
- Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994.
- Маликова М. Э. Переводить Бенямина//Новое литературное обозрение. 2007. № 85. С. 410–415.
- Шекспир В. Полное собрание сочинений: В 8 т. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 5.
- Benjamin W. Briefe/Theodor W. Adorno, Gershom Scholem (Hg.). Fr.a.M.: Suhrkamp Verlag, 1966.
- Benjamin W. Gesammelte Schriften. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1977–1999.

23. Аристотель. Метафизика//Соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 234.

24. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. С. 312.

25. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994.

The Role of Language in Trauerspiel and Tragedy

Walter Benjamin. German philosopher and cultural critic (1892–1940).

Walter Benjamin's early text *The Role of Language in Trauerspiel and Tragedy* (1916), offered to the reader, reveals the complexity of reasoning and uniqueness of style at the intersection of philosophy and literature, which are characteristic of the author's later works. Thus, asking about the role of language in trauerspiel and tragedy, Benjamin does not limit himself to an analysis of these genres, but draws a metaphysical picture of nature that is striving to be expressed and therefore entering the "purgatory of language." It is the vicissitudes of this movement that form the context for a new definition of the phenomena that are of interest to Benjamin: dramatic art in general, tragedy and trauerspiel in particular, feelings of grief and lamentation as its expression, meaning, and history. Seeing the principle of trauerspiel as a drama of grief in the very disparity between word and meaning, Benjamin poses the question of overcoming this opposition in art. The solution to this problem leads the author to music as a "saving mystery" of trauerspiel: in a dramatic game, heard in the fullness of its sound, a word can be filled with meaning in a new way granting nature the deliverance of expression beyond the category of meaning. Therefore, if tragedy establishes the regularity and unbreakable order of speech, then trauerspiel sets it in motion, freeing the grief of nature and dissolving it in music as the "language of pure feeling." The essay "The Meaning of Language in Trauerspiel and Tragedy" not only makes it possible to better represent the range of problems and cognitive processes in the philosopher's early works (especially in the context of the work "On Language in General and on the Language of Man," written in the same year), but it can also be considered as one of the first sketches of Benjamin's book *The Origins of the German Baroque Drama* (1925).

Keywords: Trauerspiel; tragedy; language; philosophy of language; spring; art.

References

- Alain of Lille. *Plach prirody* [The Complaint of Cature]. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoi literatury X–XII vv.* [Monuments of Medieval Latin Literature of 10th–12th Centuries] (eds M. E. Grabar-Passek, M. L. Gasparov), Moscow, Nauka, 1972, pp. 333–348.
- Aristotle. *Metafizika* [Metaphysics]. *Soch.: V 4 t.* [Works: In 4 vols], Moscow, Mysl', 1976, vol. 1.
- Benjamin W. *Briefe* (Hg. Th. W. Adorno, G. Scholem), Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag, 1966.
- Benjamin W. *Gesammelte Schriften* (Hg. R. Tiedemann, H. Schweppenhäuser), Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1977–1999.
- Benjamin W. *Maski vremeni. Esse o kul'ture i literature* [Masks of Time. Essays on Culture and Literature], Saint Petersburg, Symposium, 2004.
- Benjamin W. *O yazyke voobshche i o yazyke cheloveka* [Über Sprache überhaupt und über die Sprache des Menschen]. *Uchenie o podobii. Mediaesteticheskie proizvedeniya.* [Doctrine of the Similar. Mediaesthetic Works], Moscow, RSUH, 2012, pp. 7–26.
- Benjamin W. *Proiskhozhdenie nemezkoi barochnoi' dramy* [Ursprung des Deutschen Trauerspiels], Moscow, Agraf, 2002.
- Berkov P. N. Iz istorii russkoi teatral'noi terminologii XVII–XVIII vekov ("kome-dia", "intermedia", "dialog", "igrishche" i dr.) [From the History of Russian Theatrical Terminology of the 17th–18th Centuries ("Comedy", "Interlude", "Dialogue", "Merrymaking", etc.)]. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury. Akademiya nauk SSSR. Institut russkoi literatury (Pushkinskii Dom)* [Proceedings of

- the Department of Old Russian Literature. The USSR Academy of Sciences. Institute of Russian Literature (Pushkin House)], Moscow, Leningrad, Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1955, vol. 11.
- Hegel G. W. F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk* [Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften], Moscow, Mysl', 1974, vol. 1: Nauka logiki [Wissenschaft der Logik].
- Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Kritik der reinen Vernunft], Moscow, Mysl', 1994.
- Malikova M. *Perevodit' Ben'yamina* [Translating Benjamin]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2007, no. 85, pp. 410–415.
- Shakespeare W. *Poln. sobr. soch.: V 8 t.* [Complete Works: In 8 vols], Moscow, Leningrad, Academia, 1936, vol. 5.

От философии к литературе

Никита Загвоздкин

VERSUS

Никита Загвоздкин. Университет Вупперталя, Германия,
zagvnd@gmail.com.

Статья представляет собой комментарий к работе Вальтера Бенямина «Значение языка в трауершпиле и трагедии» и призвана прояснить ключевую проблему этого текста, а также те мыслительные ходы, которые, согласно Бенямином, могут привести к ее решению. Предварительно очертив общий профиль публикуемого сочинения, автор обращается к беняминовскому различению трагедии и трауершпиля и трактует его в свете философии языка, а конкретнее — той роли, которая в каждом из этих драматических жанров отводится слову. Для Бенямина, в трауершпиле слово не сводимо к своему значению, а выступает носителем метафизического «чувства», испытываемого самим творением, так что подобная драма предстает как стадия восхождения природы от своей непосредственной немоты к чистому божественному языку. В трауершпиле сущее стремится высказать себя и одновременно, наталкиваясь на значение как границу и в конечном счете невозможность подлинного выражения, преисполняется скорби. Этот процесс, однако, имеет для Бенямина диалектический смысл: там, где конфликт между словом и значением подрывает всякое отношение языковой референции, становится возможной свободная игра этих элементов. Ее главным итогом — тем, что, по мысли Бенямина, должно быть услышано зрителем, — является само звучание речи, ее музыка, в которой означающее и означаемое совпадают и которая поэтому выражает на сцене природу с чистотой, присущей языку божественных имен. В заключительной части статьи это превращение драматической речи в музыку контекстуализируется и соотносится с вопросом о выразительных возможностях языка, что позволяет увидеть непреходящую философско-эстетическую актуальность работы Бенямина.

Ключевые слова: *Вальтер Бенямин; трауершпиль; трагедия; язык; скорбь.*

Работа Вальтера Беньямина «Значение языка в траур-шпиле и трагедии» не является литературоведческим исследованием в собственном смысле слова. Единицами этого текста выступают не исторические факты (имена, произведения, даты), а философские термины (чистое слово, язык как таковой, мир чувств), связанные скорее диалектической игрой понятий, чем отношениями строгого вывода. Такая фактура текста свидетельствует, что перед нами, скорее, интеллектуально-эстетическая медитация, совершаемая вне узких рамок одной дисциплины, но как раз благодаря этому, по замыслу автора, претендующая в равной мере на научную, художественную и философскую ценность.

Подробно обосновать это притязание Беньямин попробует лишь спустя девять лет, в «Эпистемологическом предисловии» к «Происхождению немецкой барочной драмы». Описывая свой метод, он приведет формулу «тем хуже для фактов»¹, являющуюся сокращением знаменитого афоризма, апокрифично приписываемого Гегелю: «если теория не согласуется с фактами, то тем хуже для фактов». Беньямин в своих работах действительно тяготеет к такому подходу, однако стремится придать ему позитивный смысл. Сознательное отклонение от предмета дает возможность увидеть его с новой стороны, и именно в таких констелляциях, перспективах и разворотах заключается истинное познание. Характерно то, как автор сокращает первоначальное изречение: Беньямин акцентирует внимание не на фактах и даже не на теории, а на самом смещении *от фактов* как важнейшей фигуре мысли.

Хотя такое понимание литературно-философской работы найдет свое развернутое воплощение лишь в книге о немецком барокко, первые шаги в этом направлении были совершены Беньямином уже в заметке о значении языка. Это позволяет увидеть в тексте не просто свободное рассуждение, а эссе в исходном смысле слова, то есть попытку или испытание, в котором проверяются особый образ мысли и присущая ему манера письма. Безусловно, первым этот опыт предпринял сам автор. Однако за ним может последовать и читатель, коль скоро он, вступая в хитросплетения текста, правомерно задастся вопросом,

1. Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. М.: Аграф, 2002. С. 28.

что именно эта работа может поведать нам о сущности языка и искусства.

В своем сочинении Беньямин рассматривает два драматических жанра: трауершпиль и трагедию. Их различие связано с разным обликом и ролью, которые в каждой пьесе отводятся слову. В трагедии слово «застывает в значении», то есть становится, в первую очередь, носителем одного или нескольких значений. Категоричность, с которой слово принимает эту функцию, «закономерность речи», предопределяет драматическую коллизию. Трагизм возникает из определенности и однозначности языковых элементов пьесы. Так, изречение оракула порождает «нерасторжимый и неминуемый закон порядков», царство значений, от которых герою-толкователю не укрыться ни языковым неведением, ни герменевтической хитростью. Действие драмы построено на невозможности разомкнуть круг ее семантических связей. Слово, «действующее согласно своему основному значению», осуществляющее его подобно закону, остается в мире вещей и других слов, и в этом смысле трагедия может быть рассмотрена как статический полюс человеческого языка.

Напротив, в основании трауершпиля лежит «перевоплощающееся слово», слово в движении. Парадоксальным образом подобное слово оказывается больше обычной сценической речи, для него «язык является лишь некоей стадией в круге перевоплощения». Слово устремляется за границы человеческого языка, чтобы выступить проводником такого чувства, как скорбь. Беньямин при этом имеет в виду не психологический аффект, переживаемый индивидом, будь то герой или актер, автор или зритель, а некое идеальное начало². Только эта оговорка позволяет понять «загадку трауершпиля»: как нечто метафизическое может выразить себя на сцене и, с другой стороны, как человеческое слово может соответствовать скорби, не сводимой к простой человеческой грусти или унынию.

Отвечая на эти вопросы, Беньямин рисует по-настоящему грандиозную картину. К языку и искусству прибегает сама природа, все сущее в совокупности, когда оно стремится высказать себя истинным образом, «в чистоте своих чувств». Адам, называющий вещи их именами и завершающий творение мира, и бытие, возвращающееся к себе

2. Там же. С. 35, 116, 140–141.

и осознающее себя в мышлении — эти фигуры иудейской мистики и немецкого идеализма совпадают для Бенъямина в одном образе — творения, ищущего своего выражения на сцене. Трауершпиль предстает в новом свете и становится «языковой стадией» этого восхождения природы из ее немоты к тому чистому языку, с помощью которого мир когда-то был вызван к существованию.

Однако тот «цикл», в котором сущее обращается к своему языковому началу, не свободен от противоречий: «посреди этого пути природа обнаруживает, что язык ее предал», принеся с собой «смысловую двойственность слова», его разделение на собственно слово и относящееся к нему значение. Роковым для творения является то, что слово в человеческом языке всегда обозначает что-то вне себя самого, некий внеязыковой предмет, и из-за этого разрыва подобное слово остается внешним и в конечном счете чуждым тому, что хочет в нем себя высказать. В другом месте Бенъямин назовет сообщающий характер человеческого слова «грехопадением духа языка»³. Именно в тот момент, когда сущее наталкивается на эту «двоицу» и «задерживает свое движение», в сонме мировых чувств на первый план выходит скорбь. «Древняя мудрость», упоминаемая Бенъямином, оказывается осуществленной: природа, выйдя на подмостки театра и получив язык, начинает «стенать и жаловаться», что и позволяет назвать такую пьесу трауершпиелем — драмой скорби, которую испытывает мироздание.

Раскол между словом, выражающим природу, и значением, сковывающим ее чувства, Бенъямин заостряет с помощью образа короля. Его фигура отмечена двойственностью: правитель является одновременно человеком — частью творения, «завершением природы» — и королем — повелителем человеческого языка, «носителем и символом значения». Формулировка «венец творения» ясно демонстрирует это противоречие, сталкивая природное и семантическое бытие субъекта. Более того, чем больше человек стремится выразить мировую скорбь, тем больше он понимает, что в руках у него может быть лишь «венец», атрибут власти и истории, то есть некоторое значение, и тем дальше он отдалается от природы: «и человек, венец творения, сохраняется для чувства лишь становясь королем — симво-

3. Бенъямин В. О языке вообще и о языке человека // Он же. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012. С. 21.

лом в качестве носителя этого венца». Его участь по необходимости печальна: бесконечно порождая новые значения, человек нескончаемо множит мировую скорбь, чтобы в конечном итоге быть раздавленным под этим двойным напором, «как и размышляющий Полоний, которого охватывает безумие».

Природа ищет божественного Слова — того, которое манифестирует исключительно себя и из себя самого полагает все смыслы. Так и имена, произнесенные Богом в день творения, не имели значения, поскольку не соответствовали вещам, а только впервые творили их своим звучанием. Подлинно выразить природу можно лишь на языке божественных имен. Таким образом, тема, занимающая Бенъямина, окрашена в теологические тона. Однако чисто религиозное решение, ортодоксальное или мистическое, не соответствовало бы масштабу и сложности исходной проблемы. Лишь в самой речи, как она звучит на сцене трауершпиля, должна быть открыта возможность поименовать все вещи и связать слова и их смыслы: «Скорбь вызывает к себе самой в драме скорби, она же и освобождает себя сама». Преодоление указанных противоречий должно принадлежать той же картине, что и само противоречие. В этом отношении оно должно быть диалектическим.

Конфликт слова и значения порождает систему языковых связей, которая в определенный момент оказывается перегруженной и дает сбой. Но то, что подрывает структуру языка, одновременно освобождает речь, позволяя ее элементам вступить в свободное, не ограниченное референцией отношение друг с другом. На место соперничества (*Widerspiel*) звука и значения в трауершпиле (*Trauerspiel*) приходит их игра (*Spiel*), из которой должен появиться новый язык, где слово тождественно предмету в едином, непосредственно звучащем потоке. Так в самом сердце трауершпиля рождается музыка, «спасительная мистерия», «язык чистого чувства», в котором выражаемое и выразительное начала: то, о чем говорится, и то, что говорится, совпадают⁴.

Природа может высказать себя в трауершпиле лишь постольку, поскольку язык такой пьесы переступает свои границы и становится музыкой. В центре драмы скорби находится не некий потаенный смысл, а противоречие

4. Tagliacozzo T. Walter Benjamin und die Musik//Jewish Studies Quarterly. 2006. Vol. 13. № 3. S. 278–292.

человеческого языка, его раздробленность, но также и игра, вновь сводящая все элементы в их мелодичности. Потому зритель, автор и актер должны прежде всего овладеть способностью слушать трауершпили: «и вот наконец все зависит от возможности услышать жалобу, ведь она, лишь воспринятая и услышанная с предельной глубиной, станет музыкой». Жалоба всего сущего направлена человеку, который может откликнуться на нее только в искусстве, когда он позволит божественному Слову, ничего не сообщающему и тем не менее преисполненному смысла, зазвучать сквозь речь персонажей на сцене.

Если в трагедии слово выступает как носитель значения, то в трауершпиле оно существует, в первую очередь, как часть бесконечной музыкальной игры. Работа с подобной драмой подразумевает не столько интерпретацию, сколько поиск этой внутренней синтетической силы. Впоследствии Беньямин назовет ее аллегорией, видя в музыкальности одну из главных черт барочной драматургии⁵. Тогда для критики трауершпиля вопрос о значении отдельных слов оказывается вторичным по отношению к более фундаментальному вопросу — о значении самого языка. Эту инверсию Беньямин совершает уже в названии текста, давая понять, что язык может иметь некое значение, несводимое к значениям *внутри* языка⁶. Необходимо выступить за пределы сценической речи, чтобы охватить ее целиком и увидеть в драматическом языке ту сферу, где трауершпиль «собирает воедино бесконечный резонанс своего звучания», даруя всему сущему «избавление» высказанности — возможность произносить и слышать имена вещей.

Так в небольшом и узконаправленном тексте дает о себе знать одна из главных тем философии Беньямина и, шире, одна из фундаментальных проблем культуры XX века — вопрос о выразительных возможностях язы-

5. Долгопольский С. Извлечение языка: язык и аллегория у Беньямина и де Мана // Логос. 2001. № 29. С. 152–165. О философии звука в «Происхождении немецкой барочной драмы» см. также фрагменты о Якобе Бёме (Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. С. 212–216) и Иоганне Вильгельме Риттере (Там же. С. 225–227).

6. Подобная структура перестановки встречается во многих ключевых местах «Происхождения немецкой барочной драмы», как в анализе конкретных произведений (например, пьесы Йозефа Антона Страницкого «Достославные мучения Иоанна Непомуцкого»), так и в теоретических размышлениях автора (к примеру, в определении аллегории XVII века не как «конвенции выражения», а как «выражении конвенции»).

ка, о границах речи и письма, о способах обретения того, что лежит по ту сторону. Тезис о том, что звучание может быть не простым проговариванием, а подлинным преобразованием речи, открывающим новые источники смыслов вне традиционной категории «значения», роднит автора с современными художественными практиками, разрушающими устоявшиеся конвенции ради освобождения языковых элементов. Кроме того, свое объяснение получает и чрезвычайно герметичный характер работы. Представляется, что эссе Беньямина *не отвечает на вопрос*, а *само* — в том числе на уровне звучания, благодаря ритму и мелодии, повторам и переходам, образам и нарушениям — *становится ответом*, демонстрацией, доказательством того, что автор хочет сказать. Превращение опыта чтения в акт понимания трансформирует структуру философии, также ищущей иные, неклассические пути познания на рубеже веков.

Как мыслитель и как писатель Беньямин находится в поиске новых выразительных возможностей языка. Чтобы уловить необходимость, которая им движет, не обязательно возвращаться к теологическим и метафизическим построениям. Достаточно обратиться к заметке «*Si parla italiano*» из сборника «Улица с односторонним движением» (1926):

Мучась острой болью, я сидел ночью на скамейке. Напротив меня на другую сели две девушки. Они, казалось, хотели обсудить что-то между собой и начали шептаться. Никого, кроме меня, поблизости не было, и я бы не понял их итальянского, сколь бы громко они ни говорили. Но этот неоправданный шепот на языке, мне недоступном, все не давал избавиться от чувства, будто на больное место накладывали холодную повязку⁷.

Эта история словно суммирует терзания и надежды автора: герой потерял в мире значений и слов того языка, который как будто бы никогда и не был для него родным, — однако именно в ночной час, когда речь становится невыносимо чуждой, она может приобрести спасительное звучание. Что есть язык? где пролегают его границы? и что может сегодня, в ситуации кризиса языка, стать холодной

7. Беньямин В. Улица с односторонним движением. М.: Ad Marginem, 2012. С. 95.

повязкой для европейской культуры? — таковы вопросы, которые текст Бенямина ставит перед современным читателем.

Библиография

- Бенямин В. О языке вообще и о языке человека // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012. С. 7–26.
- Бенямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. М.: Аграф, 2002.
- Бенямин В. Улица с односторонним движением. М.: Ad Marginem, 2012.
- Долгопольский С. Извлечение языка: Язык и аллегория у Бенямина и де Мана // Логос. № 29. 2001. С. 152–165.
- Tagliacozzo T. Walter Benjamin und die Musik // Jewish Studies Quarterly. 2006. Vol. № 13. № 3. S. 278–292.

From Philosophy to Literature

Nikita Zagvozdkin. University of Wuppertal, Germany, zagvnd@gmail.com.

The article provides commentary on Walter Benjamin's "The Role of Language in Trauerspiel and Tragedy" and is meant to clarify the key problem of this text as well as the thought processes that, according to Benjamin, can lead to its solution. Having previously outlined the general profile of the published work, the author addresses Benjamin's distinction between tragedy and *trauerspiel*. He interprets it in light of the philosophy of language, more specifically the role assigned to the word in each of these dramatic genres. For Benjamin, the word in *trauerspiel* is not reducible to its meaning but acts as the bearer of a "metaphysical" feeling experienced by the creation itself—such a drama appears as a stage in the ascent of nature from its immediate silence to a pure divine language. In *trauerspiel*, a being strives to express itself and simultaneously, encountering meaning as a boundary and ultimately the impossibility of genuine expression, is filled with sorrow. This process, however, has dialectical meaning for Benjamin: there, where conflict between word and meaning disrupts any relation of linguistic reference, the free play of these elements becomes possible. Its main result, what should be heard by the viewer in Benjamin's opinion, is the sound of speech itself, its music, in which the signifier and signified coincide expressing nature on the stage with purity that is inherent in the language of divine names. In the final part of the article, this transformation of dramatic speech into music is contextualized and correlated with the question of language's expressive possibilities, which allows one to see the rooted philosophical and aesthetic relevance of Benjamin's work.

Keywords: *Walter Benjamin; Trauerspiel; tragedy; language; grief.*

References

- Benjamin W. *Proiskhozhdenie nemetskoj barochnoi dramy* [Ursprung des Deutschen Trauerspiels], Moscow, Agraph, 2002.
- Benjamin W. *Ulitsa s odnostoronnim dvizheniem* [Einbahnstraße], Moscow, Ad Marginem, 2012.
- Benjamin W. O yazyke voobshche i o yazyke cheloveka [Über Sprache überhaupt und über die Sprache des Menschen]. *Uchenie o podobii. Mediaesteticheskie*

- proizvedeniya*. [Doctrine of the Similar. Mediaesthetic Works], Moscow, RSUH, 2012, pp. 7–26.
- Dolgopolsky S. Izvlechenie yazyka: Yazyk i allegoriya u Ben'yamina i de Mana [Language Extraction: Language and Allegory in Benjamin and de Man]. *Logos*, 2001, no. 29, pp. 152–165.
- Tagliacozzo T. Walter Benjamin und die Musik. *Jewish Studies Quarterly*, 2006, vol. 13, no. 3, S. 278–292.

От литературы к философии

Юлиана Каминская

VERSUS

Юлиана Каминская. Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Россия, y.kaminskaya@spbu.ru.

Статья представляет возможные пути к филологическому освоению впервые переведенной и малоизвестной работы Вальтера Бенямина «Значение языка в трауершпиле и трагедии». Опираясь на ключевую проблематику фрагмента, связанную с выразительными возможностями языка, и сосредоточив внимание на особенностях необычной философской речи, удастся рассмотреть текст как часть традиции поэтического говорения в духе Мишеля де Монтеня. Отголоски читательских впечатлений Бенямина, связующих произведения Шекспира и Гёте с наследием поэтов-экспрессионистов, свидетельствуют о своеобразном осмыслении философом словесной стороны собственных размышлений. Поразительно органичное слияние факторов «как сказано?» и «о чем сказано?» в тексте Бенямина продемонстрировано точечным анализом отдельных фраз, подкрепленным обращениями к современной теории поэзии. Балансируя на границах философии, литературы и филологии, Бенямин нацелен на создание оптимальных условий для языка, традиционно стремящегося к демонстрации максимума своих возможностей в художественной сфере. Такая ориентированность философа обуславливает принципиальную родственность его раннего фрагмента и актуальных сегодня элементов истории словесности — от размышлений Фридриха Шлегеля «О непонятности» и Генриха фон Клейста «О постепенном вызревании мысли в речи» до знаменитой формулы Иосифа Бродского «поэт — средство или инструмент языка» и наиболее широких представлений о литературной коммуникации, формирующих современное экспериментальное творчество. В результате наследие Бенямина оказывается хорошо работающей призмой, позволяющей рассматривать, как в искусстве XX и начавшегося XXI веков многолико воплощаются болезненное ощущение недостаточности вербальных ресурсов и острая потребность в разнородных попытках поэтическими средствами изучить и расширить пределы выразительных возможностей речи.

Ключевые слова: *Вальтер Бенямин; литература; поэзия; автореференция; философия; трауершпиль.*

Работа Вальтера Бенямина «Значение языка в траур-ершпиле и трагедии», действительно, не является литературоведческим исследованием, что не умаляет ее возможного значения в развитии филологической науки, ведь столь ценимое философом сознательное отклонение от предмета наблюдений и размышлений позволяет воспринять его в новом ракурсе и, соответственно, открыть признаки, едва заметные при более привычном видении вещей. Поэтому небесполезным представляется добавить к имеющимся переводам Бенямина на русский язык еще один небольшой «новый» текст, дополняя таким образом предшествующую работу целого ряда переводчиков: Ирины Алексеевой, Наталии Бакши, Александра Белобратова, Ивана Болдырева и Анны Глазовой, Евгения Зачевского, Елены Крепак, Артемия Магуна, Сергея Ромашко, Михаила Рудницкого, Галины Снежинской, Александра Ярина. В этом длинном, хотя и неполном списке легко разглядеть филологов, философов и литераторов, что вполне соответствует очертаниям поля, в пределах которого разворачиваются размышления Вальтера Бенямина, намеренно и последовательно отступавшего от типа письма, наиболее привычного для академической философии или филологии¹.

В отступлениях Бенямина от узко понимаемого предмета рассуждений и принятого стиля изложения как часть давней традиции проступает изредка воплощающееся в философских трудах поэтическое начало, о котором писал Мишель де Монтень, отвечая на вопрос *quo diversus abis?*²:

Я блуждаю из стороны в сторону, но скорее по собственной прихоти, чем по неумелости. Мои мысли следуют одна за другой, — правда, иногда не в затылок друг другу, а на некотором расстоянии, — но они все же всегда видят друг друга хотя бы краешком глаза. <...> Я люблю бег поэзии, изобилующий прыжками и всякого рода курбетами. <...> О боже, до чего пленительны эти внезапные отклонения в сторону, это неиссякаемое разнообразие,

1. Исследование выполнено при поддержке гранта DFG-Kolleg-Forschungsgruppe FOR 2603 «Russischsprachige Lyrik in Transition. Poetische Formen des Umgangs mit Grenzen der Gattung, Sprache, Kultur und Gesellschaft zwischen Europa, Asien und Amerika» (2017–2021), Universität Trier.

2. Куда же ты отклоняешься? (лат.).

и они тем больше поражают нас своей красотой, чем более случайной и непредумышленной она представляется³.

Каждому читателю Беньямина знакомы неожиданные преобразования его мыслей, удивительные изгибы их хода, прыжки и пируэты, с отчетливостью напоминающие образно представленный Монтенем «бег поэзии».

Именно такого рода особенности восхищали Беньямином в философских трудах его предшественников:

Изложение как обходной путь — вот в чем, пожалуй, и состоит методологический характер трактата. Отказ от непрерывного движения интенции — его первый признак. Мышление упорно то и дело принимается за работу заново, оно дотошно возвращается к самому предмету. Это постоянное прерывание, чтобы глотнуть воздуха, — самая подлинная форма существования созерцательности. Ведь следуя при рассмотрении одного и того же предмета по разным смысловым ступеням, она черпает силы для этого непрерывного возвращения к началу, получая в то же время и оправдание своего прерывистого ритма. Подобно тому как мозаичные изображения при всей их раздробленности на причудливые осколки сохраняют величественность, так и философское рассмотрение не страшится порывов⁴.

Как один из подобных порывов, внезапно возникает в работе «Значение языка в трауершпиле и трагедии» образ Полония, с усердием рассуждающего о безумии Гамлета и слово за слово впадающего в пресловутое безумие. Искусно выстроенная сцена из второго акта трагедии представляет персонажа, одержимого речью, безудержно влекомого ее потоком. Речь эта принимает облики, предельно соотносящиеся с предметом разговора, что позволяет королеве воспринимать начавшийся монолог Полония как подобие художественного говорения, «искусства», не вполне уместного в заданной ситуации:

3. Монтень М. Опыты//Избр. соч.: В 3 т. М.: Голос, 1992. Т. 3. С. 200.

4. Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. М.: Аграф, 2002. С. 6.

Полоний

Исход удачный —
Светлейшие монархи, излагать,
Что есть величество и что есть долг,
Зачем день — день, ночь — ночь и время — время,
То было б расточать ночь, день и время.
И так как краткость есть душа ума,
А многословье — бранные прикрасы,
Я буду краток. Принц, ваш сын, безумен;
Безумен, ибо в чем и есть безумье,
Как именно не в том, чтоб быть безумным?
Но это пусть.

Королева

Поменьше бы искусства.

Полоний

О, тут искусства нет. Что он безумен,
То правда; правда то, что это жаль,
И жаль, что это правда; вышло глупо;
Но все равно, я буду безыскусен.
Итак, ваш сын безумен; нам осталось
Найти причину этого эффекта,
Или, верней, дефекта, потому что
Дефектный сей эффект небеспричинен.
Вот что осталось, и таков остаток.
Извольте видеть...⁵

Именно с момента отрицания Полонием художественности своих высказываний в ответ на нетерпеливое требование королевы: “More matter, with less art”⁶, все возможности серьезного и вдумчивого наблюдения за набирающим силу безумием оказываются исключены, речь персонажа вызывает явный комический эффект, не допускающий обратного движения.

Виртуозный шекспировский перевертыш, осью вращения которого становится реплика Гертруды об «искусстве», закономерно обратил на себя внимание Беньямина и оказался способен стать не только литературной иллюстраци-

5. Шекспир В. Трагедия о Гамлете, принце Датском // Полн. собр. соч.: В 8 т. Л.: Academia, 1936. Т. 5. С. 51–52.

6. Shakespeare W. Hamlet, Prince of Denmark. L.: J.M. Dent, 1897. P. 51.

ей его размышлений о печальной участи человека как создателя значений. Персонаж, речь которого непреложно обретает свойства предмета его говорения, обнаруживает окрашенную иронией близость к образу самого Бенъямина, позволяющего предмету своих рассуждений находить явное воплощение в самой манере их изложения, особенностях формулирования, оборотах и словах, среди которых немало авторских неологизмов.

Осмысление Бенъямином своеобразного языка собственных философских размышлений, равно как и фигура Полония⁷, нашли место в книге «Происхождение немецкой барочной драмы» (1925)⁸, выросшей из краткой работы «Значение языка в трауершпиле и трагедии». Изначально подкрепляя ход мыслей, раскрываемых в монографии, высказыванием Гёте о «науке как искусстве»⁹, выведенным в качестве эпиграфа к авторскому предисловию, философ пишет о проблеме изложения: «Если философия стремится соблюсти закон своей формы не как поясняющее наставление к познанию, а как изложение истины, то акцент должен приходиться на осуществление этой формы, а не ее антиципацию в системе». Он сосредоточивает внимание на словесном воплощении мысли, на «мыслительных осколках»¹⁰, определяющих «блеск изложения»¹¹.

Очевидно, что в работе над собственными философскими текстами Бенъямин руководствовался — обычно характеризующим поэтов — стремлением сложить из отдельных элементов, из «осколков», своеобразное словесное произведение, во всех отношениях представляющее собой то, о чем разворачивается повествование, стремлением приблизиться к оптимальному осуществлению мысли в тексте, к предельно возможному соответствию, даже более того — к поразительно органичному слиянию, факторов «как сказано?» и «о чем сказано?». Рассмотренная таким образом работа Бенъямина «Значение языка в трауершпиле и трагедии» благодаря ее чрезвычайной сжатости выяв-

7. Бенъямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. С. 126.

8. Книга содержит ряд обращений к тексту шекспировского «Гамлета», в том числе целую систему наблюдений, свидетельствующих о значительной роли этого произведения в процессе формирования Бенъямина как философа. См.: Там же. С. 136–138.

9. Там же. С. 5.

10. Там же. С. 7.

11. Там же.

ляет особенности его письма, позволяя с ясностью наблюдать процессы самого наглядного воплощения предмета рефлексии в тексте на уровне синтаксических структур, словосочетаний и слов даже в пределах отдельно взятых предложений.

В этом отношении показательным можно счесть предложение, открывающее один из центральных абзацев текста: «Es durchdringen sich die beiden metaphysischen Prinzipien der Wiederholung im Trauerspiel und stellen seine metaphysische Ordnung dar: Cyklik und Wiederholung, Kreis und zwei» («В трауершпиле оба метафизических принципа повторения — цикл и повторение, круг и двоица — пронизывают друг друга и выражают метафизический порядок такой драмы»). Фраза, повествующая о том, как «пронизывают друг друга» «принципы повторения», и сама двоится, пронизанная парами семантически близких слов: *beide* «оба» — *zwei* «два» и *Cyklik* «цикл» — *Kreis* «круг», а также дважды повторяющимся словом *metaphysisch*¹². Повторяется в относительно кратком предложении и само ключевое существительное *Wiederholung* — «повторение». Более того, синтаксическое построение фразы хранит в своей основе двоякость, поскольку обнаруживает два однородных сказуемых, соединенных союзом *и*, и опирается на очень характерный для поэтической речи так называемый синтаксический параллелизм, проявляющийся двумя рядами перечислений, — каждый из двух существительных, соединенных союзом *и*. Как будто воплощая в развернутой форме знаменитые строчки Хлебникова: «Так на холсте каких-то соответствий/Вне протяжения жило Лицо»¹³

12. Немецкий язык предоставляет возможность вынести ключевой элемент фразы *durchdringen* («пронизывать») в ее начало, предварив его частицей *es* в роли *Platzhalter* (дословно «удерживателя места»), заполняющей первое место в повествовательном предложении и таким образом позволяющей разместить глагол на необходимой ему второй позиции даже в условиях стилистически оправданной инверсии. Таким образом Беньямину удастся сосредоточить внимание читателя на возвратном глаголе *sich durchdringen* «пронизывать друг друга» и, соответственно, дать направление дальнейшему восприятию предложения. В русском языке выведение сочетания «пронизывать друг друга» на начальную позицию оказывается не вполне уместным, однако в переводе удастся дополнительно усилить подчеркивание «двоящейся» структуры фразы с помощью добавления заключительного слова *драма*, образующего добавочную пару близких по значению слов с начальным *трауершпиль*, чтобы сохранить и оттенить общий облик фразы.

13. Хлебников В. Бобэоби пелись губы...// Он же. Творения. М.: Советский писатель, 1987. С. 54.

(1908–1909) и подчеркивая исконно поэтическое начинание Бенямина, ряды перечислений вводятся двоеточием, которое в русском варианте невозможно сохранить, однако удастся заменить дважды повторенным тире, обрамляющим ключевой синтаксический элемент.

Подобным образом рассмотренные фразы позволяют увидеть, как язык в тексте Бенямина достигает состояния, близкого к поэтической речи, которую его современник, австрийский поэт Гуго фон Гофмансталь в начале XX века называл *gesteigerte Rede*, речью в превосходной степени¹⁴, обнаруживающей предельную выразительность. В этих словах поэт-символист, обладавший прекрасным филологическим образованием, отразил вывод, к которому его привели наблюдения за творческими процессами: яркость в сочетании с многозначностью, свойственная языку всей художественной словесности, оказывается максимальной в стихотворных строках, способных в самом сжатом облике воплотить самые обширные пласты представлений.

Позднее эта особенность поэтических произведений стала предметом детального изучения литературоведов-теоретиков и нашла наиболее полное и аргументированное отражение в вышедшей в 1999 году книге Ренате Хоман «Теория лирики», объединяющей результаты масштабных поисков новых определений поэзии, призванных охватить разнородные литературные произведения XX века — от классически ориентированных стихотворений до плодов самых радикальных экспериментов. Хоман, чтобы «современным образом отобразить специфику»¹⁵ поэзии, рассматривает ее главным образом как сферу, в которой язык демонстрирует максимум собственных возможностей и создает условия для их осмысления¹⁶. Представленный исследовательницей аспект рассмотрения словесности позволяет современному литературоведению наблюдать в пределах единого поля как привычные рифмованные, разделенные на строфы, соответственным образом ритмически организованные произведения, так и художественные явления, не обнаруживающие непосредственной связи с устоявшимися внешними критериями лирики. В результате выявляются общие осно-

14. Об этом см.: Knörrich O. Lexikon lyrischer Formen. Stuttgart: Kröner, 2005. S. 47.

15. Homann R. Theorie der Lyrik: Heautonome Autopoiesis als Paradigma der Moderne. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1999. S. 14.

16. Ibidem.

вания, при всех разительных различиях связывающие наследие Гёте или Пушкина с творчеством футуристов или дадаистов и выступлениями современных поэтов-перформеров.

Очевидно, что Беньямин, балансируя на границах философии, литературы и филологии, осознанно стремится создать оптимальные условия для движения к максимальной выразительности речи. Таким образом он становится своего рода средством языка, стремящегося — как выявляют, например, рассуждения Хоман — к демонстрации всех своих возможностей «в превосходной степени» и, соответственно, понимаемого в согласии с наиболее широкими сегодняшними представлениями о литературной, в особенности поэтической, коммуникации. Этот ракурс позволяет увидеть наследие немецкого мыслителя в рамках существенной для нашего времени и вполне устойчивой традиции, которая в XIX веке нашла отчетливое воплощение в работе Генриха фон Клейста «О постепенном вызревании мысли в речи» (*Über die allmähliche Verfertigung der Gedanken beim Reden*) (около 1805), представляющей реализацию познавательной деятельности в процессе говорения¹⁷, а в конце XX века была схематизирована знаменитой формулой Иосифа Бродского «поэт — средство или инструмент языка»¹⁸, явившейся радикализацией представлений о языке, постепенно укоренившихся в современной культуре.

Соответственно, если рассматривать творчество Беньямина в контексте других художественных произведений, то возможным оказывается и его литературоведческий анализ. Он позволил бы рассуждать, например, о приведенном выше упоминании Полония как о явной поэтологической составляющей словесного произведения, а именно об элементе автореференции, то есть о проявлении самонаблюдения и самопознания литературы в сжатом, относительно самостоятельном облике. Автореференция остается одной из центральных категорий литературных текстов со времен Фридриха Шлегеля¹⁹, полагавшего, что художествен-

17. Von Kleist H. Über die allmähliche Verfertigung der Gedanken beim Reden // *Sämtliche Werke*. Brandenburger Ausgabe. Fr.a.M.; Basel: Stroemfeld, 2007. Bd. 2. T. 9. S. 25–30.

18. Бродский И. Европейский воздух над Россией: Интервью Анни Эпельбунд // Он же. Большая книга интервью. М.: Захаров, 2000. С. 143.

19. Об этом см.: Menninghaus W. Unendliche Verdopplung: Die Frühromantische Grundlegung der Kunstkritik im Begriff absoluter Selbstreflexion. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1987.

ные воплощения непрекращающихся размышлений автора о собственном произведении необходимы, поскольку призваны вновь и вновь выявлять присущий литературному повествованию особый характер иллюзии²⁰. Разумеется, произведения, содержащие «сообщения о самих себе» или являющиеся прежде всего именно такими сообщениями, появлялись задолго до возникновения романтизма. К наиболее знаменитым примерам прозы подобного рода можно отнести такие романы, как «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» (1605–1615) Мигеля де Сервантеса и «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» (1759–1767) Лоренса Стерна. В XX столетии автореференция характеризует необычайно значительное количество художественных произведений, что связано с существенными изменениями в общей картине литературных процессов, с неудержимым разрушением традиционных представлений об искусстве и литературе и, как следствие, с интенсивными поисками новых представлений и, соответственно, усилившейся рефлексией художественного творчества как такового.

Автореференциально обогащающий повествование Полоний, речь которого в пьесе Шекспира с очевидностью формируется предметом говорения, находит важное место в произведении Беньямина, речи которого также позволено оптимально соответствовать ее предмету. Следовательно, в восприятии читателя возникает — подразумеваемый и лишь частично намеченный развернутым упоминанием — текст в тексте, ироничным образом проясняющий глубинный принцип письма, избранный автором. Беньямин в рассматриваемой работе, как и Полоний, не воспринимает собственную речь как художественное говорение, однако позднее, в книге «Происхождение немецкой барочной драмы», выросшей, как уже было сказано, из «Значения языка в трауршпиле и трагедии», отчетливые различия между искусством и наукой подвергаются сомнению в цитате из Гёте, предпосланной тексту «Эпистемологического предисловия»: «...нам необходимо мыслить себе науку как искусство, если мы ожидаем от нее какого-либо рода целостно-

20. Наиболее отчетливое выражение эти представления находят в «Атенейских фрагментах» (Athenäums-fragmente) (1798), в особенности в знаменитом 116-м фрагменте: *Schlegel F. Athenäums-Fragment Nr. 116* // *Kritische Friedrich-Schlegel-Ausgabe. München; Paderborn; Wien: Schöningh, 1967. Bd. 2. S. 182.*

сти»²¹. Таким образом, сопоставительное чтение позволяет наблюдать постепенный процесс осмысления Беньямином художественного уровня собственного текста, приближающегося в отдельных фразах к представлениям о поэтическом творчестве.

Философское наследие Беньямина, воспринимаемое в контексте литературного творчества XX века, обнаруживает на первый взгляд не вполне очевидные сходжения с рядом немецкоязычных произведений, считающихся исключительно художественными. Частично читателю доступны и плоды размышлений современных писателей и поэтов, нацеленных на осмысление подобного рода познавательных процессов, осуществляющихся посредством вербализации. Так, Гюнтер Грасс открывает художественное повествование «Из дневника улитки» (*Aus dem Tagebuch einer Schnecke*) (1972) словами рассказчика:

Имейте терпение. <...> Я хочу разговаривать с вами окольными (обходными) путями: иной раз вне себя и оскорбленно, порой беря свои слова обратно и снимая обвинения, то и дело завираясь, пока все не становится правдоподобным. Кое о чем мне хотелось бы основательно умолчать. Ту или иную часть от части события я предвосхищаю, тогда как другая часть произойдет только позднее, да и то лишь частично. Так что, если моя фраза извивается, мало-помалу омолаживается, вы не дергайтесь, не кусайте ногти. Поверьте, нет ничего более тягостного, чем достижение цели напрямиком. У нас ведь есть время. Да, это-то у нас есть: вдосталь времени²².

Представленный таким образом художественный метод Грасса можно, позволив себе иронизировать, в самом сжатом виде выразить словами «довратиться до правды». Обеспечивающая это движение, в высшей степени характерная для Грасса совокупность приемов обнаруживает связь не только с его обширнейшим стихотворным наследием, но и с давней традицией, включающей как работу Клейста «О постепенном вызревании мысли в речи», так и философские труды Беньямина, осознанно выстраивавшего познаватель-

21. Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. С. 5.

22. Перевод Е. А. Кацевой. См.: Грасс Г. Из дневника улитки // Собр. соч.: В 4 т. Харьков: Фолио, 1997. Т. 3. С. 337.

ную стратегию поэтическим образом, близким к приведенному выше описанию Грасса.

Поэтическое направление художественно-философских поисков Беньямина не удивляет. Действительно, стихотворные слова как будто льнули к нему и при жизни, и после смерти. Беньямин был автором более пятидесяти сонетов в память о друге юности, покончившем с собой через несколько дней после начала Первой мировой войны²³, поэте-экспрессионисте Кристофе Фридрихе Хайнле (1894–1914), стихи которого философ долгие годы безуспешно пытался опубликовать. Это удалось лишь совсем недавно — исследователю Йоханнесу Штайцингеру в небольшой книжечке 2016 года с вынесенными на обложку словами, о которых так мечтал Беньямин: “Christoph Friedrich Heinle. Lyrik und Prosa”²⁴. Основную часть издания составляют именно стихи. Сонеты же самого Беньямина долгие десятилетия считались утраченными и были обнаружены в 1981 году, став одним из самых значительных стихотворных открытий конца XX века.

Отдельными вехами на пути Беньямина в историю современной литературы стали и знаменитые сегодня стихотворения Бертольта Брехта, потрясенного смертью друга, а также лирические отклики Пауля Целана на наследие Беньямина. Примечательно, что самый ранний и пронзительный текст Брехта о гибели Беньямина под заголовком “W B” (1941) достиг читающей публики лишь в 2017 году, найденный в цюрихском архиве²⁵. Его начальные слова — «даже смена/времен года/вызванная в памяти вовремя/должна была бы его/удержать»²⁶, — написанные на крошечном листочке линованной бумаги, хранят память об утрате. Отклики из прошлого, доносящиеся до нас сквозь многократно повторившуюся с той поры «смену времен года», становятся частью современного искусства, уже в 2004–2005 годах подводившего в рамках масштабной берлинской выставки «Вальтер Беньямин и искусство современности» итоги влияния критика и философа на текущие художественные про-

23. Steizinger J. Zwischen Jugendbewegung und literarischer Avantgarde: Das Leben von Christoph Friedrich Heinle 1894–1914//Heinle Ch. F. Lyrik und Prosa/J. Steizinger (Hg.). B.: Kulturverlag Kadmos, 2016. S. 149–183, 176ff.

24. Heinle Ch. F. Lyrik und Prosa.

25. Bertolt Brecht: «W B»//Frankfurter Allgemeine. 15.12.2017. URL: <https://faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/frankfurter-anthologie/frankfurter-anthologie-w-b-von-bertolt-brecht-15342379.html>.

26. См.: Ibidem.

цессы (сама выставка была приурочена к пятидесятилетию подготовленного Теодором Адорно издания трудов Беньямина).

Соответственно, тот факт, что для осмысления искусства нашего времени Беньямин оказывается чрезвычайно важной фигурой, не удивляет. Его представления о языке и литературе позволяют всмотреться в сегодняшнюю словесность с продуктивной дистанции, становятся своего рода бутылочной почтой, полной новостей из прошлого, вдруг достигших адресатов. Удобный образ *Flaschenpost* применительно к философскому наследию стал знаменит благодаря Теодору Адорно, многому научившемуся у Беньямина, а принимать послания из прошлого Беньямин действительно умел виртуозно, чутко улавливая схождения эпох. Так, знаменитое рассуждение о Франце Кафке «К десятой годовщине со дня смерти» (*Zur zehnten Wiederkehr seines Todestages*, 1934) Беньямин начинает с раскрытия сжатого послания из прошлого: бутылочная почта из XVIII века приносит анекдот о Потемкине и Шувалкине. Краткая история, известная по пушкинской публикации²⁷ и достигшая Беньямина самыми окольными путями, понадобилась маститому философу для того, чтобы рассмотреть основополагающую загадку произведений его современника, оказавшего на него в высшей степени существенное влияние²⁸. Видимо, послание в бутылке оказалось для Беньямина столь актуальным и важным для осмысления окружающей его действительности, что он отдал найденный анекдот в газету, чтобы его напечатали под заглавием «Подпись» (*Die Unterschrift*). Более того, он еще дважды отдавал этот текст в газеты: он появился в *Prager Tagblatt* 5 августа 1934 года и в *Frankfurter Zeitung* 5 сентября того же года. Примечательно, что пронзительная и трагическая история о бутылочной почте найдется и в малой прозе самого Франца Кафки: «Старый листок» (*Ein altes Blatt*, 1917, опубл. 1919) представляет собой загадочное сообщение из прошлого, — точнее близкий по выразительности к знаменитым картинам Мунка (1893–1910) беззвучный крик о помощи из захваченного «номадами» города, достигающий читателя лишь много веков спустя.

27. Пушкин А. С. Table-talk // Полн. собр. соч.: В 10 т. М.: Наука, 1962–1965. Т. 8. С. 99. В исходной версии фамилия персонажа была не Шувалкин, а Петушков. В остальном совпадение очевидно.

28. Беньямин В. Франц Кафка. М.: Ad Marginem, 2013.

Работы разных лет свидетельствуют о том, что Беньямину было особенно удобно опираться в рассуждениях о настоящем на результаты наблюдений за давно прошедшим. Взгляд сквозь призму минувшего многократно помогал и в работе над «Происхождением немецкой барочной драмы». Так, в разделе «Барокко и экспрессионизм», ставшем, согласно наблюдению Сергея Ромашко, «прологом к дружбе Беньямина и Брехта»²⁹, критик, размышляя о барокко, исходит из представлений о внутреннем родстве поэтического творчества двух эпох:

Уже в 1904 году один из историков литературы этой эпохи заявил: «Мне <...> представляется, что художественное чувство (*Gefühl*) никогда за двести прошедших лет не было в своей основе столь родственно ищущей свой стиль барочной литературе, как художественное чувство наших дней. Внутренне опустошенные или глубоко встревоженные, внешне поглощенные формальными техническими проблемами, которые на первый взгляд имели мало общего с экзистенциальными проблемами того времени, — таковы были по большей части барочные поэты и сходные с ними, насколько об этом можно судить, по крайней мере те поэты нашего времени, которые придают характерный облик его творениям»³⁰.

Далее Беньямин сопоставляет отдаленные друг от друга во времени драмы Мартина Опица (1597–1639) и Франца Верфеля (1890–1945), в равной степени обнаруживающие особую скорбную природу. Ранее речь о подобного рода поэте с отчетливостью разворачивается уже в тексте «Значение языка в трауершпиле и трагедии»: «В обоих произведениях поэт был сосредоточен на языковом выражении жалобы и отклике на нее»³¹.

29. Ромашко С. Драматика литературы и драматика жизни: К истории книги Вальтера Беньямина // Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. С. 280.

30. Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. С. 38. В этом фрагменте Беньямин цитирует слова Виктора Манхаймера из работы о Грифиусе: *Manheimer V. Die Lyrik des Andreas Gryphius: Studien und Materialien*. В.: Weidmannsche Buchhandlung, 1904. S. 13.

31. Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. С. 38–39.

Продолжая принципиально важное сопоставление, Беньямин обобщенно очерчивает основу, определившую родство эпох:

Ведь, подобно экспрессионизму, барокко — эпоха не определенной художественной практики, а, скорее, неукротимого художественного воления (*Wollen*). Так всегда обстоит дело с так называемыми эпохами упадка. Высшая действительность в искусстве — изолированное, завершенное произведение. Порой, однако, законченное произведение остается достижимым лишь для эпигонов. Это времена «упадка» искусств, их «волевого импульса» (*Wollen*)³².

Читая эти строки почти столетием позднее, легко заметить, что они замечательно пригодны в качестве призмы для наблюдения за последующими десятилетиями развития культуры, до настоящего времени включительно. Ее на протяжении авангардистской первой трети XX века вполне можно считать «ищущей свой стиль». Этот отказ от «своего стиля» осуществляется в пользу принципиальной дивергентности художественных процессов, в пользу многообразия свойств и признаков, действий и способов воздействия. Так, бутылочная почта Беньямина выявляет не вполне очевидное на первый взгляд единство художественной культуры XX и XXI веков, парадоксальным образом состоящее именно в ориентированности на многообразие и нацеленное на расширение спектра возможностей и обликов искусства экспериментальными путями.

Своего рода художественная версия *in varietate concordia*³³, переживая процесс становления в искусстве многих стран, обнаруживает, благодаря внимательному чтению Беньямина, множественные родственные связи нашей эпохи, многообразно реагирующей на разрушение относительно целостных традиционных представлений об искусстве, с разносторонним и разновекторным наследием эпохи барокко. Возможно, именно «неукротимое художественное воление», подмеченное Беньямином, ответственно и за те многочисленные эксперименты в художественной сфере, к которым с очевидностью тяготеют обе эпохи — и эпоха барокко, и внутренне дифференцированный XX век, вновь

32. Там же. С. 39.

33. Единство в многообразии (*лат.*).

и вновь переживавший бурные всполохи и всплески экспериментального творчества.

Не зная о том, какие воплощения будут находить уже заметные линии развития искусства в дальнейшем, Беньямин проникательно всматривается в феномен экспрессионизма, который — как совокупность взаимосвязанных ключевых тенденций, с отчетливостью проявившихся в рамках десятилетия 1910–1920 годов, — на протяжении XX века найдет многообразные продолжения.

В особенностях, объединяющих словесное наследие эпохи барокко и экспрессионистическое творчество современников, Беньямин видит реакцию на *Wucht des Weltgeschehens*, обозначенную в переводе книги «Происхождение немецкой барочной драмы», как «мощь мировых событий»: «К этому добавляется стремление к простоватой грубости языка, благодаря которой он кажется способным устоять под мощью мировых событий»³⁴. Если всмотреться в немецкую формулировку, суть сказанного проявится полнее. Слово *Wucht* обычно понимаемое как «мощь, сила», значит сверх того «ярость, размах» и связано, например, с выражением *eine ganze Wucht*, то есть «очень много», и с глаголом *wuchern*, «бесконтрольно и чрезмерно разрастаться». Составное существительное среднего рода *Weltgeschehen*, использованное Беньямином в единственном числе, представляет собой субстантивированный инфинитив, то есть исходную форму глагола, перешедшего в разряд существительных и, соответственно, подчеркивающую процессуальность более или менее целостно воспринимаемого и протяженного во времени явления. Таким образом, *Wucht des Weltgeschehens* в точности значит не только «мощь мировых событий», но и «бесконтрольное и чрезмерное разрастание происходящего в мире», которое, по Беньямину, расшатывает возможности привычного языка, в результате устремляющегося на поиски новых способов сохранить или увеличить собственный потенциал.

Высказывание Беньямина, рассмотренное в этом аспекте, легко обнаруживает связь с последующей историей литературного, в особенности поэтического, творчества, действительно выявляющего на протяжении XX и XXI веков неудержимое стремление выстраивать художественную речь, которая могла бы соответствовать немислимо расширившимся знаниям о происходящем в мире, а значит — со-

34. Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. С. 39.

гласовываться с усиливающимся разрастанием, *Wucht des Weltgeschehens* в человеческом восприятии. Проблема огромных информационных объемов и, соответственно, когнитивных перегрузок, по касательной попавшая в поле зрения Бенямина задолго до ее более широкого осмысления, не только не исчезла на протяжении дальнейших десятилетий, но, напротив, обостряется. Оказавшись чрезвычайно актуальной и важной, она обуславливает соответствующую ей экспериментальную поэзию, стремящуюся соответствовать изменившемуся восприятию мира и создать условия для осмысления имеющихся языковых ресурсов, потребность в расширении которых нарастает.

Закономерно, что в такой ситуации особенная роль оказывается отведенной той сфере словесности, которая наиболее пригодна для демонстрации максимальных возможностей языка и их осмысления, то есть сфере поэтического. Именно в ней проблематика, связанная с языком и речью, в особенности художественной, становится доминирующей в такой степени, что бесчисленные произведения, на первый взгляд, не повествуют ни о чем находящемся за собственными пределами, сообщают исключительно о самих себе.

Поэтологическая поэзия, воплощающая самовосприятие, самоотражение и самоосмысление языка, в целом переживает очевидный период расцвета на протяжении XX–XXI веков и создает условия, подобные тем, что утверждаются в «Значении языка в трауршпиле и трагедии» как необходимые для всего сущего, стремящегося выразить себя посредством языка и искусства. Исходя из традиций иудейской мистики и немецкого идеализма, вслед за рассуждениями Бенямина о трауршпиле, или исходя, например, из современной теории систем в духе Никласа Лумана, поэтические произведения можно рассматривать как преодоление немоты сущего посредством языка, приведенного в особенное состояние. Оно обеспечивает предельно возможную поэтическую отстраненность от узких, обыденных значений слов, от представлений об их связях с внеязыковыми реалиями. Так поэтическое слово, манифестируя главным образом, а подчас и почти исключительно, самое себя, приближается к представлениям о божественном Слове, сотворяющем мир.

Для Бенямина в «Значении языка в трауршпиле и трагедии» особенной художественной речью, совмещающей выражаемое и выразительное начала, хранящей по-

тенциальную возможность поименовать все вещи, связать слова и смыслы, стала речь звучащего трауершпиля. Сегодня, исходя из знаний о литературных процессах прошлых десятилетий, продолжение речи, воспринимаемой в духе Беньямина, легко найти в поэзии XX века, в особенности в так называемой герметичной лирике³⁵, то есть в стихотворениях, с отчетливостью сопротивляющихся непосредственному, рационально обоснованному постижению.

Все более очевидный расцвет, переживаемый этой разновидностью словесного творчества на протяжении первой половины прошедшего столетия, отметил в 1956 году Гуго Фридрих знаменитым утверждением о поэзии и читателе в книге «Структура современной лирики», испытанной десятками переизданий: «Ее темная непроницаемость завораживает и запутывает его в равной мере»³⁶. Аналогичное наблюдение в 1989 году сделал и Дитер Лампинг:

Хотя лирическая речь и не *должна* непременно быть темной, непонятной, она все же периодически *может* таковою быть, что легко продемонстрировать не только с помощью стихотворений Пиндара, Ангелуса Силезиуса, Гонгоры или Блейка, но и прежде всего с помощью современной лирики. Темная непроницаемость даже стала для многих ее специфическим признаком³⁷.

Показательно, что при перечислении важных вех в истории «темной лирики» — фактически не столько герметичной, сколько предельно открытой для разнообразных интерпретаций — Лампинг, не обойдя вниманием творчество силезского вестника как вершину барочной поэзии, останавливается именно на романтически осмысленном наследии Уильяма Блейка, обозначив важнейшее влияние авторов рубежа XVIII и XIX веков на рассматриваемую систему преемственных связей. Традиция раннего Фридриха Шлегеля с его знаменитым наброском «О непонятно-

35. См. об истории этой разновидности поэтического творчества в немецкоязычном пространстве, напр.: *Waldschmidt Ch.* «Dunkles zu sagen»: Deutschsprachige hermetische Lyrik im 20. Jahrhundert. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2011.

36. См: *Friedrich H.* Die Struktur der modernen Lyrik: von Baudelaire bis zur Gegenwart. Hamburg: Rowohlt, 1959. S. 10.

37. *Lamping D.* Das lyrische Gedicht: Definitionen zu Theorie und Geschichte der Gattung. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2000. S. 72.

сти» (*Über die Unverständlichkeit*) (1798–1799)³⁸ или позднего Гёльдерлина, загадочные стихи которого и в 1990-е годы притягивали воображение поэтов³⁹, находит многообразные воплощения в истории литературы XX века. Влияние Новалиса на современную словесность, возможно, менее очевидно, вместе с тем связь герметичной лирики с наследием знаменитого романтика также не вызывает сомнений, если обратиться к повести «Ученики в Саисе» (*Die Lehrlinge zu Sais*, 1799), появившейся одновременно с наброском «О непонятности» и опубликованной посмертно под редакцией Фридриха Шлегеля и Людвига Тика в 1802 году.

Произведение Новалиса открывается важным поэтологическим утверждением, подготовленным несколькими предложениями первого абзаца и представленным речью загадочных голосов:

Издавелека послышалось мне: «Непонятность есть только следствие непонимания; оно ищет то, что уже имеет, и тем самым ничего большего найти не может. Мы не понимаем языка потому, что язык сам себя не понимает, не хочет понимать; настоящий санскрит говорит, чтобы говорить, потому что говорить — его радость и его сущность». Немного спустя кто-то сказал: «Священные письма не нуждаются в объяснении. Кто говорит правдиво, исполнен вечной жизни, и мнится нам, что письмо его чудесным образом сродни подлинным тайнам, ибо оно — один из аккордов вселенской симфонии»⁴⁰.

Древний язык, подобный «настоящему санскриту», по Новалису, не стремится понимать себя и быть понятым, отступая от конкретных словесных значений, укорененных в давно исчезнувшей обыденности отдаленного прошлого. Слова этого языка, как бутылочная почта из иных времен,

38. См. о влиянии представлений Шлегеля, связанных с непониманием и непонятностью: Chaouli M. Die «Verwandtschaftstafeln der Buchstaben» und das große Lalula der Romantik// «Fülle der combination»: Literaturforschung und Wissensgeschichte/B. J. Dotzler, S. Weigel (Hg.). München: Wilhelm Fink, 2005. S. 101–125.

39. См. сборник стихотворений современных поэтов, посвященный Гёльдерлину: An Hölderlin: Zeitgenössische Gedichte/H. Gnüg (Hg.). Stuttgart: Reclam, 1993.

40. Новалис. Ученики в Саисе//Немецкая романтическая повесть: В 2 т. М.: Academia, 1935. Т. 1. С. 109–110.

как загадочные записи из «Старого листка» Франца Кафки, стремятся лишь вновь и вновь звучать непостижимой речью, оказываясь сродни звукам трауершпиля в понимании Бенямина.

Нечто близкое к таким образом воспринятому санскриту, в равной степени пригодному для написания поэтических художественных произведений и священных книг, живет и в стихотворном наследии XX столетия, оптимально соответствуя времени секуляризации культуры и интенсивных, а подчас отчаянных, поисков мировоззренческих оснований, согласующихся с изменившимся самовосприятием человека. Образцы письма, родственного новалисовским «подлинным тайнам», во множестве находил для своей книги Гуго Фридрих среди поэтических публикаций первой половины XX века⁴¹. Во второй половине столетия литературную работу предшественников в пределах немецкоязычной словесности продолжили Готфрид Бенн, Пауль Целан, Ингеборг Бахман и другие авторы, благодаря творчеству которых традиция «темной лирики»⁴² достигла небывалого расцвета и является самой влиятельной линией в поэтическом наследии Германии и Австрии. Неудивительно, что ключевые фигуры сегодняшней поэзии в этих странах с отчетливостью опираются именно на туманное наследие позднего Гёльдерлина. Так возникли важные стихотворные сборники XXI века — *Scardanelli* (2009) Фридерике Майрёкер (р. 1924) и *Hölderlin Reparatur* (2008) Герхарда Фалькнера (р. 1951). О важности той же традиции для собственного творчества многократно писала и Ульрике Дрэзнер (р. 1962), прежде чем закрепить отсылки к Гёльдерлину и Бенну на своей электронной странице в рубрике «Влияния»⁴³.

Литература XX и XXI веков в ее влиятельных поэтических разновидностях оказывает сопротивление жесткому и рациональному структурированию, одерживающему, казалось бы, все более очевидные и вместе с тем сомнительные победы во многих сферах человеческой жизни. Представители давней стихотворной традиции осознанно отступают на максимально возможную дистанцию от рас-

41. См. перевод этой книги на русский язык: Фридрих Г. Структура современной лирики: От Бодлера до середины двадцатого столетия. М.: ЯСК, 2010.

42. Подробнее об этой традиции см.: *Lamping D. Lamping D. Das lyrische Gedicht: Definitionen zu Theorie und Geschichte der Gattung*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2000.

43. *Draesner U. Einflüsse*. URL: <http://draesner.de/einfluesse/>.

судочной дискурсивности, пытаюсь ограничить всепоглощающее человеческое стремление к обоснованию и объяснению любых явлений, стремясь сосредоточить внимание на том, что с очевидностью ускользает от схематизации и мыслительных клише. Поэзия пестует многообразие непонятности, предпочитая обманчивой точности нарочитую расплывчатость художественного высказывания, обеспечивающую ему почти предельную глубинную многозначность.

Так словесность всевозможными способами неуклонно повествует о том, что не допускает рационального постижения. В пределах этого повествования поэтическая речь принимает облик того, о чем она ведется. При взгляде со стороны литература в ее стихотворном существовании как будто сама уподобляется размышляющему о рационально не постижимом и постепенно впадающему в безумие шекспировскому Полонию, возникающему в тексте Беньямина. Напоминающий о речи Полония бурный расцвет «непонятной» поэзии происходит не только в согласии с бунтарским дадаистским лозунгом «безумному миру — безумное искусство»⁴⁴, но и вне ярко выраженных отчаянно-протестных настроений, явной общественной критики и отчетливой социальной ангажированности. В эпоху, отмеченную обманчивыми имитациями рациональности в самых разных сферах социальной жизни, включая манипуляции псевдологичными пропагандистскими выкладками, важная часть поэзии намеренно уподобляется безрассудной речи о безумии.

Постепенно — и с большой долей иронии — перенимая черты предмета собственного говорения, поэтическая традиция видоизменяется. Представленные еще Монтенем поэтические «прыжки и курбеты»⁴⁵, многовековая игра приближений и отдалений, сплетение обнаруженных Грассом «окольных путей»⁴⁶ литературы в очередной раз достигают, казалось бы, предельной концентрации, которая оборачивается своего рода обнулением, сбросом отчетливо воспринимаемых смыслов, приводящим к актуализации потенциальных выразительных возможностей речи. Создавая отдельно

44. Об этом см. главу 1 «Генеалогия» и главу 2 «История» книги В. Д. Седельника «Дадаизм и дадаисты»: *Седельник В. Д. Дадаизм и дадаисты*. М.: ИМЛИ РАН, 2010.

45. *Монтень М. Опыты*.

46. Перевод Евгении Кацевой. См.: *Грасс Г. Из дневника улитки*.

взятый «безумный», рационально не вполне постижимый текст, конкретные смыслы которого могут быть созданы лишь в сознании читателя, словесность добирается, путями Грасса — «довирается», до множества индивидуальных «правд» более или менее своеобразных читательских трактовок. Участие в этом движении литературы объединяет читателей Гёльдерлина, Бенна, Целана с ценителями конкретной экспериментальной поэзии 1960–1970-х годов и приверженцами современных художественных перформансов, опирающихся на использование новейшей дигитальной техники.

Движение, в процессе которого сегодня развиваются новые языки поэзии, напоминающие о ее истоках и самом отдаленном прошлом, необходимо предполагает пересечение всевозможных границ. Такая ориентированность литературы на выход за собственные пределы давно очевидна и уже на протяжении длительного времени остается предметом размышлений⁴⁷. Заинтересованный читатель уподобляется зрителю, постепенно овладевшему — в согласии с представлениями Беньямина — способностью воспринимать траур-шпили с предельной глубиной. Подобного рода читатель воспринимает слова не как носители определенных значений, что можно было бы соотнести с представлениями Беньямина о трагедии, а как элементы бесконечной музыкальной игры. Осмыслить итоги наблюдений за ней могут позволить результаты продолжающегося освоения наследия Беньямина, которые дополняют достижения рецептивной эстетики и применимые для изучения поэзии нарратологические находки⁴⁸.

Ориентированность на этот фундаментальный сдвиг восприятия объединяет современную поэзию с близким Беньямину творчеством экспрессионистов, которым он посвятил не только свои теоретические размышления. Чрезвычайно показателен и тот факт, что философ и сам участвовал в художественной деятельности вокруг журнала

47. См. сборники современной немецкоязычной экспериментальной поэзии с программным названием «Пересечения границ» 2006 и 2010 годов: *Grenzüberschneidungen: Poesie Visuell Interkulturell*/G. Vallaster (Hg.). Wien: Edition ch, 2006; *Grenzüberschneidungen: Ein Polylog der Visuellen Poesie*/J. Kaminska-Ja, G. Vallaster (Hg.). Wien: Edition ch, 2010.

48. *Schönert J. et al. Lyrik und Narratologie: Text-Analysen zu deutschsprachigen Gedichten vom 16. zum 20. Jahrhundert*. B.; N.Y.: De Gruyter, 2007.

«Акцион»⁴⁹ вместе с Кристофом Фридрихом Хайнле⁵⁰, настолько важным для Бенямина, что и по прошествии многих лет после гибели поэта он называл его единственно: мой друг⁵¹.

Когда в 1917 году Бенямин переслал Гершому Шолему (1897–1982)⁵² манускрипт своей работы о романе Достоевского «Идиот» (*Der Idiot von Dostojewski*, 1917), Шолем, обладавший уникальным даром читателя, воспринял сочинение философа как сложную отсылку к судьбе Кристофа Фридриха Хайнле и сообщил об этом в ответном письме. Пораженный неожиданным открытием, Бенямин 3 декабря 1917 года с восторгом написал Шолему о своей радости по поводу их удивительного дружеского взаимопонимания и душевной близости:

С тех пор как я получил ваше письмо, у меня на душе праздник. Я вступил в новую эпоху моей жизни — поскольку то, что с космической скоростью отделяло меня от всех людей и на лету превращало ближайшие связи в их смутные тени, неожиданно возникает в другом пространстве и связывает в одно целое⁵³.

Вне всякого сомнения, эпоха, выявляющая связи Бенямина с его современниками и потомками, не закончилась после его смерти, а, напротив, продолжается и сегодня.

Библиография

- Бенямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. М.: Аграф, 2002.
Бенямин В. Франц Кафка. М.: Ad Marginem, 2013.
Бродский И. Европейский воздух над Россией: Интервью Анни Эпельбун-эн // Большая книга интервью. М.: Захаров, 2000. С. 130–153.

49. Steizinger J. Zwischen Jugendbewegung und literarischer Avantgarde: Das Leben von Christoph Friedrich Heinle 1894–1914 // Heinle Ch. F. Lyrik und Prosa / J. Steizinger (Hg.). B.: Kulturverlag Kadmos, 2016. S. 176ff.

50. Бенямин опубликовал в журнале «Акцион» две статьи (1913, 1914), в которых нашел отражение опыт экспрессионистского поколения. См. об этом: Рущар Л. Энциклопедия экспрессионизма. М.: Республика, 2003. С. 370.

51. Scholem G. Walter Benjamin: die Geschichte einer Freundschaft. B.: Suhrkamp, 2016. S. 19.

52. О дружбе Бенямина с Шолемом см.: Benjamin-Handbuch: Leben — Werk — Wirkung / B. Lindner (Hg.). Stuttgart; Weimar: Metzler. S. 59ff. Воспоминания Шолема об этой дружбе: Scholem G. Walter Benjamin: die Geschichte einer Freundschaft. B.: Suhrkamp, 2016.

53. Benjamin W. Briefe / G. Scholem, Th. W. Adorno (Hg.). Fr.a.M.: Suhrkamp, 1978. S. 398.

- Грасс Г. Из дневника улитки//Собр. соч.: В 4 т. Харьков: Фолио, 1997. Т. 3.
- Монтень М. Опыты//Избр. соч.: В 3 т. М.: Голос, 1992. Т. 3.
- Новалис. Ученики в Саисе//Немецкая романтическая повесть: В 2 т. М.: Academia, 1935. Т. 1. С. 109–144.
- Пушкин А. С. Table-talk// Полн. собр. соч.: В 10 т. М.: Наука, 1962–1965. Т. 8. С. 89–115.
- Ришар Л. Энциклопедия экспрессионизма. М.: Республика, 2003.
- Ромашко С. Драматика литературы и драматика жизни: К истории книги Вальтера Беньямина//Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. М.: Аграф, 2002. С. 271–281.
- Седельник В. Д. Дадаизм и дадаисты. М.: ИМЛИ РАН, 2010.
- Фридрих Г. Структура современной лирики: От Бодлера до середины двадцатого столетия. М.: ЯСК, 2010.
- Хлебников В. Бобэоби пелись губы...//Он же. Творения. М.: Советский писатель, 1987.
- Шекспир В. Трагедия о Гамлете, принце Датском//Полн. собр. соч.: В 8 т. Л.: Academia, 1936. Т. 5. С. 1–175.
- An Hölderlin: Zeitgenössische Gedichte/H. Gnüg (Hg.). Stuttgart: Reclam, 1993.
- Benjamin-Handbuch: Leben – Werk – Wirkung/B. Lindner (Hg.). Stuttgart; Weimar: Metzler.
- Benjamin W. Briefe/G. Scholem, Th. W. Adorno (Hg.). Fra.M.: Suhrkamp, 1978.
- Bertolt Brecht: „W B“// Frankfurter Allgemeine. URL: <https://faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/frankfurter-anthologie/frankfurter-anthologie-w-b-von-bertolt-brecht-15342379.html>.
- Chaouli M. Die „Verwandtschaftstafeln der Buchstaben“ und das große Lalula der Romantik//“Fülle der combination”: Literaturforschung und Wissensgeschichte/B.J. Dotzler, S. Weigel (Hg.). München: Wilhelm Fink, 2005. S. 101–125.
- Draesner U. Einflüsse. URL: <http://draesner.de/einfluesse/>.
- Friedrich H. Die Struktur der modernen Lyrik: von Baudelaire bis zur Gegenwart. Hamburg: Rowohlt, 1959.
- Grenzüberschneidungen: Ein Polylog der Visuellen Poesie/J. Kaminskaja, G. Vallaster (Hg.). Wien: Edition ch, 2010.
- Grenzüberschneidungen: Poesie Visuell Interkulturell/G. Vallaster (Hg.). Wien: Edition ch, 2006.
- Heinle Ch. F. Lyrik und Prosa/J. Steizinger (Hg.). B.: Kulturverlag Kadmos, 2016.
- Homann R. Theorie der Lyrik: Heautonome Autopoiesis als Paradigma der Moderne. Fra.M.: Suhrkamp, 1999.
- Knörrich O. Lexikon lyrischer Formen. Stuttgart: Kröner, 2005.
- Lamping D. Das lyrische Gedicht: Definitionen zu Theorie und Geschichte der Gattung. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2000.
- Manheimer V. Die Lyrik des Andreas Gryphius: Studien und Materialien. B.: Weidmannsche Buchhandlung, 1904.
- Menninghaus W. Unendliche Verdopplung: Die Frühromantische Grundlegung der Kunstkritik im Begriff absoluter Selbstreflexion. Fra.M.: Suhrkamp, 1987.
- Schlegel F. Athenäums-Fragment Nr. 116//Kritische Friedrich-Schlegel-Ausgabe. München; Paderborn; Wien: Schöningh, 1967. Bd. 2.
- Scholem G. Walter Benjamin: die Geschichte einer Freundschaft. B.: Suhrkamp, 2016.
- Schönert J., Huhn P., Stein M. Lyrik und Narratologie: Text-Analysen zu deutschsprachigen Gedichten vom 16. zum 20. Jahrhundert. B.; N.Y.: De Gruyter, 2007.
- Shakespeare W. Hamlet, Prince of Denmark. L.: J.M. Dent, 1897.
- Steizinger J. Zwischen Jugendbewegung und literarischer Avantgarde: Das Leben von Christoph Friedrich Heinle 1894–1914//Heinle Ch. F. Lyrik und Prosa/J. Steizinger (Hg.). B.: Kulturverlag Kadmos, 2016. S. 149–183.

Von Kleist H. Über die allmähliche Verfertigung der Gedanken beim Reden // Sämtliche Werke. Brandenburger Ausgabe. Fr.a.M.; Basel: Stroemfeld, 2007. Bd. 2 (9).

Waldschmidt Ch. "Dunkles zu sagen": Deutschsprachige hermetische Lyrik im 20. Jahrhundert. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2011.

From Literature to Philosophy

Juliana Kaminskaja. Saint Petersburg University (SPbU), Saint Petersburg, Russia, y.kaminskaya@spbu.ru.

The article presents the possible paths to the philological development of the first translated and little-known work of Walter Benjamin *The Role of Language in Trauerspiel and Tragedy*. Based on the key problematics of the fragment, associated with the expressive possibilities of language, and by focusing on the features of the unusual philosophical speech, it is possible to consider the text as part of the tradition of poetic speaking in the spirit of Michel de Montaigne. The resonance of readers' impressions of Benjamin, connecting the works of Shakespeare and Goethe with the legacy of expressionist poets, speaks to the philosopher's unique understanding of the verbal side of his own reflections. A striking organic fusion of the factors "how is it said?" and "about what is said?" in Benjamin's text is demonstrated by a selective analysis of individual phrases supported by appeals to the modern theory of poetry. Balancing on the borders of philosophy, literature, and philology, Benjamin aims to create the optimal conditions for language, traditionally striving to demonstrate the maximum extent of his capabilities in the artistic sphere. Such an orientation of the philosopher determines the fundamental similarity of his early fragment and the elements of the history of literature that are relevant today – from reflections of Friedrich Schlegel "On Incomprehensibility" and Heinrich von Kleist "On the Gradual Construction of Thoughts During Speech" to Joseph Brodsky's famous formula "the poet is the means or instrument of language" and the broadest ideas about literary communication that form modern experimental creativity. As a result, it turns out that Benjamin's legacy is a well-functioning prism that allows us to consider how the painful feeling of insufficient verbal resources and the acute need for diverse attempts, through poetic means, to study and expand the expressive possibilities of speech are manifested in art of the XX and early XXI centuries.

Keywords: *Walter Benjamin; literature; poetry; autoreference; philosophy; Trauerspiel.*

References

- An Hölderlin: *Zeitgenössische Gedichte* (Hg. H. Gnüg), Stuttgart, Reclam, 1993.
Benjamin W. *Frants Kafka* [Franz Kafka], Moscow, Ad Marginem, 2013.
Benjamin W. *Proiskhozhdenie nemetskoj barochnoi dramy* [Ursprung des deutschen Trauerspiels], Moscow, Agraf, 2002.
Benjamin-Handbuch: Leben – Werk – Wirkung (Hg. B. Lindner), Stuttgart, Weimar, Metzler.
Bertolt Brecht: „W B“. *Frankfurter Allgemeine*, December 15, 2017. URL: <http://faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/frankfurter-anthologie/frankfurter-anthologie-w-b-von-bertolt-brecht-15342379.html>.
Brodsky J. *Evropeiskii vozdukh nad Rossiei': interv'iu Anni Epel'buen* [European Air Over Russia: An Interview by Annie Epelboin]. *Bol'shaya kniga interv'yu* [Big Book of Interviews], Moscow, Zakharov, 2000, pp. 130–153.

- Chaouli M. Die "Verwandtschaftstafeln der Buchstaben" und das große Lulu-la der Romantik. "Fülle der combination": *Literaturforschung und Wissensgeschichte* (Hg. B.J. Dotzler, S. Weigel), München, Wilhelm Fink, 2005, S. 101–125.
- Draesner U. Einflüsse. Ulrike Draesner. URL: <http://draesner.de/einfluesse/>.
- Friedrich G. *Struktura sovremennoi liriki: Ot Bodlera do serediny dvadtsatogo stoletiya* [The Structure of Contemporary Lyrics: From Baudelaire to the Mid-Twentieth Century], Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur, 2010.
- Friedrich H. *Die Struktur der modernen Lyrik: von Baudelaire bis zur Gegenwart*, Hamburg, Rowohlt, 1959.
- Grass G. Iz dnevnika ulitki [From the Diary of a Snail]. *Sobr. soch.: V 4 t.* [Collected Works: In 4 vols], Khar'kov, Folio, 1997, vol. 3.
- Grenzüberschneidungen: Ein Polylog der Visuellen Poesie* (Hg. J. Kaminskaja, G. Vallaster), Wien, edition ch, 2010.
- Grenzüberschneidungen: Poesie Visuell Interkulturell* (Hg. G. Vallaster), Wien, edition ch, 2006.
- Heinle Ch. F. *Lyrik und Prosa* (Hg. J. Steizinger), Berlin, Kulturverlag Kadmos, 2016.
- Homann R. *Theorie der Lyrik: Heautonome Autopoiesis als Paradigma der Moderne*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1999.
- Khlebnikov V. Bobeobi pelis' guby... [Bo-beh-oh-bee is the Lipsong...]. *Tvoreniya* [Artworks], Moscow, Sovetskii pisatel', 1987.
- Knörrich O. *Lexikon lyrischer Formen*, Stuttgart, Kröner, 2005.
- Lamping D. *Das lyrische Gedicht: Definitionen zu Theorie und Geschichte der Gattung*, Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 2000.
- Manheimer V. *Die Lyrik des Andreas Gryphius: Studien und Materialien*, Berlin, Die Lyrik des Andreas Gryphius, 1904.
- Menninghaus W. *Unendliche Verdopplung: Die Frühromantische Grundlegung der Kunstkritik im Begriff absoluter Selbstreflexion*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1987.
- Montaigne M. Opyty [Experiments]. *Izbr. soch.: V 3 t.* [Selected Works: In 3 vols], Moscow, Golos, 1992, vol. 3.
- Novalis Ucheniki v Saise [The Disciples at Sais]. *Nemezkaya romanticheskaya povest': V 2 t.* [German Romantic Novel: In 2 vols], Moscow, Academia, 1935, vol. 1, pp. 109–144.
- Pushkin A.S. Table-talk. *Poln. sobr. soch.: V 10 t.* [Complete Works: In 10 vols], Moscow, Nauka, 1962–1965, vol. 8, pp. 89–115.
- Richard L. *Entsiklopediya ekspressionizma* [Encyclopedia of Expressionism], Moscow, 2003.
- Romashko S. Dramatika literatury i dramatika zhizni: K istorii knigi Val'tera Ben'yamina [Drama of Literature and the Drama of Life: to the History of Walter Benjamin's Book]. In: Benjamin W. *Proiskhozhdenie nemetskoj barochnoi dramy* [Ursprung des deutschen Trauerspiels], Moscow, Agraf, 2002, pp. 272–281.
- Schlegel F. Athenäums-Fragment Nr. 116. *Kritische Friedrich-Schlegel-Ausgabe*, München, Paderborn, Wien, Schöningh, 1967, Bd. 2.
- Scholem G. *Walter Benjamin: die Geschichte einer Freundschaft*, Berlin, Suhrkamp, 2016.
- Schönert J., Huhn P., Stein M. *Lyrik und Narratologie: Text-Analysen zu deutschsprachigen Gedichten vom 16. zum 20. Jahrhundert*, Berlin, New York, De Gruyter, 2007.
- Sedel'nik V.D. *Dadaizm i dadaisty* [Dadaism and the Dadaists], Moscow, IMLI RAN, 2010.
- Shakespeare W. *Hamlet, Prince of Denmark*, London, J.M. Dent, 1897.
- Shakespeare W. *Tragediya o Hamlete, printse Datskom* [The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark]. *Poln. sobr. soch.: V 8 t.* [Complete Works: In 8 vols], Leningrad, Academia, 1936, vol. 5, p. 1–175.

- Steizinger J. Zwischen Jugendbewegung und literarischer Avantgarde: Das Leben von Christoph Friedrich Heinle 1894–1914. In: Heinle Ch. F. *Lyrik und Prosa* (Hg. J. Steizinger), Berlin, Kulturverlag Kadmos, 2016, S. 149–183.
- Von Kleist H. Über die allmähliche Verfertigung der Gedanken beim Reden. *Sämtliche Werke. Brandenburger Ausgabe*, Frankfurt am Main, Basel, Stroemfeld, 2007, Bd. 2 (9).
- Waldschmidt Ch. *“Dunkles zu sagen”: Deutschsprachige hermetische Lyrik im 20. Jahrhundert*, Heidelberg, Universitätsverlag Winter, 2011.

Эвфемизируя
политику,
или Литературная
история *Esprit*

Павел Арсеньев

Павел Арсеньев. Женевский университет (UNIGE), Женева, Швейцария; литературно-теоретический журнал «Транслит», Санкт-Петербург, Россия, lartpaulars@gmail.com.

Оказавшись в новом городе на карантине, автор предпринимает ревизию близлежащей культурной мифологии и беглое картографирование контекстов, имеющихся в шаговой доступности. В случае марсельского района Старого Порта таким оказывается квартал, в котором было написано несколько эссе Вальтера Беньямина и, в частности, «Гашиш в Марселе», так сказать, по горячим следам после прогулки по этому же кварталу. В ходе упражнения в литературном краеведении принимается решение вести библиографические заметки из этого района, цикл которых получает название «Единица хранения». Первой «единицей хранения», в первом же репортаже из марсельской библиотеки *Alcazar* становится уже практически легендарный журнал *Esprit*. В частности, в недавнем выпуске за лето 2021 года, озаглавленном «Политики литературы», автор журнала Мишель Мюра анализирует собственную историю этого издания в ее отношении к литературным группам и процессам послевоенных десятилетий во Франции. В качестве одной из ставок «политик литературы» анализируется циркуляция понятия «белого письма» (*écriture blanche*), предложенного Роланом Бартом. Еще одна из анализируемых публикаций посвящена истории понятия ангажированного литератора, а также противостоявшим ему моделям институционального и риторического поведения в изложении Жизель Сапиро. Из предложенных понятий *эстет*, *нотабля*, *авангардиста* и *полемиста* автор обзора предпринимает попытку отобрать те, что могут оказаться релевантны для отечественного поля литературы аналогичного периода.

Ключевые слова: Вальтер Беньямин; Жак Рансьер; политика литературы; *Esprit*; *Tel Quel*; Ролан Барт; нулевая степень письма; новый роман; структуриализм.

Оказываясь в новом городе, сперва пытаешься обзавестись жизненно необходимым сводом карт, но иногда оказывается так, что, исходив некий квартал вдоль и поперек, вдруг обнаруживаешь, что его организующим центром или тем, что постоянно приходилось огибать, оказывается отложенная точка притяжения. Так произошло с библиотекой *Alcazar*, что расположена в самом центре пестрого и кипучего марсельского квартала *Belsunce*¹. У этого шумного, рыночного и, как это здесь политкорректно называют, «витального» (*vitale*, то есть населяемого в основном выходцами из Магриба) квартала, впрочем, есть и своя литературная история — именно по нему бродит автор и рассказчик эссе «Гашиш в Марселе».

Вальтер Беньямин пишет его в 1928 году, когда он уже вернулся из поездки в зимнюю Москву в 1926–1927 годы, где пробовал (безуспешно) пристроить статью о Гёте в «Советскую энциклопедию», стать собкором советской газеты в Европе и жениться на Асе Лацис и успел (успешно) познакомиться с пьесами Третьякова и фильмами Сергея Эйзенштейна. Он уже попробовал применять к реальности большевистской Москвы метод «нежного эмпиризма» Иоганна Вольфганга фон Гёте, то есть практиковать чистое описание, избегая всякой теории, но в запотевших на московском морозе стеклах очков оказалось не так легко рассмотреть коммунизм, и Беньямин возвращается практически ни с чем — если не считать «Московского дневника», из которого мы и знаем обо всех его эпистемологических и бытовых затруднениях². После этой поездки в зимнюю Россию его сильно, но еще не окончательно отшатывает от «хорошо проветренных утопий» советско-немецкого авангарда в направлении «перегретых фантазий» сюрреалистической сцены, между которыми он в дальнейшем и создаст интереснейший диапазон колебаний³. А пока

1. О первых опытах посещения книжных мест Марселя, включая выставку книги художника в библиотеке *Alcazar*, см. в обзоре: Арсеньев П. Где футуризм зимует, или Когда искусство оборачивается книгой // *Arterritory*. 23.03.2021. URL: https://arterritory.com/ru/vizualnoe_iskusstvo/stati/25476-gde_futurizm_zimuet.

2. Беньямин В. Московский дневник / Пер. с нем. С. Ромашко. М.: Ad Marginem, 1997. См. там же предисловие Михаила Рыклина, к которому восходит интерпретация, согласно которой все, что было коммунистического в Москве в 1926–1927 гг., было вывезено в чемодане Беньямина, набитом детскими игрушками с барахолки.

3. Обе перспективы появятся в переходном эссе, написанном в год переезда из Берлина в Париж: *Benjamin W. Experience and Poverty* // *Die Welt im Wort*. 1933. Vol. 2. P. 213–219. URL: <https://atlasofplaces.com/essays/experience-and-poverty> (дата обращения: 10.01.2021).

в 1927–1928 годах Беньямин совершает все более регулярные наезды во Францию и в том числе на юг — в Марсель.

«29 июля, в семь часов вечера, после долгих колебаний <Беньямин> съел гашиш»⁴ и отправился гулять по Марселю в надежде испытать на письме принятое вещество и заодно поужинать.

Как пишут знающие люди, Беньямин довольно регулярно, начиная с поездок в Неаполь в 1920-х, курил гашиш, что позволяет издателю его переводов на русский язык даже предположить, что мысль Беньямина во многом может быть описана через идиому «быть на измене», наиболее точно описывающую его частый опыт⁵. Однако в конце 1920-х — начале 1930-х Беньямин еще очень увлечен идеями советского производственничества, проектирует, ориентируясь на фигуру Третьякова, модель *автора-как-производителя*⁶, и поэтому написание марсельского эссе «дунувшим» Беньямином имеет все жанровые черты производственной драмы «человека за письменным столом». Вполне можно рассматривать этот июльский вечер как эпизод его интеллектуальной биографии, в котором он применяет лефовские теории бессюжетного повествования, но уже на ином материале и под воздействием, так сказать, сюрреалистических приемов. Здесь он также все еще стремится к «описанию, избегая всякой теории», но не забывает, что на этот раз восприятие сильно модифицировано, — причем не методологическими рекомендациями Гёте, а марсельским гашишем. В сюжете нет игровой интриги, «развертывания» истории, это просто

4. С этих слов начинается эссе «Гашиш в Марселе», см.: Беньямин В. Гашиш в Марселе // Он же. Озарения. М.: Мартис, 2000. С. 292–298.

5. «Беньямин часто находился в этом состоянии, с измененным сознанием, с постоянным ощущением, что его сейчас накроет. Возможно, он не выполнял главное правило употребления наркотика: не делал это в комфортной обстановке, в окружении людей, которым абсолютно доверяешь. Беньямин курил гашиш в одиночестве или в состоянии непроясненных отношений с тем же Адорно, с женщинами, со своей кредитной историей и так далее. Абсолютно неловкое и непрактичное существо. К примеру, у Шолема и даже у Адорно все схвачено: дела, карьера, семья. Они нормализованы как будто лучше иных к началу тридцатых годов, а Беньямин — чем дальше, тем радикальнее — избегает нормализации, бежит от нее как от чумы. Это состояние проявляется не только в мысли, но и в повседневности: проблемах с финансами, которые он мог легко решить. Сегодня рухнул образ Беньямина, который был создан Арендт и Шолемом: фатумного неудачника, проклятого. Реальный Беньямин мог жить абсолютно комфортно, но ему было либо страшно, либо лень» (Иванов А., Вилейкус А. Вальтер Беньямин: философ на измене // Нож. 12.07.2012. URL: <https://knife.media/benjamin/>).

6. Беньямин В. Автор как производитель // Он же. Учение о подобии: медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012. С. 133–161.

набор фрагментов, скрепленных чисто метонимически — городской тканью, за которой следует и сам текст этого автоэтнографического дневника.

Первая остановка — кафе на углу Каннэбьер и Кур-Бельзюнс. Если смотреть от порта, справа, таким образом для меня необычное. И так? Только некоторый благожелательный интерес к людям, идущим навстречу. Очень скоро исчезает чувство одиночества.

Моя трость начинает доставлять мне особое удовольствие. Становишься таким чувствительным, что боишься, как бы тень, упавшая на бумагу, ей не повредила. Отвращение исчезает. Читаешь таблички на писсуарах. Я бы не удивился, если кто-то из людей ко мне подошел. Но то, что никто не подходит, для меня тоже неважно. Но все-таки здесь слишком шумно⁷.

Именно здесь, в месте первой остановки покудившего Бенъямина — на углу Каннэбьер и Кур-Бельзюнс, — сегодня и располагается библиотека *Alcazar*, соперничая за эту топонимику с уже современными продавцами гашиша и предлагая населению не менее заманчивые мероприятия — регулярные выставки и литературные вечера, пластинки, цифровые и, разумеется, бумажные носители. Среди них — полки с последними выпусками *London Review of Books*, *New York Review of Books*, французскими *Quinzaine littéraire*, *Poétique*, *Traffic* и даже швейцарским *Revue des belles lettres* в свободном доступе, которые может взять полистать любой без регистрации и каких-либо документов.

В силу резкого высвобождения времени после защиты диссертации и при этом еще длящихся привычек времяпрепровождения, которые были выработаны за годы работы над ней, я стал часто и надолго пропадать в этих стеллажах с современной зарубежной литературной периодикой. Поскольку никакая диссертация не способна вместить все встреченные в ней резонансы с разрабатываемым материалом, пришлось заблаговременно позаботиться о том, чтобы отвести от нее, и так угрожающе разрастающейся, хотя бы часть сюжетов — в периодику отечественную, которой в лице журнала *Versus* я и предложил делать регулярные обзоры с угла Каннэбьер и Кур-Бельзюнс.

7. Бенъямин В. Гашиш в Марселе. С. 293.

Первой и почти случайно выбранной единицей хранения выступит летний выпуск *Esprit*⁸, озаглавленный уже знакомым российскому читателю рансьеровским образом, но — во множественном числе, — *Politiques de la littérature. Revue Esprit*.

Как деликатно напоминает введение, Жак Рансьер говорил о «политике поэтов», эстетическом режиме искусства, диссенсусе и разделении чувственного, однако все эти успешно вошедшие не только во франко-, но и в русскоязычный интеллектуальный обиход⁹ концепты довольно долго не пересматривались, и возможно — в нынешние времена катастрофической политики и регулярно оскорбляющихся чувств верующих всех мастей, когда консенсус перестал быть объектом критики, а чувственное уже разделяет нас без того, чтобы разделяться нами, — требуют некоторой рекогносцировки.

Последнюю декаду *Esprit* всегда умело сочетал фундаментальные экскурсы в различные историко-философские сюжеты — обычно объединенные в блок, дающий название выпуску, — с актуальной публицистикой и политической полемикой¹⁰. Для того чтобы познакомить с принципом организации и историей журнала, можно подробнее остановиться на одной статье из блока *Politiques de la littérature*, предпринимающей (само)критический и историзирующий шаг, рассказывая о литературной политике журнала¹¹.

Мишель Мюра в своей статье *Les engagements littéraires d'Esprit* говорит об истории журнала, который он характеризует как философско-политический (надо сказать, точно так же можно охарактеризовать едва ли не любое периодическое издание во Франции XX века, будь его издатель иезуит или представитель поколения 1968 года (*soixante-huitard*). В случае *Esprit* эта истории разворачивалась, прежде всего, в диалоге с литературой. И особенно полемическом — с литературой и литературной теорией, утверждаемой журналом/группой *Tel Quel*.

8. *Esprit*. Juillet-Août 2021. № 476. URL: <https://esprit.presse.fr/tous-les-numeros/politiques-de-la-litterature/>.

9. См. до сих пор наиболее полное издание текстов философа в переводе на русский: Рансьер Ж. Разделяя чувственное. СПб.: ЕУСПБ, 2007.

10. О самом журнале см. беседу Александра Бикбова с Марком-Оливье Падисом, проработавшим в *Esprit* более 20 лет и долго его возглавлявшим: Бикбов А., Падис М.-О. Материя и дух *Esprit*: модель интеллектуального журнала // *Versus*. 2021. № 1. С. 333–366. — *Прим. ред.*

11. Murat M. Les engagements littéraires d'Esprit // *Esprit*. Juillet-Août 2021. № 476. URL: <https://esprit.presse.fr/article/michel-murat/les-engagements-litteraires-d-esprit-43450>.

Определить идеологическую и политическую позицию *Esprit* можно и по резкому противостоянию голлизму, и по избранному этическому ориентиру — Жоржу Бернано-су, католику-идущему-против-церкви и интеллектуалу, отказавшемуся от места в правительстве де Голля (что очевидно противопоставлялось Мальро, это место занявшему). Традиция христианского неконформизма *à la Charles Péguy*¹² получила после войны даже некоторое моральное преимущество (как и до нее — не вступившие во французскую Коммунистическую партию сюрреалисты).

Камертоном эстетической программы этого течения французской культурной истории была интонация беспокойности об этике говорения от лица другого и, прежде всего, невыжившего другого — этому посвящен текст Жана Кейроля, вышедший в 1949 году в *Esprit* под заголовком *D'un romanesque concentrationnaire*¹³, который может напомнить российскому читателю своим названием о прозе и эссеистике Варлама Шаламова (в позднейшей полемике с этой обеспокоенностью имеют дело переведенные на русский язык тексты Рансьера).

Именно эта дискуссия, вылившаяся в серию публикаций, сделала одним из постоянных авторов журнала молодого Ролана Барта, предложившего в ее ходе свой концепт «белого письма» (*écriture blanche*)¹⁴. Очень скоро он сменил порт приписки и со страниц *Esprit* переключается на страницы *Tel Quel*, перед этим став известным благодаря первой книге Барта¹⁵. Сменив таким образом название, концепт уже не отстаивал чистоту и белизну письма — что в ходе алжирской войны и к году выхода фильма Жана Руша *Moi, un noir* (1958) могло звучать вполне двусмысленно, — а, скорее, призывал сравнить с землей сложившиеся вертикали, литературными иллюстрациями чего оказываются уже патентованный *L'étranger* Альбер Камю и программно постантропоцентричный *Nouveau Roman*¹⁶.

12. Поэт и драматург, публицист и редактор Шарль Пегй (1873–1914), начав с увлечения социал-демократическими идеями, позднее перешел на позиции римского католицизма. — *Прим. ред.*

13. Cayrol J. D'un romanesque concentrationnaire // *Esprit*. Septembre 1949. № 159. P. 340–357. URL: <https://esprit.presse.fr/article/jean-cayrol/d-un-romanesque-concentrationnaire-29393>.

14. Впервые появляется в комментарии Барта к статье Кейроля.

15. Барт Р. Нулевая степень письма. М.: Академический проект, 2008. С. 51–115. Заметим, что оба журнала при этом издаются в *Seuil*.

16. «Этот прозрачный язык, впервые использованный Камю в “Постороннем”, создает стиль, основанный на идее отсутствия, которое оборачивается едва ли не полным отсутствием самого стиля» (Барт Р. Нулевая степень письма. С. 105).

ESPRIT

NOUVELLE SÉRIE

LE « NOUVEAU ROMAN »

I. PANORAMA

Nouvelle littérature romanesque par Olivier de MAGNY

Dix romanciers vus par la critique :

Samuel BECKETT, Michel BUTON, Jean CATROL, Marguerite DURAS,
Jean LAGROUET, Robert PINGET, Alain FORBES-GRILLET, Nathalie
SARRAUTE, Claude SIMON, Kateb YACINE.

II. FENÊTRES

Sur l'espace. — L'objet. — Les personnages. — L'ascé-
tisme et l'abstraction. — Le refus

par
Bernard DORT, Dina DREYFUS, Jacques HOWLETT, Gennia LUCCIONI,
Bernard PINGAUD.

III. PERSPECTIVES

Distance et personne. — Je, Vous, Il. — Des romans
innocents ? — Lettre à un jeune romancier

par
Bernard DORT, Luc ESTANG, Jacques HOWLETT, Bernard PINGAUD.

JOURNAL A PLUSIEURS VOIX

La mort d'un régime. — La manifestation. — Berlioz. —
Guerre civile au Liban.

CHRONIQUES

Les élections italiennes Joseph ROVAN

La gauche française devant la crise du régime

Alain BERGER

LES LIVRES

JUILLET-AOÛT 1958

7-8

Последний впоследствии удостоится целого *dossier* в *Esprit*, в котором реплика Барта уже воспринимается как принадлежащая, скорее, приглашенному автору и слишком радикальная¹⁷. Тем самым, сдвигаясь влево, Барт вынуждает и оставшихся в редакции авторов *Esprit* переходить к постколониализму и экогуманизму. А после XX съезда КПСС *Esprit* и вовсе имеет все меньше дел с литературой, начинает смотреть на нее снаружи и даже с подозрением, не теряя при этом надежды выработать некий гуманитарный мета-язык, невозможность которого все больше в эти годы сознается (пост)структуралистами.

17. См. в выпуске “Le Nouveau Roman” (*Esprit*, Juillet-Août 1958, № 332. URL: <https://esprit.presse.fr/tous-les-numeros/le-nouveau-roman/332>). Приведем заголовки политического отдела только этого выпуска *Esprit*, чтобы понять, в каком климате «обнуляется» *écriture blanche*: “Une lettre d’Algérie”/“Mort Silencieuse D’un Régime”/“Reflexion Sur Le Gouvernement Des Français”/“La Corruption De La République”/“Ou Sont Les Fascistes?”.

По этой причине *Esprit* все более заинтересованно смотрит в направлении (социальных) наук, звучащих — на уровне заголовков — вполне по-бурдьевиcтски. Именно таким способом *Esprit* занимает критическую «дистанцию к литературной франкофонии и ее лирическим иллюзиям»¹⁸, как это точно формулирует Мишель Мюра. Однако вдохновлялось это дистанцирование не марксистским подозрением (которое уже было на марше в *Tel Quel*), а христианским состраданием и потому могло выглядеть на порядок подозрительнее¹⁹ с точки зрения любого представителя такой национальной индустрии как субверсивное письмо.

В 1960-е годы эмпирическая установка широко представленной в журнале социологии еще вполне уживается с интеллектуальным консерватизмом редакции или во всяком случае не входит с ней в конфликт. Именно в этом общем поле Поль Рикёр пробует на страницах журнала наладить диалог герменевтики со структурализмом в лице Клода Леви-Стросса²⁰, однако ответ Леви-Стросса в этом примечательном обмене репликами не дает надежд на примирение, поскольку смысл им подчеркнуто сводится к эффектам поверхности, а структурализм подается им при этом как фундамент подчеркнуто материалистической философии.

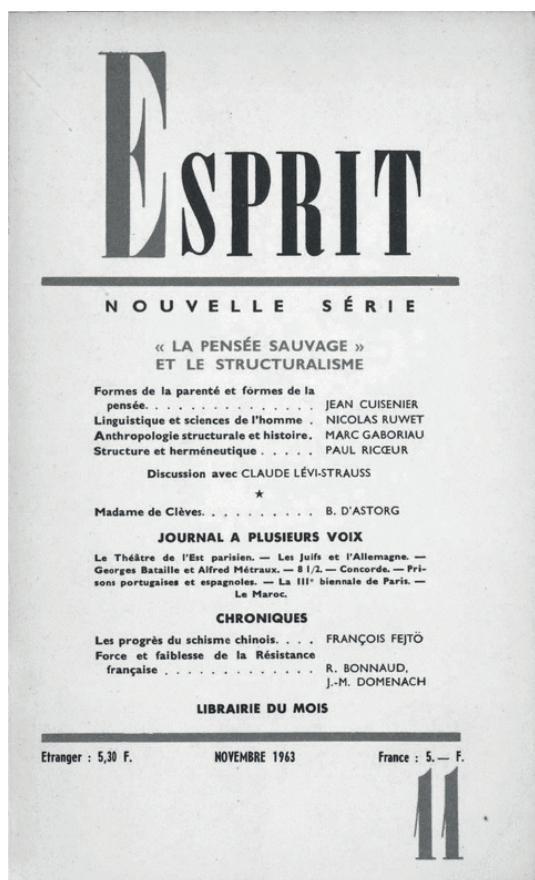
К 1967 году, когда выходит еще один выпуск, посвященный структурализму, общий интеллектуальный расклад уже окончательно изменился в пользу *Tel Quel*, и *Esprit* приходится — словно действуя по законам структурных оппозиций — отрицать структурализм как «холодную, внеперсональную мысль, воздвигнутую на отказе от всякой субъективности»²¹. Точно так же во всех прочих эстетико-теоретических полях *Esprit* приходится занимать все более оборонительную позицию или, во всяком случае, предлагать более «сла-

18. Murat M. Les engagements littéraires d'Esprit.

19. Наконец, к 1990-м сострадание прорвет ксенофобической атакой на современное искусство, объявляемое находящимся в кризисе, — если только не понимать, как это позволяет грамматика заголовка, что только сам кризис (искусства) является современным: *crise de l'art contemporain*.

20. Дискуссии, посвященной структурализму и одновременно ведущейся с ним, отведено целых два выпуска — в ноябре 1963 — “*La pensée sauvage’ et le structuralisme*” (см.: *Esprit*. Novembre 1963. № 322. URL: <https://esprit.presse.fr/tous-les-numeros/la-pensee-sauvage-et-le-structuralisme/128>) и позже, — в мае 1967-го.

21. В оригинале *une pensée froide, impersonnelle, édifée à l'écart de tout sujet*. Из предисловия Жан-Мари Доменака к выпуску *Structuralismes. Idéologie et méthode* 1967 года (см.: *Domenach J.-M. Le système et la personne*// *Esprit*. Mai 1967. № 360. P. 772. URL: <https://esprit.presse.fr/tous-les-numeros/structuralismes-ideologie-et-methode/350>).



бую версию» — как, например, в случаях «внутренней критики» вместо деконструкции Жака Деррида, генеративной грамматики Ноама Хомского — вместо картезианской лингвистики Эмиля Бенвениста или вовсе вдруг возвращаться к Готлобу Фреге. Но ни фуколдианского *pensée folle*, ни альтюссеррианского *lecture symptômale*, ни других способов мыслить извне (*dehors*) увлеченная идеей интериорности редакция *Esprit* уже допустить не может.

После этого — уже необратимая склонность к пассаеизму и диалог с почтенными мертвецами из персоналистской традиции, в то время как передним фронтом методологического авангардизма на конкурирующих страницах становится внесюжетная (что на французском значит одновременно внеличностная) техника анализа текстовых массивов или *machinisme textique*, которую еще пытается привнести на страницы журнала Жан Рикарду, явно оказываясь в меньшинстве. Такова в целом поучительная историзация этого

перехода журнала на все более и более ретроградные позиции в эпоху, когда литература все более развязывала с широковещательной политикой и связывалась со специфическим интеллектуалом социальных наук.

В свете этого самоанализа на страницах журнала небезынтересно обратиться к еще одному тексту из этого же блока о «политиках литературы», рассматривающему дальнейшие метаморфозы ангажированного литератора и интеллектуала²². Жизель Сапиро известна российскому читателю как ученица Пьера Бурдьё, занимающаяся разработкой его теории поля литературы и различных фигур политически ангажированного письма.

Грамматическая двусмысленность французского *écriture engagée* не позволяет понять, идет ли речь о письме-процессе или письме-результате, некой объектифицируемой производной этого процесса²³. Однако исторически можно сказать вполне определенно, что если это процесс, то разворачивался он ровно в те же годы и в противостоянии *écriture blanche*, противопоставленного Бартом лобовому ангажементу. Эта «мораль формы», противопоставленная партийным декларациям писателя, оказывается в описании Сапиро связанной с представлением о литературных текстах как носителях «видения мира» (*vision du monde*) и «схемах перцепции» (*schémas de perception*), в которых, в свою очередь, укоренено и этико-политическое суждение, высказанное с позиции этого возможного мира. Такого рода кантианство, перелицованное Эрнстом Кассирером, подразумевало, что от простейших (почти физических) *reactions*, через *émotions* и все более усложняющиеся *reflexions*, инспирируемые чтением литературных текстов, мы приходим и к моральному суждению и/или политическому выбору.

Эти литературно-теоретические представления позволяли писателям обзаводиться все большей (контр)властью (или символической властью, как назвал бы это Бур-

22. Sapiro G. Les métamorphoses de l'écrivain engagé // *Esprit*. Juillet-Août 2021. № 476. URL: <https://esprit.presse.fr/article/gisele-sapiro/les-metamorphoses-de-l-ecrivain-engage-43452>.

23. Подробнее о следующих отсюда фразеологических затруднениях и употреблении понятия «письмо» в российской теоретической традиции см. в эссе: Арсеньев П. Логика и технология письма // Горький. 16.10.2019. URL: <https://gorky.media/reviews/inaya-logika-pisma-poeticheskaya-motorika-arkadiya-dragomoshhenko/>.

дьё), начиная с участия Вольтера в *affaire de Calas*²⁴ и вплоть до участия Золя в *affaire de Dreyfus*. Именно эта (контр)власть впоследствии и употреблялась интеллектуалами для высказывания по все более широкой повестке, пока они не получили наконец то самое ироническое определение «универсальных» и не были «закенселены» в середине 1960-х.

Другими словами, фигура ангажированного литератора формируется в рамках последовательной дифференциации между полем литературы и полем политики и соответствующей профессионализации карьерных маршрутов каждого из полей во все большей автономии друг от друга. Аналогичным образом зарождение и эволюция автономного полюса литературы и — параллельно с ним — того, что мы предлагаем называть *литературным позитивизмом*, то есть всех случаев, когда литература стремится демонстрировать свою осведомленность о научной методологии и лабораторных протоколах, разворачивались в рамках аналогичной дифференциации полей науки и литературы веком раньше (альтернативой чему являлось опять же сопротивление литераторов (позитивистской) специализации интеллектуальной работы, «дроблению знания» и удерживание ими позиций (католического) универсализма, некой экспертной позиции субъекта, владеющего пером).

Какие еще типы возникли или были выработаны историей/структурой поля французской литературы с момента начала его автономизации в XIX веке? Сапиро выделяет четыре примечательных фигуры — *эстет*, *нотабль*, *авангардист* и *полемист*. Первый тип, непосредственно обязанный своим появлением процедуре автономизации (а не удерживаемым остаткам традиционного типа власти, как это происходит в случае *нотаблей*²⁵) — это эстеты или «левые литературные эстеты» (*gauche littéraire ésthète*), представляющие собой порождение как самой автономии, так и ее институциональной (само)рефлексии и критики. Если *нотабли* освящены всеми признанными инстанциями вроде Французской академии, то эстеты должны были быть, прежде всего, как

24. Жан Калас (1698–1762) — торговец из Тулузы, стал жертвой предвзятого суда из-за того, что был протестантом, впоследствии его имя стало использоваться как символ, отражающий религиозную нетерпимость. — Прим. ред.

25. Последних, в свою очередь, можно рассматривать уже как форму реакции на появление типа эстетов в поле литературы. Сапиро стремится мыслить поле литературы как бы одновременно в генеалогических и структурных терминах, из-за чего точная датировка систематически конкурирует с чисто циркулярной логикой.

следует прокляты, либо хотя бы быть признаны не слишком признанными инстанциями, то есть теми, чья собственная легитимность находится под вопросом или в становлении. Очевиден напрашивающийся пример альянса проклятых поэтов с участниками *Салона независимых*, которые писали друг (о) друге/а²⁶. Попробуем, однако, привести пример из отечественной культурной истории.

Виссарион Белинский говорил о социальной рефункционализации литературы с позиций, которые еще только требуется утвердить в ходе этой рефункционализации²⁷. Парой десятилетий позже Чернышевский говорил о новой «эстетике снизу», будучи вынужден анонимно публиковать в «Современнике» анонимные авторецензии на собственную диссертацию²⁸. И эстеты, и нотабли (если предположить, что они существуют в отечественном поле литературы) эвфемизируют политику в литературе и своей поэтологии, но все же это либо консервативная, либо прогрессистская политика, что уже может служить точкой кристаллизации собственно литературных стратегий и спора о стиле/методе повествования (а не только о его предметах). И вот тут уже можно нащупать специфически интересный узел в отечественной истории/структуре поля литературы. Телесные диспозиции разночинцев действительно повлияли на их схемы перцепции, не говоря уж об их видении мира, представленном в вымышленных повествованиях 1860-х годов²⁹. А значит, и в иных возможных (политически) мирах, денонсирующих реальный мир (например, николаевской реакции) и зовущих к его переустройству (например, в романе «Что делать?»). Такое эстетико-политическое суждение о мире, которое известно как радикальная критика «Современника», было очевидно не только заложником структурных оппозиций поля русской литературы XIX века, но и имело определенный генезис, укорененный в телесно-

26. См. портрет Малларме кисти Мане, а также: *Mallarmé S. The Impressionists and Edouard Manet//Œuvres complètes: En 2 vols/B. Marchal (ed.). P.: Gallimard; Pléiade, 2003. Vol. 2. P. 444-470.*

27. См.: *Лахманн Р. Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического. СПб.: Академический проект, 2001.*

28. В порядке аналогичного хиазма он посмертно приписывает своему товарищу по «Современнику», критику Добролюбову, статус «главы литературы», который впоследствии будет применяться и к нему самому. Подробнее см.: *Вдовин А. Концепт «глава литературы» в русской критике 1830-1860-х годов. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 2011.*

29. См.: *Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М.: НЛО, 1996.*

сти, а значит, в конечном счете и в классовой диспозиции, в которой различные типы «боли за народ» и тот «объем» боли, который «телу пишущего» удавалось аккумулировать и пропускать через себя, вступали в непримиримое противоречие.

Собственно, два оставшихся типа из таксономии Сапиро — авангардисты и полемисты — стоит понимать не только как эффекты структуры поля, но и как некоторые свидетельства его исторической эволюции, генеалогически связанные с ней и, следовательно, как исторически более поздние ответы, данные на это противоречие — справа и слева. Если слева авангардисты призывают к передаче всей власти субверсии и сопротивлению всякой ортодоксии, особенно — стилистической, то есть эвфемизации революционной политики, то в случае полемистов справа — это эвфемизации политики исключения и претензии на жертвенный статус, выгодно отличающий молодого автора от непосвященных и позволяющих ему рассчитывать когда-либо в будущем получить свой кусок пирога и порядка.

Библиография

- Арсеньев П. Где футуризм зимует, или Когда искусство оборачивается книгой // *Arterritory*. 23.03.2021. URL: https://artterritory.com/ru/vizualnoe-iskusstvo/stati/25476-gde-futurizm_zimuet.
- Арсеньев П. Логика и технология письма // Горький. 16.10.2019. URL: <https://gorky.media/reviews/inaya-logika-pisma-poeticheskaya-motorika-arkadiya-dragomoshhenko/>
- Барт Р. Нулевая степень письма. М.: Академический проект, 2008. С. 51–115.
- Беньямин В. Автор как производитель // Он же. Учение о подобии: медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012. С. 133–161.
- Беньямин В. Гашиш в Марселе // Он же. Озарения. М.: Мартис, 2000.
- Беньямин В. Московский дневник. М.: Ad Marginem, 1997.
- Вдовин А. Концепт «глава литературы» в русской критике 1830–1860-х годов. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 2011.
- Иванов А., Вилейкис А. Вальтер Беньямин: философ на измене // *Нож*. 12.07.2012. URL: <https://knife.media/benjamin/>.
- Лахманн Р. Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического. СПб.: Академический проект, 2001.
- Рансьер Ж. Разделяя чувственное. СПб.: ЕУСПБ, 2007.
- Benjamin W. Experience and Poverty // *Die Welt im Wort*. 1933. Vol. 2. P. 213–219. URL: <https://atlasofplaces.com/essays/experience-and-poverty> (дата обращения: 10.01.2021).
- Cayrol J. D'un romanescque concentrationnaire // *Esprit*. 1949. Sept. <https://esprit.presse.fr/article/cayrol-jean/d-un-romanescque-concentrationnaire-29393>.
- Domenach J.-M. Le système et la personne // *Esprit*. Mai 1967. № 360. P. 772. URL: <https://esprit.presse.fr/tous-les-numeros/structuralismes-ideologie-et-methode/350>.
- Esprit. Juillet-Août 1958. № 332. URL: <https://esprit.presse.fr/tous-les-numeros/le-nouveau-roman/332>.

- Esprit. Juillet-Août 2021. № 476. URL: <https://esprit.presse.fr/tous-les-numeros/politiques-de-la-litterature/>.
- Mallarmé S. The Impressionists and Edouard Manet // Œuvres complètes: En 2 vols. / B. Marchal (ed.). P.: Gallimard; Pléiade, 2003. Vol. 2. P. 444-470.
- Murat M. Les engagements littéraires d'Esprit // Esprit. Juillet-Août 2021. № 476. URL: <https://esprit.presse.fr/article/michel-murat/les-engagements-litteraires-d-esprit-43450>.
- Sapiro G. Les métamorphoses de l'écrivain engagé // Esprit. Juillet-Août 2021. № 476. URL: <https://esprit.presse.fr/article/gisele-sapiro/les-metamorphoses-de-l-ecrivain-engage-43452>.

Euphemising Politics, or the Literary History of the *Esprit*

Pavel Arseniev. Université de Genève (UNIGE), Geneva, Switzerland; literary and theoretical journal "Translit", Saint-Petersburg, Russia, lartpaulars@gmail.com.

Finding himself in a new city during the quarantine, the author offers a reexamination of local cultural mythology and a cursory mapping of those contexts made available to him within walking distance. In the case of the Marseille district of the Vieux Port, this turns out to be the quarter where Walter Benjamin wrote several essays. These include, in particular, "Hashish in Marseille" written, so to speak, hot on the heels of a walk through the same quarter. During an exercise in local literary lore, a decision was made to keep bibliographic notes from this area, the cycle of which is titled "Self-Storage Unit". The first "storage unit", in the very first report from the Marseille Alcazar library, becomes the almost legendary journal *Esprit*. In the recent summer 2021 issue, entitled "The Politics of Literature", the author Michel Murat analyses the journal's own history in its relation to literary circles and post-War French history. As one of the stakes of the "politics of literature", the circulation of Roland Barthes' concept of "white writing" (*écriture blanche*) is analysed. Another publication, by Giselle Sapiro, examines the history of the concept of the engaged writer, as well as the models of institutional and rhetorical behaviour that oppose it. From concepts of aesthetes, notables, avants-garde and polemicists, the author of the review attempts to select those that may be relevant to the subject of our national of literature from the same period.

Keywords: *Walter Benjamin; Jacques Rancière; politics of literature; Esprit; Tel Quel; Roland Barthes; writing degree zero; the Nouveau Roman; structuralism.*

References

- Arseniev P. Gde futurizm zimuet, ili Kogda iskusstvo oborachivaetsya knigoi [Where Futurism Hibernates, or When Art Turns Into a Book]. *Arterritory*, March 23, 2021. URL: <http://arterritory.com/ru/vizualnoe-iskusstvo/stati/25476-gde-futurizm-zimuet>.
- Arseniev P. Logika i tekhnologiya pis'ma [Logic and Technology of Writing]. *Gor'kii* [Gorky], October 19, 2019. URL: <http://gorky.media/reviews/inaya-logika-pisma-poeticheskaya-motorika-arkadiya-dragomoshhenko/>.
- Barthes R. *Nulevaya stepen' pis'ma* [Le degré zéro de l'écriture], Moscow, Akademicheskii proekt, 2008.
- Benjamin W. *Uchenie o podobii. Mediaesteticheskie proizvedeniya* [Doctrine of the Similar. Mediaesthetic Works], Moscow, RSUH, 2012, pp. 133-161. 1933, vol. 2, pp. 213-219. URL: <http://atlasofplaces.com/essays/experience-and-poverty>.
- Benjamin W. *Gashish v Marsele* [Haschisch in Marseille]. *Ozareniya* [Beleuchtungen], Moscow, Martis, 2000.

- Benjamin W. *Moskovskii dnevnik* [Moskauer Tagebuch], Moscow, Ad Marginem, 1997.
- Cayrol J. D'un romanescque concentrationnaire. *Esprit*, septembre 1949. URL: <https://esprit.presse.fr/article/cayrol-jean/d-un-romanescque-concentrationnaire-29393>.
- Domenach J.-M. Le système et la personne. *Esprit*, mai 1967, no. 360. URL: <https://esprit.presse.fr/tous-les-numeros/structuralismes-ideologie-et-methode/350>.
- Esprit. Juillet-Août 1958, no. 332. URL: <https://esprit.presse.fr/tous-les-numeros/le-nouveau-roman/332>.
- Esprit. Juillet-Août 2021, no. 476. URL: <https://esprit.presse.fr/tous-les-numeros/politiques-de-la-litterature/>.
- Ivanov A., Vileykis A. Val'ter Ben'yamin: filosof na izmene [Walter Benjamin: Philosopher Freaking Out]. *Nozh* [Knife], July 12, 2012. URL: <http://knife.media/benjamin/>.
- Lachmann R. *Demontazh krasnorechiya. Ritoricheskaya traditsiya i ponyatie poeticheskogo* [Die Zerstörung der schönen Rede. Rhetorische Tradition und Konzepte des Poetischen], Moscow, Akademicheskii proekt, 2001.
- Mallarmé S. The Impressionists and Edouard Manet. *Œuvres complètes: En 2 vols* (ed. B. Marchal), Paris, Gallimard, Pléiade, 2003, vol. 2, pp. 444–470.
- Murat M. Les engagements littéraires d'Esprit. *Esprit*, Juillet-Août 2021, no. 476. URL: <http://esprit.presse.fr/article/michel-murat/les-engagements-litteraires-d-esprit-43450>.
- Rancière J. *Razdelyaya chuvstvennoe* [Le partage du sensible], Saint Petersburg, EUSPb, 2007.
- Sapiro G. Les métamorphoses de l'écrivain engagé. *Esprit*, Juillet-Août 2021, no. 476. URL: <http://esprit.presse.fr/article/gisele-sapiro/les-metamorphoses-de-l-ecrivain-engage-43452>.
- Vdovin A. *Kontsept "glava literatury" v russkoi kritike 1830–1860-kh godov*, Tartu, Tartu University Press, 2011.